

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ПРАВО. ОБЩЕСТВО.
ГОСУДАРСТВО

*Сборник научных
трудов студентов и аспирантов*

Том 8

Санкт-Петербург
2019

УДК 34
ББК 67

Редакционная коллегия:

*Д. В. Рыбин (председатель),
Е. В. Трофимов (ответственный редактор),
Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова,
Я. А. Сексте, А. А. Сергеева, Н. Н. Штыкова*

П 68 Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Т. 8. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — 220 с.

В настоящий сборник включены научные статьи студентов и аспирантов, подготовленные по материалам конкурсных работ, а также научных докладов и сообщений на конференциях Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Издание предназначено для научно-педагогических работников, студентов, аспирантов и всех интересующихся правовыми и гуманитарными исследованиями.

ISBN 978-5-6042626-1-0 (Т. 8)

ISBN 978-5-6042626-1-0

9 785604 262610

ISBN 978-5-9908298-6-2

ISBN 978-5-9908298-6-2

9 785990 829862

© Составление, оформление.
ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019

Содержание

<i>Хромченко Н. К.</i> Международно-правовое регулирование деятельности транснациональных корпораций в России	6
<i>Крючков А. В.</i> Потерпевший как участник производства по делу об административном правонарушении	8
<i>Шайдурова Г. В.</i> К вопросу об определении предмета взятки	11
<i>Ягадинова Г. С.</i> Актуальные проблемы правового регулирования «книжного дела»	14
<i>Дегай Т. Е.</i> Юридические лица публичного права: понятие и виды ...	16
<i>Клюева К. И.</i> Проблемы определения вида судопроизводства при организации исковой работы прокурора в экологической сфере....	20
<i>Соков Н. К.</i> Неприкосновенность частной собственности на территории стран СНГ	24
<i>Степанова В. С.</i> Международно-правовое регулирование иностранного усыновления	26
<i>Лужецкий Д. С.</i> К вопросу о реализации права народов на самоопределение в странах Европейского союза	30
<i>Бронникова Н. И.</i> Эволюция института наблюдателей в современном избирательном праве	33
<i>Щукин М. Н.</i> Проблемы привлечения к ответственности за вред, причиненный действиями (бездействием) органов местного самоуправления и их должностных лиц	37
<i>Штырхунов Е. А.</i> Личность преступника как объект криминологии	40
<i>Минаев Н. Н.</i> Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации: понятие и характерные признаки	43
<i>Шартава Д. Н.</i> Общая характеристика элементов составов административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	47
<i>Салихова П. Р.</i> Этические аспекты деятельности прокуратуры	51
<i>Лемехов С. В., Войнакова К. Н.</i> Эволюция конституционализма в России и его воплощение в Конституции Российской Федерации 1993 года	54
<i>Султаматов Б. И.</i> Международная борьба с легализацией денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем	57
<i>Францужов А. В.</i> Взгляд ООН на современные проблемы в Афганистане	60
<i>Литвинова К. С., Судакова В. В.</i> Применение информационных технологий в гражданском процессе на примере России и зарубежных государств	64
<i>Морина Е. В.</i> Некоторые вопросы ответственности перевозчика по договору международной перевозки пассажира и багажа	68
<i>Рассказова А. Ю.</i> Административно-правовое положение многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг	71

Попова Ю. Н. Правовое регулирование прав человека в спорте: международный и внутригосударственный аспекты.....	74
Сабирова Р. Р. Сравнительно-правовой анализ конституций России, Англии и Франции	77
Селезнева А. Д. К вопросу о разграничении составов преступлений, совершаемых медицинскими работниками.....	81
Султанмуратов Д. Ю. Эволюция источников международного частного права	85
Смирнов К. О. Актуальные вопросы правового положения и защиты прав граждан РФ, проживающих на территории иностранных государств.....	90
Искендерли Р. И. о. Преступность в местах лишения свободы.....	94
Теляшев Э. В. Общественный контроль как способ борьбы с коррупцией	96
Григорян Э. Г. К вопросу об административном задержании лица, совершившего административное правонарушение	101
Доброродова В. В. Борьба с экстремизмом в Интернете: сравнительный анализ правового опыта России и зарубежных стран	104
Левичева А. С. Проблемы противодействия современным способам легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков	108
Узрюмова А. Н. Проблемы обеспечения равного доступа граждан к государственной гражданской службе при проведении конкурсной процедуры.....	112
Аббасов З. Ф. о. Международно-правовое сотрудничество Азербайджанской республики с Европейским союзом.....	115
Плахтий М. А. Развитие торгового (предпринимательского) права в дореволюционной России	118
Зайцева А. И. История развития предпринимательского права в постсоветский период.....	122
Тужилков С. М. Административно-правовые аспекты обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий	126
Давыдовская Е. Ю., Пархачева А. С. Колонаты: правовое положение. Колонаты как прообраз феодальной зависимости и крепостного права.....	129
Кондратьева О. Д. Проблемы функционирования кадрового резерва на государственной гражданской службе Российской Федерации.....	133
Велюга М. И. Характеристика структурных элементов дефиниции «конфликт интересов».....	135
Блыжков Г. Н. Теоретические подходы к определению содержания административной ответственности за нарушение пожарной безопасности в Российской Федерации	139
Лаптева Д. Д. Проблемы и особенности усыновления детей-граждан Российской Федерации иностранными гражданами ...	141
Мышьякова А. А. Дипломатические представительства: состав и выполняемые функции	145

<i>Халилова Д. З.</i> Некоторые проблемы отграничения кражи от смежных составов преступлений	148
<i>Гомонова Н. Д.</i> Деятельность Законодательного собрания Санкт-Петербурга в сфере здравоохранения и экологии	151
<i>Савельев В. Е.</i> Конституционная гарантия социального обеспечения по возрасту и проблемы применения законодательства о пенсионном обеспечении в части учета трудового (страхового) стажа	153
<i>Дмитриев М. Д.</i> Правовые стандарты электронного голосования в международном праве	156
<i>Орлов В. И.</i> Право на жилище и обязательства по договору ипотеки: коллизии современного законодательства	158
<i>Лесников А. Д.</i> Раздел комнаты в квартире на отдельные объекты гражданских прав и ограничения жилищного законодательства	161
<i>Мурушдлу У. М. о.</i> Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека	164
<i>Сергеева Е. Е.</i> Соседские отношения и негаторные иски	167
<i>Коннова Ю. Л.</i> Квалификация по субъективной стороне мошенничества: некоторые проблемы негативного правоприменения	170
<i>Савосин Н. А.</i> Развитие законодательства о регулировании коллекторской деятельности	174
<i>Гавина Н. Е.</i> Компетенция судов по делам об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении	177
<i>Денисенко К. А.</i> Некоторые проблемы определения момента окончания получения взятки и его влияние на квалификацию преступления	179
<i>Теляшев Э. В.</i> Зарубежный опыт противодействия коррупции органами публичной администрации и его имплементация в России	183
<i>Зейналов И. Ш. о.</i> Значение юридической герменевтики в правовом просвещении	189
<i>Мыслова Т. Д.</i> Коллизия общего и специального правового статуса личности в современном обществе	192
<i>Зейналов И. Ш. о.</i> Социальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: реализация конституционной гарантии права на жилище	195
<i>Зейналов И. Ш. о.</i> Смертная казнь и ее восприятие современным российским обществом	199
<i>Кучерявая Е. О.</i> Международно-частноправовой аспект института публично-частного партнерства в зарубежных странах	202
<i>Мосягин Д. Ю.</i> Проблемы вовлечения несовершеннолетних в террористические организации	207
<i>Никончук Е. В.</i> Наследственный фонд: в России и за рубежом	210
<i>Покровский Ф. А.</i> Рекламная деятельность как объект административно-правового регулирования	214
<i>Сизов А. К.</i> Наградное право как институт административного права	216

*Хромченко Наталья Константиновна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Международно-правовое регулирование деятельности транснациональных корпораций в России

На современном этапе функционирование международных компаний развивается быстрыми темпами. Существенным влиянием на развитие экономики России обладают транснациональные корпорации. Осуществление их деятельности на территории Российской Федерации обладает рядом положительных и отрицательных факторов. Целью написания данной статьи является рассмотрение международного и национального законодательства, регулирующего деятельность транснациональных корпораций (ТНК), которые осуществляют свою деятельность на территории Российской Федерации. Объектом исследования являются общественные отношения между транснациональными корпорациями и Россией. Предметом исследования выступают международные и национальные правовые акты России и других государств, а также труды отечественных и зарубежных ученых.

Рассматривая функционирование и развитие транснациональных корпораций на территории Российской Федерации, следует представить наиболее унифицированное определение данного термина, исходя из различного множества дефиниций, данных международными организациями и учеными. Транснациональная корпорация — это масштабная организация, образующая налаженную систему, взаимодействующая со своими структурными подразделениями в различных странах, функционирующая как единый «организм», осуществляющая свою деятельность посредством перераспределения капитала, производственных мощностей, а также имеющая единый руководящий центр.

Деятельность транснациональных корпораций оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на экономику России.

Положительное влияние заключается в том, что транснациональные корпорации постоянно повышают уровень конкуренции, борясь за рынки в глобальном масштабе, что способствует развитию новых технологий, внедрению инноваций, ускорению научно-технического прогресса. Содействуя обороту капиталов, людей и техники, транснациональные корпорации в значительной степени способствуют экономическому росту и развитию [1, с. 14].

Однако, поскольку транснациональные корпорации обладают масштабным финансовым влиянием, их финансовые потоки преоб-

ладают над некоторыми отраслями экономической деятельности, возникает угроза суверенитету малых государств, происходит монополизация локальных рынков.

Деятельность транснациональных корпораций на территории России, имеет положительную тенденцию в развитии, поскольку Российская Федерация заинтересована в притоке иностранных инвестиций. В связи с потребностью в привлечении иностранного капитала возникает необходимость в законодательном регулировании данной сферы.

Основным источником правового регулирования ТНК в России является федеральный закон №160-ФЗ от 9 июля 1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Кроме того, 6 июля 2008 г. была создана специальная правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации [4].

Указанный закон определяет основные гарантии прав иностранных инвесторов на инвестиции и получаемые от них доходы и прибыль, условия предпринимательской деятельности иностранных инвесторов. Закон направлен на обеспечение стабильности деятельности иностранных инвесторов и соблюдение соответствия правового режима иностранных инвестиций нормам международного права и международной практике инвестиционного сотрудничества [2, с. 18].

Основные положения, касающиеся правового регулирования, создания и деятельности транснациональных корпораций в России, не отражены во внутреннем законодательстве Российской Федерации. Единственным нормативным актом, регулирующим деятельность ТНК в Российской Федерации, является Конвенция от 6 марта 1998 г. «О транснациональных корпорациях». На момент написания данного исследования Российская Федерация не ратифицировала данный международный договор, поэтому он пока не может считаться источником правового регулирования деятельности ТНК в России [3].

Библиографический список

[1] Антонова П. А., Макаревич М. Н. Вопросы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций // Инновация экономика: перспектива развития и совершенствования. — 2017. — № 1 (19). — С. 14–15.

[2] Асосков А. В. Проблемы правового регулирования транснациональных компаний // Юридический мир. — 2000. — № 8. — С. 42–54.

[3] *Ali Mona*. Dark matter, black holes and old-fashioned exploitation: transnational corporations and the US economy // Cambridge Journal of Economics. — 2016. — Vol. 40, Issue 4. — P. 997–1018. — <https://doi.org/10.1093/cje/bev062>.

[4] *Chudnovsky Daniel, López Andrés*. Transnational corporations' strategies and foreign trade patterns in MERCOSUR countries in the 1990s // *Cambridge Journal of Economics*. — 2004. — Vol. 28, Issue 5. — P. 635–652. — <https://doi.org/10.1093/cje/beh029>.

УДК 342.9

*Крючков Александр Васильевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Потерпевший как участник производства по делу об административном правонарушении

В современном мире права и свободы личности обладают системным характером, выступая фундаментальной основой человеческого бытия. Права человека — это специфическая система, которая включает множество различных элементов, позволяющих воспринимать их вместе и по отдельности. Внутренняя согласованность и единство системы прав и свобод человека предполагают, что государство будет неукоснительно исполнять свои обязанности по их соблюдению и защите на национальном уровне [1, с. 32]. Российская Федерация, признав человека высшей ценностью, также закрепила за собой данную конституционную обязанность (ст. 2 Конституции РФ). Указанные положения стали фундаментом для законного осуществления производства по делам об административных правонарушениях, при совершении которых потерпевшие лица остро нуждаются в защите своих прав и интересов.

Содержание норм ст. 25.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) свидетельствует о том, что потерпевшим может быть признано как физическое, так и юридическое лицо, которому вследствие совершенного административного правонарушения был причинен определенный имущественный, физический или моральный вред. В соответствии со ст. 28.2 КоАП РФ законодатель допускает возможность признания лица потерпевшим не только на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, но и уже на стадии возбуждения дела.

По справедливому утверждению З. И. Магомедовой, совершение административного правонарушения часто влечет за собой причинение вреда другим лицам. Соответственно, в момент совершения

правонарушения потерпевшее лицо уже приобретает процессуальные права, что позволяет ему на этапе составления протокола заявлять необходимые ходатайства, пользоваться юридической помощью [2, с. 31].

Следует напомнить, что при составлении протокола соответствующие права предоставляются не только потерпевшему, но и лицу, совершившему административное правонарушение, что корреспондирует положениям ч. 3–4 ст. 28.2 КоАП РФ. Так, потерпевшие по делам об административных правонарушениях не могут и не должны находиться в привилегированном положении относительно субъектов правонарушений, поскольку это будет противоречить задачам административного судопроизводства.

Соответственно, уполномоченные органы власти и их должностные лица при производстве по делам об административных правонарушениях должны не только защищать права и интересы потерпевшего, но и создать оптимальные условия для реализации своих прав лицом, привлекаемым к ответственности (ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ). Однако на практике все обстоит несколько иначе. А. Ю. Соколов указывает на ошибки, совершаемые должностными лицами при уведомлении физических и юридических лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении [5, с. 77]. Например, зачастую извещения о месте и времени составления протокола направляются с нарушением норм ст. 25.15 КоАП РФ, что не позволяет лицу, в отношении которого ведется производство, считаться уведомленным надлежащим образом и препятствует его непосредственной явке на составление протокола и рассмотрение дела.

Нередко административные органы требуют от защитника лица, привлекаемого к административной ответственности, доверенности по установленной форме либо отказывают в допуске защитника к составлению протокола, поскольку его участие при составлении протокола не предусмотрено [4, с. 82]. Такие действия также являются ошибочными.

Н. В. Субанова указывает на небрежное отношение должностных лиц к документам, используемым при составлении протокола или рассмотрении дела. Как правило, такое небрежное отношение не нарушает напрямую права участников производства по делам об административных правонарушениях, однако несоблюдение процедуры часто становится причиной отмены вынесенного постановления [6, с. 46].

Так, из материалов дела № 7-994/2019, рассмотренного 18 февраля 2019 г. Московским городским судом [3] установлено, что обществом было заявлено ходатайство с указанием на невозможность представления запрошенных в уведомлении документов, поскольку подготовка такого пакета документов требует длительного времени.

В связи с этим общество просило уполномоченный орган отложить составление протокола об административном правонарушении. Поступившее мотивированное ходатайство общества уполномоченный орган обязан был рассмотреть на предмет его обоснованности. Однако должностные лица нарушили требования ст. 24.4 КоАП РФ: поступившее ходатайство не было рассмотрено и определение об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении ходатайства не выносилось. В дальнейшем должностные лица составили протокол в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу. Несоблюдение уполномоченными органами процедуры рассмотрения ходатайств свидетельствует о пренебрежении правами и интересами не только лиц, в отношении которых ведется производство по делу, но и потерпевших. В соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ, если протокол был составлен с нарушением закона, использовать его в качестве доказательства невозможно.

Таким образом, действующее законодательство наделяет правовой статус потерпевшего при производстве по делам об административных правонарушениях материальным и процессуальным смыслом. Материально-правовое содержание статуса потерпевшего определяется ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ. Фактически потерпевшим по делам об административных правонарушениях является физическое или юридическое лицо, которому совершенным правонарушением был причинен вред. При этом между причиненным вредом и совершенным нарушением должна отчетливо прослеживаться причинно-следственная связь. Процессуальная природа статуса потерпевшего характеризуется несколькими иными признаками, например своевременностью составления протокола и соблюдением процедурных аспектов, а также созданием для участников производства по делам об административных правонарушениях реальных возможностей и условий для реализации своих прав.

Библиографический список

[1] Балакишин В. С., Осинцев Д. В. Прокурор и административная юрисдикция // Законность. — 2019. — № 1. — С. 30–34.

[2] Магомедова З. И. Потерпевший как сторона административно-процессуальных правоотношений: проблемы правоприменения // Мировой судья. — 2016. — № 4. — С. 31–34.

[3] Определение Московского городского суда от 18.02.2019 по делу N 7-994/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

[4] Секретарева Т. М. О законодательной формулировке понятия «потерпевший» в сфере административного принуждения // Административное право и процесс. — 2016. — № 2. — С. 81–84.

[5] *Соколов А. Ю.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: моногр. — М.: Норма, 2015. — 320 с.

[6] *Субанова Н. В., Камчатов К. В.* Потерпевший как участник уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях (сравнительно-правовой аспект) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2016. — № 11. — С. 45–51.

УДК 343. 3

*Шайдурова Галина Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

К вопросу об определении предмета взятки

Достижение главной цели Российского государства — построения гражданского общества и правового демократического государственного строя на современном этапе развития нашей страны — задача практически невыполнимая, в связи с наличием коррупции, разрушающей изнутри основы российской государственности: социум, экономику, общественное благосостояние.

Наиболее опасной и распространенной формой проявления коррупции является взяточничество, а точнее, один из ее составов преступления, закрепленных в уголовном законодательстве: получение взятки (ст. 290 УК РФ). Так, по расчетам Генеральной прокуратуры, средняя сумма взятки в 2018 г. превысила 600 тыс. руб., при этом общая сумма взяток составила почти 2 млрд руб. [1].

Взяточничество относится к одной из основных проблем уголовного-правового поля. Для ее решения необходимо определиться с вопросом о предмете взятки, поскольку бесспорная позиция по данному вопросу до сих пор не выработана.

Согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ, к предмету взятки относятся деньги, ценные бумаги, иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным

действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [2].

В связи с законодательным закреплением определения предмета взятки в виде услуг имущественного характера и денежных средств вопрос о неимущественном характере услуг вызывает дискуссию среди авторов научных работ.

Непризнание предметом взятки нематериальной выгоды остается проблемой, позволяющей некоторым должностным лицам избегать ответственности, а также создает трудности для правоохранительных органов при определении четких критериев отнесения того или иного предмета к предмету взяточничества.

Н. А. Лопашенко верно отмечает, что «в основе коррупции могут лежать материальные интересы (которые шире интересов имущественных), а могут и интересы нематериального характера (предоставление взаимной услуги, продвижение во власть, на вышестоящую должность, торговля влиянием и т. д.)» [6].

Затрагивая тему услуг имущественного характера как предмета взятки, П. С. Яни указывает, что «если трактовать такие услуги узко, в сугубо цивилистическом смысле категории „услуги“ (как это уже сделали некоторые юристы), то неизбежно заслужим упрек в существенном ослаблении борьбы с коррупцией — к оказанию услуг в гражданско-правовом смысле не относится, по мнению большинства цивилистов, например, выполнение работ, в т. ч. по договору подряда. Значит, взяткой нельзя будет признать бесплатное или только частично оплаченное строительство дачи, ремонт дома» [5, с. 18].

В Конвенции ООН против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. и признанной (ратифицированной) Российской Федерацией в 2006 г., указывается на неправомерное преимущество, полученное в результате злоупотребления публичным должностным лицом своим действительным или предполагаемым влиянием, а не на материальные блага, получаемые в качестве прямой выгоды [4].

В связи с этим некоторые авторы научных работ предлагают расширить предмет взятки. Е. В. Фоменко, например, считает, что предметом взятки также могут являться «услуги неимущественного характера, но предоставляющие неправомерное преимущество» [3].

Возникает вопрос: что можно отнести к услугам неимущественного характера в рамках определения предмета взятки? По мнению И. С. Алихаджиевой, «любая услуга неимущественного характера может иметь соответствующее стоимостное выражение, денежный эквивалент». С этой точкой зрения согласен В. В. Качалов, который предлагает наряду с прочими услугами неимущественного характера считать предметом взятки сексуальные услуги: «сексуальные услуги в принципе могут быть признаны предметом как дачи, так и получе-

ния взятки, но только в том случае, если будет установлен и доказан их имущественный характер (т. е. что они воспринимались должностным лицом именно как имущественные)».

Таким образом, представляется, что оказание услуг неимущественного характера, которые в определенной ситуации могут быть расценены как получение взятки, должно составлять предмет взятки наравне с услугами имущественного характера.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано, что «оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств». Учитывая данную позицию, можно сделать вывод, что выгоды (услуги) неимущественного характера следует признавать предметом взятки, в случае если оказание данной выгоды (услуги) имело своей целью оказать влияние на должностное лицо и обладает соответствующим стоимостным выражением, денежным эквивалентом.

Данная позиция представляется обоснованной, ибо благодаря денежной оценке можно будет установить размер взятки и дать правильную квалификацию действиям взяточполучателя. С учетом вышеизложенного следует признать, что существует необходимость совершенствования уголовного законодательства.

Библиографический список

[1] Генпрокуратура рассчитала средний размер взятки в России в 2018 году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2018/5c18cf2e9a79471a4d084c63> (дата обращения: 20.02.2019).

[2] Заключение на проект федерального закона «О противодействии коррупции» / подг. Н. А. Лопашенко [Электронный ресурс] // URL: http://www.sartraccc.teplocomplex.ru/i.php?oper=read_file&filename=Law_ex/z273.htm (дата обращения: 20.02.2019).

[3] *Качалов В. В.* Сексуальные услуги как предмет взятки // Изв. Тульск. гос. ун-та: Экономические и юридические науки. — 2016. — № 4–2. — С. 118–120.

[4] Комментарий к федеральному закону «О противодействии коррупции» (постат.) [Электронный ресурс] // URL: <http://modernlib.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

[5] *Фоменко Е. В.* Актуальные вопросы совершенствования действующего законодательства по борьбе с коррупцией и взяточничеством [Электронный ресурс] // URL: <http://отрасли-права.рф/article/7113> (дата обращения: 20.02.2019).

[6] *Яни П. С.* Вопросы квалификации взяточничества // Законность. — 2013. — № 3. — С. 16–21.

**Актуальные проблемы правового регулирования
«книжного дела»**

Когда-то книги были предметом роскоши, но на сегодняшний день они являются составной частью жизни людей. Именно книга показывает степень научно-технического прогресса в стране и демонстрирует интеллектуальный потенциал государства.

«Сохранить свою идентичность крайне важно в бурный век технологических перемен, и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала», — отметил Президент РФ В. В. Путин.

Сегодня в нашем обществе наблюдается процесс потери актуальности книги как носителя культуры. Это объясняется широчайшей распространенностью «неживых книг». Несмотря на это, книжный бизнес является сегодня одним из наиболее прибыльных на рынке.

Нормативно-правовая база в сфере издательской деятельности пребывает в определенном «правовом тупике»: несмотря на принятие множества актов, регулирующих область книгоиздания, в государстве отсутствует нормативный правовой акт, регулирующий эту деятельность, что служит существенной преградой на пути развития данной области отношений [1, с. 168].

Представляется целесообразным принятие федерального закона «Об издательской деятельности в Российской Федерации», поскольку отсутствие единого акта, регулирующего данную область отношений, приводит к тому, что главные вопросы издания периодической и книжной продукции регулируются положениями закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации», нормы которого носят ограниченный характер и регулируют только выпуск периодических изданий. Данные рекомендации были предложены и в «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года», однако реализованы не были.

Прежде всего, в федеральном законе необходимо указать, что представляет собой издательская деятельность: это метод нормативных операций, которые содержат в себе доредакционную и редакционную подготовку материалов к публикации и приобретение печатной продукции. Электронная издательская деятельность — это совокуп-

ность программного обеспечения и технических устройств для дальнейшего предоставления покупателям электронных версий книжной продукции в удобном формате, а также для своевременного контроля за обновлением электронной продукции.

На сегодняшний день прослеживается увеличение роли общественных организаций, занимающихся книгопечатанием. Одной из таких организаций является Ассоциация книгоиздателей России (АСКИ), работа которой представляет собой координацию ведения аналитической анкетной работы по важным вопросам книгопечатного дела в России. Поскольку сегодня подобные объединения решают широкий круг вопросов, представляется аргументированным их определение в законе в качестве некоммерческих, негосударственных, добровольных объединений, являющихся саморегулируемыми, самоуправляемыми и действующими в интересах членов объединения [2, с. 122].

Не секрет, что «кража книжной продукции» является сегодня весьма распространенным явлением. Значительно снизило вероятность таких краж внедрение в процесс проверки научных трудов системы «Антиплагиат». Нормативное закрепление подобного рода проверок отсутствует; равно как и характеристика основных правил заимствования, дозволенных размеров перенятия текста, не указан также необходимый процент оригинальности текста. Все это позволяет издательским учреждениям устанавливать собственный процент оригинальности, поскольку законом он не урегулирован.

Сегодня в издательскую деятельность стремительно включаются системы искусственного интеллекта, для более оперативного управления редакционным процессом осуществляется разработка робот-программ, которые, в свою очередь, позволяют сократить объем ручной работы, гарантируют ясность и эффективность процесса, устранят проблемы выпуска небольших тиражей определенных публикаций и будут содействовать предельно качественной работе и популяризации изданий.

Изучение статей Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) позволило сделать вывод, что статьи, определяющие ответственность в сфере издательской деятельности, распространяются лишь на средства массовой информации, а механизм законодательного регулирования такой составной части издательской деятельности, как книгоиздание, на сегодняшний день не закреплен. В связи с этим целесообразно внести изменения в ст. 13.16 «Воспрепятствование распространению продукта средства массовой информации», ст. 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации», ст. 13.22 «Нарушение порядка представления обязательного экземпляра документов, письменных уведомлений, уставов и договоров» КоАП РФ, дополнив слова

«средства массовой информации» словами «и издательской продукции».

Полагаем, что подобные изменения существенно увеличат ответственность субъектов издательской деятельности. Следует также расширить норму КоАП РФ в сфере ответственности субъектов издательской деятельности положениями об ответственности полиграфических учреждений за издание продукции, не соответствующей санитарным правилам и стандартам в сфере издательского процесса, предусмотрев при этом в качестве одного из видов наказаний приостановление деятельности [3, с. 58].

Нельзя допустить, чтобы двойственная природа издательской деятельности повернулась в сторону бизнеса, оставив «без света» наше бытие.

Библиографический список

[1] *Иванов А. В.* Информационные управленческие технологии в издательской деятельности: дис. <...> канд. техн. наук. — СПб., 2000. — 680 с.

[2] *Комлева Д. В.* Управление рисками в издательской деятельности: дис. <...> канд. экон. наук. — М., 2006. — 166 с.

[3] *Якушев А. Н.* Анализ и оценка эффективности издательской деятельности: дис. <...> канд. экон. наук. — М., 2004. — 134 с.

УДК 342.9

*Дегай Тимур Евгеньевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Юридические лица публичного права: понятие и виды

Законодательство некоторых европейских государств содержит классификацию юридических лиц, которая предполагает выделение юридических лиц публичного права (или публичных юридических лиц), обладающих специфическими публично-правовыми полномочиями.

© Дегай Т. Е., 2019

На текущем этапе одним из первых отечественных ученых, обратившихся к исследованию правового положения юридических лиц публичного права, был В. Е. Чиркин, который выделял следующие отличительные черты данных организаций:

— юридическое лицо публичного права является публично-правовым образованием, статус которого определяется публично-правовыми свойствами;

— юридические лица публичного права учреждаются на основании распорядительного акта либо признания уже существующего явления, такого как государство или муниципальная община (т. е. без соглашения учредителей, характерного для юридических лиц частного права);

— одной из основных целей деятельности юридических лиц публичного права является реализация интересов общества;

— документом, определяющим правоспособность юридического лица публичного права, является правовой акт, а не учредительные документы, как в случае юридических лиц частного права;

— в отличие от юридических лиц частного права юридическое лицо публичного права не обладает властными полномочиями;

— права и обязанности юридического лица публичного права имеют публичный характер;

— имущество юридического лица публичного права используется, как правило, для реализации публичных полномочий, а не для получения прибыли;

— в рамках гражданско-правовых отношений независимость юридического лица публичного права значительно уже, чем независимость юридических лиц частного права;

— ответственность юридического лица публичного права в большей степени имеет публично-правовой характер;

— взаимодействие юридических лиц публичного права носит иерархический характер [2, с. 22].

Значительный вклад в исследование юридических лиц публичного права внес и О. А. Ястребов, который выделяет следующие специфические признаки данных хозяйствующих субъектов:

— внутреннюю организационную структуру, а также единство воли и цели;

— особая правосубъектность, выражающаяся в противопоставлении правосубъектности составляющих юридическое лицо публичного права участников, учредителей и других физических лиц, связанных с данной организацией;

— наличие индивидуальных признаков, характерных для юридических лиц частного права, позволяющих индивидуализировать его

среди других хозяйствующих субъектов, таких как наименование, организационно-правовая форма и др.;

— специфическое целевое назначение, выражающееся в осуществлении публичных и общественных интересов, а не интересов учредителей и участников;

— особый порядок создания, установленный публично-правовыми нормами (путем издания нормативного правового акта);

— интеграция в системе публичного управления государства [4, с. 160].

На основании специфических признаков, описанных известными учеными-административистами, можно сделать вывод, что под юридическим лицом публичного права следует понимать организацию, учрежденную в качестве юридического лица путем издания нормативного правового акта, определяющего ее права и обязанности, а также обладающую имуществом, предназначенным для реализации публичных (общественных) полномочий.

Касательно классификации юридических лиц публичного права следует отметить, что в законодательстве государств, легально выделяющих указанных хозяйствующих субъектов, она отсутствует. Основной причиной трудностей в построении четкой и объективной классификации является способ их учреждения. Как правило, статус юридического лица публичного права закрепляется персональным нормативным правовым актом, что приводит к строго индивидуальному характеру правового регулирования указанных организаций.

Развернутую классификацию юридических лиц публичного права выделяет В. Е. Чиркин. Он указывает, что указанные организации необходимо разделять на пять родов:

1) государство и государственные (государствоподобные) образования;

2) территориальные публичные коллективы;

3) органы публичной власти;

4) учреждения публичной власти;

5) некоммерческие организации общественного характера.

Каждый род также подразделяется на виды, например среди органов публичной власти выделяются государственные органы и органы местного самоуправления и т. д. [3, с. 45].

Иной классификации придерживается О. А. Ястребов, который подразделяет все юридические лица публичного права на государственные и негосударственные. Государственные юридические лица могут быть территориальными (само государство, государствоподобные и административно-территориальные образования, муниципальные образования) и функциональными (органы публичной власти,

публичные учреждения, публичные корпорации, публичные предприятия).

Согласно О. А. Ястребову, негосударственные юридические лица публичного права также подразделяются на территориальные (под ними понимаются муниципальные образования, не включаемые в систему государственной организации) и функциональные (некоммерческие профессиональные организации, саморегулируемые организации, политические партии, общественные и религиозные организации) [4, с. 47].

Таким образом, классификация юридических лиц публичного права имеет сложную многоуровневую структуру и различные критерии разграничения. Ученые-административисты на основе предложенных классификаций выделяют следующие подходы к классификации данных организаций: общетеоретический и национальный. Общетеоретический подход охватывает все известные мировой практике разновидности юридических лиц публичного права, в то время как национальный объединяет лишь те виды, которые известны правовой системе конкретной страны.

На основании изложенного необходимо отметить, что текущее российское законодательство до сих пор не предусматривает легального определения публичного юридического лица, его статуса, правомочий, обязанностей и видов. С формальной точки зрения все публичные юридические лица в нашей стране являются юридическими лицами частного права. Между тем фундаментальная разница в правовом положении частнопроводных и публичных юридических лиц приводит к очевидным противоречиям в правовом регулировании. Отсутствие единого подхода порождает актуальные до сих пор сложные теоретические проблемы, связанные с определением места публичных юридических лиц в системе российского права, которые можно разрешить только конвенциональным путем [1, с. 55].

Библиографический список

[1] *Зеленцов А. Б., Трофимов Е. В.* Юридические лица публичного права (административно-процессуальный аспект) // Государство и право. — 2014. — № 12. — С. 54–62.

[2] *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. — 2005. — № 5. — С. 22–31.

[3] *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права. — М.: Норма, 2007. — 352 с.

[4] *Ястребов О. А.* Юридическое лицо публичного права: вопросы теории. — М.: Наука, 2010. — 383 с.

*Клюева Кристина Игоревна,
студентка Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

**Проблемы определения вида судопроизводства
при организации исковой работы прокурора
в экологической сфере**

В условиях повышающейся антропогенной нагрузки на природу перед обществом и государством особенно актуально стоит задача сохранения благоприятной окружающей среды для нынешнего и будущих поколений. Значительный вклад в решение указанной задачи вносят органы прокуратуры РФ. Из данных официальной статистики следует, что прокурорскими работниками ежегодно выявляется около 285 тыс. нарушений законов в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Для устранения выявленных нарушений используется полный спектр возможных мер прокурорского реагирования, среди которых важное место занимает исковая работа. Так, за период 2018 г. прокурорами в суды направлено 25 119 заявлений с целью предупреждения и пресечения нарушений в экологической сфере, восстановления экологических прав и свобод граждан, возмещения причиненного окружающей среде и ее отдельным компонентам вреда.

Однако, несмотря на масштабность исковой работы прокуроров и наличие сформированной практики по предъявлению исков различных категорий, реализация их процессуальных полномочий связана с возникновением определенных проблем, заслуживающих отдельного внимания. Особый интерес на протяжении последних нескольких лет вызывают вопросы определения процессуального порядка рассмотрения отдельных категорий споров в сфере экологии. С учетом ограниченности объема в данной работе внимание уделено только некоторым ключевым моментам определения порядка рассмотрения споров по правилам гражданского, арбитражного и административного видов судопроизводства.

Анализ ряда судебных актов по инициированным прокурорами обращениям в суд с заявлениями об ограничении и запрете доступа к Интернет-ресурсу, который содержит информацию о продаже животного, отнесенного к редким и исчезающим видам, свидетельствует об отсутствии единства позиции в выборе вида судопроизводства. Так, часть заявлений была подана прокурорами в суд в рамках

гражданского судопроизводства по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ (решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 12 апреля 2018 г. по делу № 2-697/2018; решение Магаданского городского суда Магаданской области от 5 марта 2018 г. по делу № 2-692/2018), а другая часть — в рамках административного судопроизводства по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ (решение Тоцкого районного суда Оренбургской области от 17 июля 2018 г. по делу 2а-587/2018; решение Кировского районного суда г. Иркутска от 27 августа 2018 г. по делу № 2а-3136/2018). Необходимость выработки общего подхода очевидна, поскольку неправильный выбор судопроизводства может повлечь отмену судебных актов в связи с нарушением процессуального законодательства.

При определении процедуры рассмотрения названной категории дел и иных споров следует учитывать субъектный состав и характер правоотношений. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» подчеркивается, что в порядке КАС РФ рассматриваются дела, возникающие из публичных правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, что характерно для дел об ограничении и запрете доступа к Интернет-ресурсу. Однако в соответствии со ст. 1 КАС РФ данная категория дел не отнесена к предмету регулирования административного процессуального законодательства, впрочем, как и к предмету регулирования ГПК РФ. Вместе с тем в 2017 г. в предмет регулирования КАС РФ включены дела об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису. Механизм приведения в исполнение судебных решений об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису связан с ограничением доступа к Интернет-ресурсу и подобен механизму приведения в исполнение судебных решений по исследуемой нами категории дел. Более того, в своем определении от 20 апреля 2018 г. № 78-КГ17-101 Верховный Суд РФ указал, что решения, являющиеся основаниями для ограничения доступа к сайтам сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются судами общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства. Данная позиция прослеживается и в иных актах Верховного Суда РФ.

Учитывая вышесказанное, представляется наиболее обоснованной реализация процессуальных полномочий прокурора по обращению в суд с заявлением об ограничении и запрете доступа к Интернет-ресурсу, содержащему информацию о продаже животного, отнесенного к редким и исчезающим видам, в порядке административного судопроизводства. Необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 1

КАС РФ, включить в предмет регулирования административного процессуального законодательства дела о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Использование данной формулировки возможно на основе положений п. 2 ч. 5 ст. 15.1 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Аналогичная ситуация складывается при предъявлении прокурором требований о возложении обязанности по ликвидации несанкционированных свалок на органы местного самоуправления (по нормам ГПК РФ — решение Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 5 июня 2018 г. по делу № 2-1414/18; решение Ефремовского районного суда Тульской области от 13 сентября 2018 г. по делу № 2-920/2018; по нормам КАС РФ — решение Ельниковского районного суда Республики Мордовия от 19 декабря 2017 г. по делу № 2а-271/2017; решение Удомельского городского суда Тверской области от 18 октября 2018 г. по делу № 2а-529/2018). Несмотря на то что по указанной категории споров в качестве истца выступает прокурор, его обращение направлено в защиту интересов неопределенного круга лиц, которые по своей сущности и являются фактическим субъектом правоотношения. В подобных ситуациях правоотношения складываются между населением муниципального образования и органом местного самоуправления, который при решении вопросов местного значения реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов в области благоустройства территории муниципального образования. Следовательно, публичный характер правоотношения обуславливает необходимость рассмотрения заявлений о возложении обязанности по ликвидации несанкционированных свалок также в порядке административного судопроизводства.

Особого внимания заслуживают вопросы определения подведомственности некоторых категорий дел арбитражным судам. Основными критериями отнесения того или иного спора к подведомственности арбитражного суда являются его субъектный состав и экономический характер, при этом указанные критерии применяются в совокупности. Нельзя не отметить, что некоторые спорные моменты при определении подведомственности по экологическим спорам становились предметом рассмотрения Верховного Суда РФ (см., например, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 от 4 марта 2015 г.), однако невозможно предусмотреть все варианты развития правоотношений, поэтому на практике обоснование наличия или отсутствия экономической составляющей спора часто

вызывает трудности. Например, судом было прекращено производство по иску прокурора в порядке ГПК РФ о признании недействительным договора о пользовании водными биологическими ресурсами, заключенного между Департаментом агропромышленного комплекса одного из субъектов Российской Федерации и индивидуальным предпринимателем. Однако суд апелляционной инстанции согласился с доводами прокурора, утверждавшего, что экономическая деятельность индивидуального предпринимателя предметом рассматриваемого спора не являлась, поскольку спор возник из экологических правоотношений, исковые требования направлены на защиту прав граждан в области охраны окружающей среды и природопользования (апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Курганского областного суда от 17 января 2017 г. по делу № 33-198/2017).

Ю. В. Юдина и М. В. Бузина подчеркивают, что вопрос об определении вида судопроизводства в любом случае должен решаться судом. Лицо, обращающееся в суд, не должно испытывать затруднений при реализации конституционного права на судебную защиту независимо от формы обращения [2, с. 520]. Однако фактически только к настоящему времени наметилась тенденция отнесения обязанности по правильному определению вида судопроизводства к компетенции суда, принимающего заявление, а не к обязанности лица, обратившегося за судебной защитой [1, с. 13]. При этом суд должен определять вид судопроизводства на основании четких положений закона, исключающих принятие различных решений и неограниченность судейского усмотрения.

Таким образом, отсутствие единообразия в понимании сущностной характеристики того или иного спора порождает множество сложностей и влечет за собой увеличение временных и трудовых затрат прокурорских работников на подготовку и подачу новых заявлений, обжалование определений об отказе в принятии заявления или прекращении производства и пр. Необходима выработка единого правоприменительного подхода и внесение изменений в действующее законодательство.

Библиографический список

[1] *Торговченков В. И.* О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском и административном процессе в ходе масштабного судебного реформирования // *Вестн. Акад. Ген. прокуратуры РФ.* — 2018. — № 4(66). — С. 11–16.

[2] *Юдина Ю. В., Бузина М. В.* Проблемы соотношения административного и цивилистического процесса // *Уголовно-исполнительное право.* — 2017. — Т. 12, № 4. — С. 517–521.

*Соков Никита Константинович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Неприкосновенность частной собственности на территории стран СНГ

Право частной собственности является неотъемлемым правом каждого. Во всех странах Содружества Независимых Государств право частной собственности закреплено в конституциях или основных законах и функционирует на основе принципов неприкосновенности, преемственности, экономической свободы, судебной защиты и др. Неприкосновенность частной собственности является ее основной характеристикой: без нее сама частная собственность немыслима.

Частная собственность является неотъемлемым атрибутом рыночной экономики, без которого функционирование общественных отношений становится невозможным [4]. Без института частной собственности невозможна частная инициатива и эффективное распоряжение экономическими ресурсами. Не соблюдая прав и принципов частной собственности, государство наносит удар по общественным интересам. Это проявляется в неопределенности владения благами, без которого невозможно планирование бизнеса и сбережения накопленных ресурсов. Проблема соблюдения неприкосновенности частной собственности важна и актуальна в странах бывшего СССР. Объявляя о переходе к капиталистической системе, общество и его элиты должны понимать, что капитализм в первую очередь строится на неприкосновенности частной собственности и что все технические и социальные достижения стран Запада базируются на этом социальном институте.

Существуют только два способа приобретения права частной собственности.

1. В результате гомстеда. Люди имеют право завладеть собственностью, если она никому не принадлежит. Человек увидел какое-либо благо и придал ему ценность; приложив свой труд к овладению этим благом, он сделал его своим. Здесь применимы нормы ст. 225 ГК РФ «Бесхозные вещи».

2. В результате добровольного обмена или акта дарения (договоры купли-продажи, мены, дарения) или в результате наследования, в том числе по закону или завещанию.

В любых других случаях право на владение имуществом не может быть осуществлено.

Получив право собственности на объект, человек должен иметь возможность свободно им распоряжаться. Следовательно, важней-

шим принципом частной собственности является ее неприкосновенность. Никто не может изъять частную собственность, кроме тех случаев, когда это предусмотрено сделками или договорами.

В конституциях стран СНГ принцип неприкосновенности частной собственности прямо не закреплен. В ст. 35 Конституции РФ содержится норма о защите права частной собственности со стороны государства, что позволяет некоторым ученым трактовать это как неприкосновенность частной собственности. Такую же норму мы видим и в Основном Законе Республики Беларусь (ст. 44).

В Конституциях России, Казахстана, Украины и Беларуси также содержится норма, позволяющая принудительно отчуждать имущество для государственных нужд или в силу общественной необходимости, — разумеется только в случаях, которые предусмотрены законом, и с равноценным возмещением отчуждаемой собственности. Данные нормы предусмотрены в ст. 26 Конституции Казахстана, в ст. 35 Конституции РФ, в ст. 44 Конституции Республики Беларусь и в ст. 41 Конституции Украины [1; 2].

Поскольку без частной собственности невозможна реализация таких основных прав человека, как автономия личности, свобода слова и ряда других, возникает вопрос: гарантируют ли неприкосновенность частной собственности конституции стран СНГ?

Одной из самых важных функций частной собственности является ограничение государства в узких рамках.

Если рассматривать суть вопроса с такой точки зрения, можно с уверенностью сказать, что ни российская, ни украинская, ни казахская, ни белорусская конституции не охраняют, и не защищают частную собственность в ее первоначальном смысле. Написанные в похожем стиле конституции позволяют законодательной власти создавать нормы, которые все сильнее и сильнее ограничивают частную собственность. Используя такие неопределенные, неконкретные термины, как «общественная необходимость» (Конституции Украины и Беларуси) или «отчуждение государственных нужд» (Конституции РФ и Казахстана), государство расширяет свою экспансию в частную жизнь граждан.

В нормативно-правовой базе перечисленных выше стран отсутствует точное определение понятий «общественная необходимость» и «государственные нужды». Это приводит к расширительному толкованию данных терминов и использованию их не во благо собственников. Стоит отметить, что неопределенность этих терминов сильно зависит от политической конъюнктуры.

Многие люди не могут рассчитать или дать юридическую и экономическую оценку (если она вообще возможна) отчуждения имущества у собственника. Для некоторых отчуждение может показаться общественно полезным, однако в действительности обществу в целом будет нанесен вред. Мы видим самые очевидные последствия

того или иного решения государства, но не замечаем косвенные последствия, которые подчас могут нанести гораздо больший ущерб не только собственнику, но и всему обществу.

Подводя итоги можно сделать вывод, что в странах СНГ право частной собственности на конституционном уровне защищено неудовлетворительно и позволяет законодательной и исполнительной власти систематически нарушать его, тем самым нанося ущерб гражданским правам и свободам человека. Яркой иллюстрацией такой незащищенности на практике является принятие законов, которые позволяют провести реновацию жилищного фонда в Москве без согласования ее со всеми гражданами, населяющими многоквартирные дома, или конфискацию земель для индивидуального жилищного строительства под Минском в рамках расширения многоквартирного жилого фонда столицы Беларуси. Дабы избежать подобных ситуаций в будущем, необходимо изъять из ведения бюрократов и депутатов правовые механизмы, позволяющие им нарушать право частной собственности.

Библиографический список

[1] Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г. и 17.10.2004 г.). — Минск: Амалфея, 2008. — 78 с.

[2] Конституция Украины от 28.06.1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. — 1996. — № 30. — Ст. 141.

[3] *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 424 с.

[4] *Хайек Ф. А.* Конституция свободы / пер. с англ. — М.: Новое изд-во, 2018. — 528 с.

УДК 341.9

*Степанова Валерия Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Международно-правовое регулирование иностранного усыновления

Международное усыновление одна из наиболее актуальных, острых и сложных проблем в международном частном праве, для решения которой требуется комплексный подход. В 2012 г. по предложению

© Степанова В. С., 2019

нию уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова была принята федеральная целевая программа «Россия без сирот» на 2013–2020 гг. [1].

Как отмечает И. М. Кузнецова, «за последние 100 лет Россия переживает третью волну сиротства: после Первой мировой войны 1914–1918 гг. и революции в октябре 1917 г., после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в настоящее время.» [2].

В связи с этим одной из основных задач федеральной целевой программы является создание приоритета семейных форм устройства и эффективных организационно-правовых механизмов охраны и защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Такие меры связаны с тем, что на момент разработки программы в 2011 г. в иностранных семьях за границей воспитывались 38 885 российских несовершеннолетних детей в возрасте до 18 лет. Как указывает Минобрнауки РФ, в 2011 г. из числа 7416 всех усыновленных в России детей иностранные граждане усыновили 3400 российских детей [3].

Не смотря на то, что приоритетной является передача детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в российские семьи, важным направлением остается и усовершенствование международно-правового регулирования иностранного усыновления.

Ежегодно количество рассмотренных судами дел о международном усыновлении уменьшается. Так, в 2011 г. количество дел о международном усыновлении составляло 3076 дел, в 2012 г. — 2426, в 2013 г. — 1247, в 2014 г. — 947, в 2015 г. — 670, в 2016 г. — 433 дела.

За последние 10 лет численность детей-сирот в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, сократилась с 186 до 47,3 тыс. (по состоянию на 1 октября 2018 г.), но актуальность иностранного усыновления остается высокой, о чем свидетельствует обзор Президиума Верховного Суда РФ от 30 мая 2018 г. «Обзор практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации».

Как указывается в обобщении практики рассмотрения судами дел по международному усыновлению в 2017 г., «областными и равными им судами с вынесением решения рассмотрено 336 дел о международном усыновлении детей, что на 22,4% меньше, чем в 2016 году» [4].

Зарождение международной унификации норм об усыновлении приходится на начало XX в. Первым документом, в котором были закреплены права ребенка независимо от его национальности, социального положения или расы, стала принятая в 1924 г. Женевская декларация прав ребенка [5].

На смену ей в 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята новая Декларация прав ребенка. Ее главное отличие от предыдущей заключалось в том, что ребенок приобретал статус субъекта прав, а не рассматривался как объект защиты.

Новым этапом в закреплении мер защиты детских прав стала Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Ребенок стал самостоятельным субъектом права.

Одним из самых значимых универсальных международных документов в области усыновления стала принятая 29 мая 1993 г. Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения). В сентябре 2000 г. по распоряжению Президента РФ от 26 июня 2000 г. №241-рп Российская Федерация подписала данную Конвенцию, но до настоящего момента ее не ратифицировала.

В юридической литературе встречается два противоположных мнения по вопросу ратификации Гагской конвенции 1993 г. Одна позиция заключается в скорейшей ратификации Конвенции, другая основывается на опасении, что ратификация Конвенции ослабит контроль над процедурой вывоза детей из нашей страны.

Международное усыновление (удочерение) в России осуществляется на основании норм Семейного кодекса РФ (СК РФ) и подзаконных ему актов. В соответствии с п. 4 ст. 124 СК РФ иностранные граждане могут усыновить российского ребенка только в отсутствие возможности передать его на воспитание в семью граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, или если ребенка не смогли усыновить родственники независимо от их гражданства и места жительства.

В силу п. 1 ст. 26 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» российский ребенок при усыновлении его иностранным гражданином сохраняет российское гражданство.

В связи с многообразием национальных законодательств Международное усыновление всегда сопровождается коллизийными нормами права. В Российской Федерации коллизийные вопросы международного усыновления регулирует ст. 165 СК РФ.

Согласно п. 1 ст. 165 СК РФ, усыновление, равно как и его отмена, на территории Российской Федерации иностранными гражданами ребенка, имеющего российское гражданство, производится по праву той страны, гражданином которой является усыновитель. Усыновление российских детей лицами, состоящими в смешанных браках, в которых одним из членов семьи является российский гражданин, производится в соответствии с российским правом. Исключение составляют случаи, когда Российская Федерация имеет двусторонний международный договор, в соответствии с которым установлен иной порядок усыновления.

Прописан в ст. 165 СК РФ и порядок усыновления российскими гражданами ребенка — иностранного гражданина.

Предусмотрел законодатель и процедуру отказа в усыновлении. Это происходит в случае усыновления, в результате которого могут быть нарушены права ребенка, установленные российским правом и международными договорами Российской Федерации.

Особый порядок установил п. 4 ст.165 СК РФ для усыновления ребенка — российского гражданина, проживающего за пределами Российской Федерации. Такое усыновление может быть произведено компетентным органом государства, гражданином которого является усыновитель.

Усыновление (удочерение) — это такой юридический акт, в силу которого между усыновленным ребенком и лицом или лицами, принявшими его на воспитание, устанавливаются личные и имущественные отношения, принятые между родителями и детьми. И если такой акт осложнен наличием иностранного элемента, то весь процесс усыновления регулируется как нормами национального права, так и нормами международного частного права [6].

Анализ международно-правового регулирования иностранного усыновления позволяет сделать вывод, что иностранное усыновление, как и любая другая форма устройства детей на воспитание, требует совершенствования. Особенно это касается мер ответственности и постоянного контроля как на международном, так и на национальном уровне. Наличие полного запрета иностранного усыновления при существовании в базе данных детей, оставшихся без попечения родителей и не устроенных в семью на территории Российской Федерации, лишает многих из них права на воспитание и проживание в семье.

Библиографический список

[1] *Безрукова М. Ю.* Актуальные проблемы усыновления в международном частном праве: сравнительный анализ // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по мат. XIX междунар. научн.-практ. конф. — М.: Изд-во «МЦНО», 2018. — № 6 (19). — С. 55–60.

[2] *Дмитриева Г. К., Стародубцев Г. С., Федосеева Г. Ю.* Международное частное право: учебник. — М.: Проспект. 2018. — 680 с.

[3] *Кузнецова И. М.* Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами [Электронный ресурс] // Вестник Челябинск. гос. ун-та. — Право. — 2015. — № 23. — Вып. 44. — С. 119–124 — URL: [https://cyberleninka.ru /article/v/problemy-usynovleniya-rossiyskih-detey-inostrannymi-grazhdanami-1](https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-usynovleniya-rossiyskih-detey-inostrannymi-grazhdanami-1) (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[4] *Лебединская В. П., Лебединская В. А.* И снова к вопросу о международном усыновлении // Глобальный научный потенциал. — 2014. — С. 129–143.

[5] *Марышева Н. И.* Международная унификация в области семейного права: вопросы усыновления [Электронный ресурс] // Журнал российского права. — 2012. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-unifikatsiya-v-oblasti-semeynogo-prava-voprosy-usynovleniya> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

[6] *Пешперова И. Ю.* Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. — 2013. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-aspekty-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniy-inostrannogo-usynovleniya> (дата обращения: 07 марта 2019 г.).

УДК 341

*Лужецкий Дмитрий Сергеевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

К вопросу о реализации права народов на самоопределение в странах Европейского союза

Право народов на самоопределение имеет международное признание. Оно гарантируется нормами международного и национального права. Исследование данного права в настоящее время обладает особой актуальностью, поскольку достаточно часто к этому принципу обращаются в процессе этнических конфликтов и движений за независимость. Данные аспекты взаимосвязаны с вопросами соотношения рассматриваемого права с принципом территориальной целостности государств, с проблемами мира и безопасности. В Уставе ООН исследуемый принцип закреплен как общепризнанный в сфере международного права (п. 2 ст. 1).

Если обратиться к исторической ретроспективе, то можно сказать, что основой для появления идеи самоопределения народов явились положения первой французской Конституции 1791 г., провозглашавшие, что люди свободны, наделены равными правами от рождения, а цель государства состоит в обеспечении естественных и неотъемлемых прав гражданина. Право на самоопределение регла-

© Лужецкий Д. С., 2019

ментировалось и в Декларации независимости США 1776 г., которая устанавливала право граждан на восстание и свержение деспотического правительства. Непосредственно термин «самоопределение наций» прозвучал в 1878 г. на Берлинском конгрессе, а «право наций на самоопределение» в 1896 г. устанавливалось Лондонским конгрессом II Интернационала [2, с. 598].

В пактах о правах человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г., отражена сущность права на самоопределение:

— народы самостоятельно определяют свой политический статус и обеспечивают экономическое, социальное и культурное развитие;

— во имя достижения собственных целей народы имеют возможность свободно распоряжаться естественными богатствами и ресурсами;

— все государства-участники обязаны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять реализацию права на самоопределение и уважать это право.

Далее следует обратиться к понятийному аппарату. В словосочетании «право наций (народов) на самоопределение» переплетены несколько проблем, связанных с понятиями «нация», «народ», «самоопределение». Существует множество трактовок данных понятий, что, в свою очередь, порождает трудности в реализации исследуемого права.

Прежде всего необходимо определить, что представляет собой нация и только ли она наделена правом на самоопределение. Появление термина «нация» связывают с Французской революцией 1789 г. Определение этого термина формировалось с нескольких точек зрения: психологической, культурологической, этнологической и т. д. В настоящее время в научной доктрине наметились две тенденции к рассмотрению нации, акцентирующие внимание на противоположных аспектах: этнос и согражданство.

Если рассматривать нацию в качестве этнической общности (исторически возникший тип устойчивой социальной группы: род, племя, народность), то в качестве главных признаков называются общность происхождения, история, обычаи, язык, религия. Другая позиция в качестве основного признака выдвигает совместное жительство в одной стране. Здесь понятия «нация» и «народ» считаются синонимичными. Это принцип нации-государства, противопоставленный принципу «многонационального» государства. Однако эти аспекты должны исследоваться в непосредственной связи с субъектом самоопределения, т. е. с народом [4, с. 8].

Можно также сказать, что понятие «народ» обладает региональным характером и отражает интересы определенных народов конкретного региона. Термин «нация» базируется на факте исторического проживания определенного народа, ему присуще этническое значение на конкретной территории [3, с. 7].

Право на самоопределение является достаточно сложным по своей правовой природе, при этом оно слабо урегулировано в нормативном плане и вызывает трудности при его осуществлении на практике. Данное право нельзя считать обеспеченным, если оно не обладает юридическими рычагами воплощения в реальных правоотношениях. Иначе это право не будет обладать большим воздействием, чем определенная идея. Поэтому важным представляется вопрос определения возможных форм реализации права.

Существуют разные подходы к формам реализации права на самоопределение. По мнению одних ученых, оно осуществляется в форме федеративного и конфедеративного устройства либо в форме политической независимости. Другие выделяют две группы форм реализации данного права: этнокультурное и политическое самоопределение [1]. Полагаем, что формы реализации права на самоопределение — это формы организации народов, в которых они совместно признаются как субъект (коллективный) самоопределения.

В Европе XIX в. исследуемые аспекты проявлялись в объединении в конкретном государстве территорий, население которых говорит на одном языке, и определении государственных границ по правилам лингвистической принадлежности людей. Подобные правила были использованы при объединении Тосканы, Сицилии, Неаполя, Умбрии, а в дальнейшем — Венеции, Рима, иных территорий, а также в процессе образования в 1861 г. Итальянского королевства

Можно назвать и такую форму реализации права народов на самоопределение, как выход из состава страны (например, приобретение независимости Польшей и Финляндией в 1917–1918 гг.).

В некоторых случаях самоопределение реализовалось посредством предоставления территориям статуса автономий (например, Болгарское княжество 1878 г.).

Не отрицается и возможность реализации самоопределения путем отделения, если это предусмотрено национальным законодательством страны. Данный процесс можно было наблюдать при распаде Югославии. В 1991 г. Европейское сообщество приняло решение о создании Арбитражной комиссии, так называемой Комиссии Бадинтера. Данная комиссия принимала заявления от участников на признание и представляла заключение о выполнении условий Евросоюза. В итоге было решено, что республики, входившие в состав Югославии, территориально должны остаться в установленных территориальных границах и стать независимыми государствами.

Подводя итог, можно сказать, что в современном мире право народов на самоопределение реализуется в различных формах, предусмотренных национальным законодательством, внутри границ государства, в состав которого входит народ.

Библиографический список

[1] *Анисимов А. И.* Формы реализации права народов на самоопределение в условиях федеративного устройства России [Электронный ресурс] // Юридические исследования: сайт. — 2018. — № 2. — URL: http://e-notabene.ru/lr/article_25357.html (дата обращения: 21.01.2019)

[2] *Калинина К. В., Рябова Е. Л.* Проблемы реализации права народов на самоопределение // Казачество. — 2015. — № 11. — С. 7–14.

[3] *Смолова Е. С.* Право народов на самоопределение // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — С. 598–605.

[4] *Фомиченко М. П.* Право наций (народов) на самоопределение: проблемы реализации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 7. — С. 8–11.

УДК 342.8

*Бронникова Наталья Игоревна,
студентка Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ*

Эволюция института наблюдателей в современном избирательном праве

Институт наблюдателей на выборах является достаточно новым в российской избирательной практике и в настоящее время находится в стадии активного развития. Для того чтобы дать ответ на вопрос, кто такой наблюдатель, понять его роль, значение и функции, а также проследить этапы становления и развития этого института, необходимо обратиться к истории как государства в целом, так и непосредственно избирательного права. Немаловажный вклад в изучение института внесли исследования современников, научные работы и опросы, проведенные среди различных слоев населения.

На данный момент в законодательстве Российской Федерации существует легальное определение термина «наблюдатель». Оно закреплено в ст. 2 федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В соответствии с п. 42 указанной статьи наблюдатель —

© Бронникова Н. И., 2019

гражданин Российской Федерации, уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов либо референдума.

История наблюдения за ходом выборов берет свое начало в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «О выборах народных депутатов РСФСР» впервые закрепил за гражданами РСФСР возможность принимать участие в выборах народных депутатов путем осуществления наблюдения представителями трудовых коллективов, общественных организаций, собраний избирателей, доверенных лиц, а также представителями СМИ, присутствия на заседаниях избирательных комиссий, в том числе при регистрации кандидатов в депутаты, подсчете голосов на избирательном участке, определении результатов выборов по округу и подведении общих итогов выборов. Сам термин «наблюдатель» впервые упоминается в ст. 14 федерального закона от 6 декабря 1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». Данная статья регламентирует, что наблюдатели, направленные кандидатами, вправе находиться на соответствующих избирательных участках с момента начала работы избирательной комиссии и до ее завершения, т. е. до подписания протоколов об итогах голосования. Таким образом, несмотря на то что полномочия наблюдателей были по-прежнему ограничены, данный закон положил начало демократизации выборов и усилению общественного интереса к процессу голосования.

Впоследствии избирательное законодательство, регулирующее действия общественных контролеров на выборах, развивалось противоречиво [4]. С одной стороны, наблюдалась тенденция к расширению их прав. Например, изменения избирательного законодательства в 2005 г. позволили наблюдателям знакомиться с реестром открепительных удостоверений, заявлений о голосовании вне помещения для голосования и т. д. С другой стороны, если в период с 1994-го по 2004 г. организации гражданского общества имели право назначать наблюдателей на выборы, то в 2005 г. это право было отменено. Согласно федеральному законодательству, для участия в выборах общественные контролеры должны получить официальное направление от партии или кандидата, баллотирующегося на конкретных выборах. Это означает, что с 2005 г. в России формально отсутствует внепартийное, независимое наблюдение на выборах.

В настоящее время деятельность наблюдателей регламентирует ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», содержащий понятие, функции и полномочия наблюдателей как общественных контроле-

ров. Тем не менее среди ученых и политиков не прекращаются споры относительно места института наблюдателей в системе избирательного права. Например, А. А. Маркин утверждает, что «наблюдатель в одном случае понимается как одно из средств обеспечения гласности в деятельности избирательных комиссий, а в другом — как самостоятельный субъект избирательного процесса» [2].

В процессе эволюции института наблюдателей законодательство вырабатывает и закрепляет за наблюдателями основные задачи общественных контролеров. Главной из них является контроль над соблюдением законности и правопорядка при проведении выборов, выявление нарушений и их фиксация. Стоит отметить, что наблюдатель только фиксирует выявленные нарушения и в дальнейшем обнаруживает их путем составления жалобы или акта о допущенном нарушении [3].

Права наблюдателей также установлены законодательством:

право присутствовать при проведении голосования и подсчета голосов;

право на ознакомление со списком избирателей;

право на проведение фото- и видеосъемки в помещении для голосования; прямое разрешение на это наблюдатели наравне с представителями СМИ получили только в 2016 г.

право на получение заверенной копии протокола об итогах голосования.

Как и у любого субъекта избирательного права, у наблюдателя существует ответственность, которую он несет в соответствии с законодательством. Кодексом об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) установлены санкции за нарушение наблюдателем законодательства о выборах и препятствование работе избирательной комиссии. Наблюдатель, нарушивший положения статей КоАП РФ, принудительно завершает свою работу и покидает место проведения голосования.

В то же время правовой статус наблюдателя предусматривает гарантии его законных прав и интересов. Так, положения статей КоАП РФ устанавливают ответственность за непредставление наблюдателям информации об итогах проведения голосования со стороны избирательной комиссии.

Немаловажную роль в данном вопросе играют и общественные организации. Их целью является контроль над соблюдением порядка проведения голосования, в том числе путем назначения наблюдателей на выборы.

Значительный вклад в развитие и становление института наблюдателей внесла общественная ассоциация «ГОЛОС», образованная в 2000 г [4, С. 58]. В 2011 г., в преддверии выборов в Государственную Думу, активистами ассоциации при поддержке СМИ был соз-

дан проект «Карта нарушений на выборах», с помощью которого члены избирательных комиссий, а также наблюдатели могли беспрепятственно сообщать о нарушениях, зафиксированных на избирательных участках. В результате за дни выборов было зарегистрировано более 7000 сообщений о разного рода нарушениях. Такое количество фальсификаций в процессе проведения избирательной кампании усилило общественный интерес к выборам в целом, а также привлекло к активному участию в избирательном процессе ранее политически неактивные слои населения. Всего за несколько лет к движению наблюдателей присоединились сотни граждан, были организованы общественные движения, которые обеспечивали наблюдение на выборах всех уровней — от муниципальных до федеральных. Среди них такие общественные объединения, как «Росвыбор», «СОНАР», «Лига избирателей», «Петербургский наблюдатель» и др.

По мере становления и развития общественных организаций и повышения уровня правосознания в обществе наблюдение постепенно перестает быть краткосрочным явлением, перерастая в постоянное, долгосрочное. Помимо непосредственного присутствия при проведении процедуры выборов и подсчета голосов заинтересованные слои населения формально являются наблюдателями и в остальное время, активно участвуя в политической жизни государства. Общественные ассоциации наблюдателей постоянно контролируют деятельность политических партий, кандидатов на выборные должности, ход избирательных кампаний, а также проводят различного рода семинары с целью обучения неравнодушных, интересующихся политической жизнью общества граждан.

Согласно исследованиям, проведенным Левада-Центром и некоммерческим сектором НИУ ВШЭ [1], большую часть наблюдателей составляют мужчины, от 18 до 45 лет, имеющие высшее или неоконченное высшее образование. Более половины наблюдателей относятся к категории специалистов, занятых в сфере информационных технологий, науки и образования. Уровень своего материального положения респонденты определяют как «значительно выше среднего». Такие данные позволяют утверждать, что граждане, которым небезразлична политическая обстановка в государстве, являются людьми высокого социального статуса, а следовательно, институт наблюдателей в современном обществе носит характер престижного и качественно полезного элемента гражданского общества.

Подводя итог, можно отметить, что роль наблюдателя в избирательной системе государства сложно переоценить и необходимо дальнейшее развитие деятельности института избирателей на регулярной основе.

Библиографический список

[1] Интерес к политике (пресс-выпуск от 16 дек. 2013 г.) [Электронный ресурс] // Левада-Центр: сайт. — URL: <http://www.levada.ru/16-12-2013/interes-k-politike/> (дата обращения: 10.05.2019)

[2] Маркин А. А. Общее и особенное в подходах избирательного законодательства к правовому регулированию статуса наблюдателей в сравнительно-правовом контексте // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 2. — С. 40–44.

[3] Самарина М. Н. Наблюдатель как один из субъектов избирательного процесса в РФ // Диалог. — 2016. — № 1 (2) — С. 69–75.

[4] Скокова Ю. А. Наблюдатели на выборах в России // Социологические исследования. — 2015. — № 10. — С. 57–63.

УДК 347.5

*Щукин Максим Николаевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы привлечения к ответственности за вред, причиненный действиями (бездействием) органов местного самоуправления и их должностных лиц

Ответственность за вред, причиненный органами местного самоуправления, а также их должностными лицами регламентируется ст. 1069 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), в которой закреплены положения о том, что в случае причинения физическому или юридическому лицу вреда в результате незаконных действий (бездействия) органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта органа местного самоуправления, он подлежит возмещению. Вред возмещается за счет казны муниципального образования.

На практике существует ряд проблем, которые касаются привлечения к ответственности вышеперечисленных субъектов правоотношений.

Во-первых, это определение субъекта, причинившего вред. Органы местного самоуправления и их должностные лица наделены в рамках полномочий организационно-распорядительными и админи-

стративно-хозяйственными функциями. Сама структура и компетенция органов местного самоуправления сложна для определения надлежащего ответчика, но это обстоятельство выступает необходимым условием для правильного рассмотрения дела.

В связи с вышеизложенной проблемой определения субъекта правонарушения правоприменитель предусмотрел следующее решение: в соответствии со ст. 16 ГК РФ публично-правовое образование (муниципальное образование) является ответчиком в случае предъявления гражданином или юридическим лицом требования о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов. Такое требование подлежит рассмотрению в порядке искового производства.

Предъявление гражданином или юридическим лицом иска непосредственно к органу местного самоуправления, допустившему нарушение, или только к финансовому органу само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении такого иска. В этом случае суд привлекает в качестве ответчика по делу соответствующее публично-правовое образование и одновременно определяет, какие органы будут представлять его интересы в процессе [2].

Во-вторых, особое внимание заслуживает такое обстоятельство, как противоправность самих действий (бездействия). Это могут быть властные предписания в устной и письменной форме, приказы и распоряжения. В данном случае в соответствии с ст. 13 ГК РФ необходимо признать незаконным сам акт органа местного самоуправления, после чего нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ. Таким образом, законодатель предусмотрел решение данной проблемы с помощью признания судом незаконным соответствующего правового акта.

Более того, в ст. 16.1 ГК РФ конкретизируется, что даже в случае ряда правомерных действий органов местного самоуправления, повлекших причинение вреда, перед физическими и юридическими лицами возникает обязанность его компенсации. Подробнее данные случаи описаны в ст. 279, 281 и п. 5 ст. 790 ГК РФ.

В случае причинения вреда он возмещается за счет средств местного бюджета или за счет имущества муниципального образования. В связи с правовым статусом должностных лиц, которые не являются субъектами гражданского права, возмещение ущерба возможно взыскать непосредственно с них в регрессном порядке. Должностное лицо может быть привлечено к материальной, административной или даже уголовной ответственности, но ни одна из них не является ответственностью перед физическими и юридическими лицами [1, с. 18].

В-третьих, существует проблема установления причинно-следственной связи между действиями (бездействием) органов местного

самоуправления и их должностных лиц и причиненным вредом. К сожалению, ее сложно установить в случае наступления вреда в ходе действий нескольких должностных лиц, которые взаимодействовали друг с другом в процессе совершения деликта. Решение данной проблемы заключается в установлении ответственного должностного лица, которое издало соответствующий правовой акт, подписало акт приема-передачи работ и т. п.

В таком случае вина лица презюмируется, а ее отсутствие доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК РФ) [1].

И наконец, следует упомянуть о проблеме привлечения к ответственности должностных лиц. Их следует отличать от работников, обеспечивающих технические условия для функционирования органов местного самоуправления. Должностные лица — это те лица, которые имеют полномочия на совершение нормативно определенных властных действий, влекущих юридические последствия в виде установления, изменения или прекращения прав и обязанностей третьих лиц. Такие лица обладают распорядительными полномочиями в отношении других субъектов, не связанных с ними служебной подчиненностью. При этом вред причиняется при исполнении властных, публичных функций. Если же вред возникает вне сферы такой деятельности, ответственность применяется по общим основаниям в соответствии со ст. 1064 ГК РФ или по правилам об иных специальных деликтах, а не в соответствии со ст. 1069 ГК РФ. В случае причинения вреда должностным лицом ответственность возникает у соответствующего органа, т. е. субъект, который нанес вред, и субъект деликтного обязательства не совпадают.

Таким образом, существующие проблемы привлечения к ответственности за вред, причиненный действиями (бездействием) органов местного самоуправления и их должностных лиц можно разрешить с помощью использования соответствующих положений нормативных правовых актов и судебной практики, однако для благоприятного исхода разбирательства в каждом конкретном случае необходимо профессиональное сопровождение спора.

Библиографический список

[1] *Кабанова И.* Муниципальные образования и иные публично-правовые образования как субъекты гражданско-правовой ответственности // *Муниципальное право.* — 2013. — № 2. — С. 16–25.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Российская газета.* — № 140. — 30.06.2015.

Личность преступника как объект криминологии

Личность преступника является объектом криминологии, поскольку в ней фокусируются все остальные исследуемые в рамках этой науки элементы изучения преступления как явления, включая преступность, причины и условия преступности, способы ее предупреждения. Личность изучается в рамках криминологии с целью выявления тех черт, свойств, факторов внешнего воздействия, которые рождают преступное поведение, недопущения совершения преступлений в будущем, осуществления соответствующей профилактики. Личность преступника стоит в центре как первопричина преступления, является отправной точкой для полного понимания причин совершения преступления.

Стоит подчеркнуть, что многие понятия в рамках данного вопроса слишком абстрактны для достоверного утверждения о правильности или неправильности тех или иных подходов, теорий, мнений.

Как объект научного познания в криминологии личность преступника представляет собой совокупность накопленных опытным путем упорядоченных знаний и данных о том, как существует, формируется и меняется личность человека, совершившего или способного совершить преступление.

Как известно, в рамках развития науки криминологии на определенных исторических этапах предлагались различные подходы к изучению личности преступника, в том числе биологический (антропологический), психологический, социально-психологический, социологический. Не углубляясь в специфику этих подходов, необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день невозможно выделить и назвать верным лишь один из них, поэтому важно продолжать разработку методов, наиболее полно отражающих самые сильные стороны указанных направлений.

Наиболее актуальной и коренной проблемой, встающей перед исследователем при изучении понятия личности преступника в криминологии, является отсутствие конкретного теоретического и формального закрепления этого понятия. Причина состоит в том, что явление личности само по себе недостаточно раскрыто и находится на стыке разных наук: психологии, философии, биологии и др.

Многие современные ученые-криминологи пытались раскрыть понятие личности преступника. В. Г. Гриб, И. С. Ильин и К. Р. Абы-

зов, например, склонны считать, что это некая психологическая либо социальная модель, имеющая характерные признаки, среди которых негативное отношение к нравственным ценностям, избрание опасного для остальных членов общества пути достижения собственной выгоды и удовлетворения своих потребностей, пассивность при возможности предотвращения преступления [1, с. 54]. Исходя из этой позиции, личность преступника формируется еще до непосредственного совершения преступления, под влиянием как социальных, так и психологических факторов. Другие исследователи, в частности Ю. М. Антонян, считают, что личность преступника — это личность человека, который уже совершил преступление по причине особенностей его психики, отрицания моральных ценностей и других факторов [2, с. 120], что подводит к серьезным противоречиям в понимании этого термина.

Одни считают, что «личность преступника» — понятие, к которому следует обращаться лишь в том случае, когда виновность человека доказана в суде и он признан виновным (это тесно переплетает криминологию и уголовное право) либо когда совершенное преступление не было зафиксировано. Так или иначе, факт совершения преступления здесь является определяющим.

Другие полагают, что к личности преступника стоит относиться как к непрерывным процессам социализации, психического развития, проявления биологических особенностей, которые находятся в динамике и не останавливаются ни до, ни во время совершения преступления, ни после возможных репрессивных мер.

Вторая позиция представляется более логичной и обоснованной, ибо признание лица виновным является лишь формальным этапом и не отражает всех особенностей личности. Необходимо отметить, что множество лиц, которые совершили, например, преступления по неосторожности, не обладают чертами личности, характерными для преступника, о чем указывают в своих работах некоторые ученые.

При изучении личности преступника в криминологии акцент должен быть сфокусирован в первую очередь на сочетании, синергии многих факторов. Односторонняя биологизация, генологизация или психологизация столь же неверна, как и социологизация и уголовно-правовая формализация этого понятия. С этим согласны и многие ученые, считающие, что «преступное поведение рождает не сама по себе личность или среда, а именно их взаимодействие» [4, с. 8]. Все эти факторы могут стать катализаторами для формирования преступного мышления и совершения преступления, а могут и исключить таковое.

Стоит заметить, что в практическом смысле предугадать, что какое-либо лицо станет преступником, с полной уверенностью невозможно. Даже при всестороннем наблюдении за жизнью человека и

при наличии всех признаков того, что им будет совершено преступление, этого может не случиться.

Для того чтобы облегчить исследование личности преступника как объекта криминологии, целесообразно условно разделить изучение на несколько этапов:

— становление личности преступника с учетом указанных ранее особенностей;

— личность в конкретной ситуации, до и непосредственно во время совершения преступления;

— личность во время судебного процесса, осуществления правосудия;

— личность преступника в период воздействия на нее репрессивных мер, отбывания наказания;

— личность во время освобождения, адаптации к жизни в обществе;

— дальнейшее существование личности в социуме.

Одну из проблем при изучении личности преступника в криминологии представляет конфликт субъективизации и объективизации. Сама личность в современном обществе всегда находится на пересечении этих понятий, являясь уникальным набором свойств, обладая волей и совершая конкретные действия, однако при этом составляя часть более крупного организма-социума, в котором личность определяется условиями окружающей жизни, взаимоотношениями с иными людьми. Без более плотной интеграции этих систем изучение личности преступника сводится к анализу одного конкретного лица, что является ресурсозатратным и не дает представления о картине в целом либо представлено набором числовой статистики, которая лишь обобщает имеющиеся сведения и показывает примерные характеристики преступника (пол, возраст, социальное положение и пр.). Это находит отражение в трудах некоторых ученых.

Для того чтобы изучение личности преступника в рамках криминологии приносило больше практических результатов, необходимо:

1) усилить интеграцию полученных в результате изучения личности преступника сведений с разрабатываемыми программами по борьбе с преступностью и мерами преступной профилактики;

2) обратить большее внимание на индивидуальную профилактику преступлений;

3) выявлять наиболее значимые на данном этапе изучения личности преступника направления научного исследования;

4) усилить акцент на изучении личностей преступников, совершающих определенные виды преступлений (насильственные, корыстные; экономические, в сфере компьютерных технологий и пр.);

5) исследовать проблемы мотивации преступного поведения личности.

Библиографический список

- [1] *Абызов К. Р., Гриб В. Г., Ильин И. С.* Криминология: курс лекций / под ред. В. Г. Гриба. — М.: Маркет ДС, 2011. — С. 54.
- [2] *Антонян Ю. М., Эминов В. Е.* Личность преступника: криминологическое психологическое исследование. — М., 2010. — С. 120.
- [3] *Мальцева Т. В., Кутепова М. В.* Личность преступника: психологический аспект. — Руза: Моск. обл. филиал Моск. ун-та МВД России, 2014. — С. 8.

УДК 342.9

*Минаев Намин Неманович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации: понятие и характерные признаки

Одними из приоритетных направлений реализации государством политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации выступают как защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, так и распорядок дел и действий, направленных на предупреждение самой возможности возникновения таких ситуаций.

В соответствии с положениями ст. 1 федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» под чрезвычайной ситуацией природного и техногенного характера понимается «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Анализ указанного определения позволяет прийти к выводу, что законодатель разделяет чрезвычайные ситуации на следующие виды: искусственные по своей природе, т. е. техногенные; естественные,

т. е. биологического или природного происхождения, и иные. Очевидным признаком отнесения иных видов чрезвычайных ситуаций к числу таковых выступает нарушение условий жизнедеятельности людей, которое может проявиться как в их гибели, так и в возникновении угрозы состоянию их здоровья или материальному благополучию. К иному виду чрезвычайных ситуаций можно отнести явления социального характера, в число которых некоторые авторы включают локальные войны, вооруженные конфликты, экстремизм, терроризм, массовые беспорядки, криминогенный фактор, наркоманию и др. [4, с. 3–4].

Специальный или чрезвычайный административно-правовой режим чрезвычайной ситуации вводится на определенной территории Российской Федерации исключительно в случае возникновения на ней обстоятельств, позволяющих рассматривать их как чрезвычайную ситуацию. Необходимо обратить внимание, что под «определенной территорией», на которой складывается неблагоприятная обстановка, следует понимать не только участок суши, расположенный в пределах Российской Федерации, но всю совокупность земельного, воздушного и водного пространства в целом либо отдельные его части, включая объекты социального и производственного назначения, животного и растительного мира. Выявить характерные признаки, присущие такому режиму, представляется возможным через рассмотрение общих правовых категорий, по отношению к которым он является частным. Это категории «правовой режим» и «административно-правовой режим».

М. В. Вологина определяет правовой режим как «особый способ правового регулирования, выражающийся в особом применении юридических средств, при котором создается определенное социальное состояние и при котором для удовлетворения интересов субъектов права определена степень благоприятности или неблагоприятности» [2, с. 244]. Иными словами, под правовым режимом понимается определенный порядок, носящий ограничительный или запретительный характер, который оказывает непосредственное влияние на осуществление физическими (граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, должностные лица) и юридическими (органы государственной власти и муниципального самоуправления) лицами своих прав и обязанностей, для которого характерна привязка к строго установленной территории, на временной промежуток, срок которого обусловлен реализацией целей, послуживших причиной введения такого режима, и функционирующий исключительно на основе нормативных правовых актов.

Ю. А. Тихомиров приходит к выводу, что «административно-правовой режим есть специфический порядок деятельности субъектов

права в разных сферах государственной жизни. Он устанавливается в законах и подзаконных актах и направлен на их строго целевую и функциональную деятельность на тех участках, где нужны дополнительные средства для поддержания требуемого государственного состояния» [5, с. 536], выделяя главенствующее значение публичных интересов, защита которых обеспечивается за счет использования императивных методов воздействия.

Д. Н. Бахрах относит административно-правовой режим чрезвычайной ситуации к числу «специальных» и признает его в качестве института административного права, аргументируя указанную позицию тем, что такой режим «устанавливается в том случае, когда иные меры административно-правового регулирования не могут обеспечить должный правовой порядок (обеспечить безопасность, охрану, нормализовать обстановку), добиться необходимого правового состояния социального объекта» [1, с. 411].

М. А. Громов предпочитает характеризовать исследуемый режим, употребляя термин «чрезвычайный», а не «специальный», мотивируя свой выбор тем, что такие обстоятельства, служащие для его введения, как обстоятельства социального, природного и техногенного характера, требуют «применения норм чрезвычайного законодательства и принятия чрезвычайных мер» [3, с. 129].

Особенности установления специального административно-правового режима заключаются в том, что органы государственной власти, во-первых, наделяются чрезвычайными полномочиями и, соответственно, реализуют возможность эффективно действовать в различных социальных ситуациях. Во-вторых, органы государственной власти выступают в качестве дополнительного правового механизма защиты прав и свобод граждан и юридических лиц: применяемые чрезвычайные меры носят гласный характер, информирование населения о введенных ограничениях и ответственности за их нарушение проводится заранее.

На основании изложенного можно выделить следующие характерные признаки, свойственные рассматриваемому административно-правовому режиму чрезвычайной ситуации:

1) установление указанного режима представляется возможным исключительно в порядке, определенном нормами федерального законодательства;

2) установление указанного режима связано в первую очередь с возникновением чрезвычайной негативной обстановки, которая может повлечь или влечет тяжкие последствия для граждан и государства;

3) установление указанного режима регулируется нормами федерального законодательства Российской Федерации, которые определяют его особенности (срок, ответственные органы государственной

власти, их полномочия и ответственность, социальные гарантии населения);

4) указанный режим устанавливается исключительно в случае и в связи с возникновением искусственных (техногенного происхождения), естественных (биологического или природного характера) и иных (явления социальной этимологии) чрезвычайных обстоятельств;

5) предупреждение, прекращение и ограничение последствий происшествий рассматриваемого чрезвычайного характера не представляются возможными без установления указанного режима;

6) установление указанного режима влечет за собой временное ограничение прав и свобод граждан, а также юридических лиц;

7) установление указанного режима связано с усилением и наделением чрезвычайными полномочиями органов государственной власти, а также с привлечением ответственных систем государства по ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, необходимость своевременного реагирования на образование угроз природного, техногенного, биологического или социального характера и ликвидации их последствий обусловила возникновение такого специального правового режима, как административно-правовой режим чрезвычайной ситуации, являющегося частью наиболее общего режима обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

[1] *Бахрах Д. Н.* Административное право России: учебник для вузов. — М.: НОРМА, 2000. — 640 с.

[2] *Вологина М. В.* Некоторые особенности правового режима, устанавливаемого в случае возникновения чрезвычайной ситуации // Бизнес в законе. — 2009. — № 5. — С. 244–246. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-pravovogo-rezhima-ustanavlivaemogo-v-sluchae-vozniknoveniya-chrezvychaynoy-situatsii-1> (дата обращения: 10.03.2019 г.).

[3] *Громов М. А.* Понятие «чрезвычайные правовые режимы»: их виды, характеризующие признаки, классификация // Тр. Академии управления МВД России. — 2013. — № 3. — С. 129–132.

[4] *Губанов В. М., Михайлов Л. А., Соломин В. П.* Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. — М.: Дрофа, 2007. — 288 с.

[5] *Тихомиров Ю. А.* Административное право и процесс: полный курс. — М., 2005. — 1150 с. — URL: <https://www.twirpx.com/file/553072> (дата обращения: 10.03.2019 г.).

*Шартава Давид Нугзарович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Общая характеристика элементов составов административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

Административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее — НСИПВ) представляют серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации ввиду наркогизации населения, подрыва генофонда страны и криминализации общества [2].

В настоящее время проблема незаконного оборота НСИПВ в Российской Федерации стоит крайне остро. Распространение и употребление НСИПВ негативно отражается на обществе в целом. В основном это проявляется на физическом и социальном уровнях (деградация): возникновение проблем в семье, в школе, в вузе, наличие и развитие заболеваний, в том числе неизлечимых (СПИД, гепатит и др.), снижение когнитивных способностей и т. д. Отражение этих регрессивных качеств в индивиде приобретает массовый характер: число зависимых от НСИПВ в подростково-молодежной среде с каждым годом увеличивается, что подчеркивает эпидемический характер распространения НСИПВ среди населения РФ.

Рассматривая некоторые организационные особенности незаконного оборота НСИПВ, важно отметить, что употребление НСИПВ влечет за собой увеличение смертности. По сведениям МВД России, ежегодно от наркотиков умирают до 90 тыс. молодых людей. Причинами смерти послужили сопутствующие наркомании заболевания, а также передозировка НСИПВ и другие связанные с потреблением НСИПВ причины. Средний возраст умерших составляет 32 года. При анализе данной цифры возникло сравнение: смертность от НСИПВ на сегодняшний день в несколько раз выше, чем смертность от автомобильных катастроф (за 2017 г. в автокатастрофах погибли 26 963 человека). Основное негативное влияние потребления НСИПВ распространяется на молодое население (80% потребителей — люди до 25 лет). Уровень информированности о НСИПВ среди молодежи в среднем превышает 80%, достигая среди студентов вузов 92,6%. Основными источниками информации о НСИПВ являются Интернет и социальное общение. Стоит подчеркнуть, что в осознании опасности зависимости от НСИПВ даже после разового употребления признались 65% человек. 7% полагают, что при редком употреблении НСИПВ зависимость не возникнет [6].

Средний возраст начала употребления НСиПВ составляет 15–16 лет. Более 50% лиц, имеющих опыт потребления НСиПВ, приобрели его в ходе свободного времяпрепровождения в компании друзей. 77% опрошенных отметили легкодоступность НСиПВ. При этом 70% человек указали, что основные места, где можно приобрести и употребить НСиПВ, это ночные клубы. Исследование показало, что из числа опрошенных потребителей НСиПВ 18,7% человек не смогут самостоятельно отказаться от их употребления, 5,3% не намерены отказываться, 22,8% убеждены, что окончательно прекратить употребление НСиПВ, практически, невозможно, 23,8% утверждают, что прекратить употребление НСиПВ можно с помощью мер принуждения. Из числа потребителей НСиПВ 75% человек (6 млн) употребляют НСиПВ каннабисной группы (гашиш, марихуана и др.), 15% человек (1,5 млн) — психостимуляторы (экстази и др.), 9% человек (800 тыс. — НСиПВ опийной группы (героин, метадон и др.). В подростково-молодежной среде популярностью пользуются НСиПВ каннабисной группы и психостимуляторы (амфетамин, экстази и пр.).

Из полученной информации следует, что молодежь обращает недостаточное внимание на последствия употребления НСиПВ: смерть, зависимость; ошибочно предполагают, что разовое употребление НСиПВ «безвредно». Важным негативным аспектом в наркосистеме России является широкодоступный спектр НСиПВ, что негативно отражается в подростково-молодежной среде в целом.

Согласно Кодексу об административных правонарушениях РФ (далее: КоАП РФ), существуют четыре состава, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ: ст. 6.8, 6.9, 6.16 и 6.16.1.

Анализируя нормы КоАП РФ, можно сделать вывод, что родовым объектом для данных правонарушений является здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественная нравственность, а видовым объектом — общественная безопасность в сфере обеспечения здоровья населения.

НСиПВ как предмет указанных правонарушений представляет наибольший интерес для анализа. При этом стоит отметить, что в предмет данных незаконных деяний входят только НСиПВ, внесенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, которые подлежат контролю [4].

Однако в практической деятельности при квалификации данных правонарушений часто возникают сложности в отнесении тех или иных веществ к запрещенным веществам и их прекурсорам [7]. Это говорит о характерной черте административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ — динамичности. В современном мире регулярно появляются новые вещества и их аналоги, высококонцентрированные

и синтетические наркотики множатся, создаются новые разновидности.

В связи с этим необходимо ввести институт временного запрета на оборот психоактивных веществ, которые не внесены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, которые подлежат контролю, но есть все основания полагать, что в ближайшее время будут туда включены [5]. Для реализации временного запрета стоит дополнить федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» статьей, закрепляющей полномочие федерального органа, ответственного за решение задач в сфере оборота НСиПВ и их прекурсоров, на введение данного запрета. За нарушение этого временного запрета следует ввести административную ответственность и с этой целью дополнить КоАП РФ ст. 6.8.1, предусматривающей в качестве административного наказания за нарушение временного запрета на оборот психоактивных веществ, которые не внесены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, которые подлежат контролю, но есть все основания полагать, что в ближайшее время будут туда включены, административный штраф для физических и юридических лиц.

Говоря об объективной стороне данных правонарушений, стоит отметить, что в незаконный оборот входят такие действия, как приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, сбыт и пересылка. В отдельную статью КоАП РФ выносит правонарушение, характеризующееся такой объективной стороной, как потребление [1].

Таким образом, объективная сторона всех правонарушений в сфере незаконного оборота НСиПВ характеризуется деянием.

Субъектами данных правонарушений являются общие субъекты: физические и юридические лица, а ст. 6.8, 6.9 и 6.16.1 КоАП РФ содержат еще и специальных субъектов: иностранного гражданина и лицо без гражданства, для которых в качестве меры административной ответственности предусмотрено административное выдворение.

Субъективная сторона данных правонарушений характеризуется прямым умыслом, при этом законодатель предоставляет возможность избежать административного наказания за данные правонарушения в случае добровольной сдачи НСиПВ уполномоченным органам и должностным лицам. Исключение составляет ст. 6.16 КоАП РФ, где субъектами административной ответственности являются индивидуальные предприниматели и юридические лица [3].

В заключение стоит отметить, что для успешной борьбы с незаконным оборотом НСиПВ наряду с мерами административной ответственности существуют и другие комплексы мер, носящие административно-предупредительный характер: определен курс государственной антинаркотической пропаганды, формируются и исполняются различные государственные антинаркотические программы,

разработана общая профилактика (первичная, вторичная и третичная) в отношении граждан, употребляющих НСиПВ, и пр.

В Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г. выделен раздел государственной системы профилактики немедицинского потребления НСиПВ, где целью профилактики является сокращение масштабов немедицинского потребления НСиПВ и формирование негативного отношения к незаконному обороту НСиПВ. В Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г. предусматривается формирование личной ответственности человека за свое поведение, обуславливающее снижение спроса на НСиПВ, и развитие системы раннего выявления незаконных потребителей НСиПВ путем ежегодной диспансеризации.

Библиографический список

[1] *Базулев К. И.* Особенности объективной стороны административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (на примере ст. 6.13 КоАП РФ) // Научное обозрение. Сер. 2: «Гуманитарные науки». — 2013. — № 6. — С. 115–122.

[2] *Болотин В. С.* Административная наркоделиктность: параметры оценки и проблемы противодействия: моногр. / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Орл. регион. акад. гос. службы». — Орел: ОРАГС, 2008. — 131 с.

[3] *Гутов И. В., Морин А. В.* Административная ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры // Бизнес в законе. — 2012. — № 4. — С. 76–81.

[4] *Конечная Ю. С.* Административная ответственность за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 6–3. — С. 34–37.

[5] *Матвиенко В. И.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и потенциально опасных психоактивных веществ синтетического происхождения: проблемы и пути решения // Вестн. Барнаульск. юр. ин-та МВД России. — 2015. — № 2 (29). — С. 72–76.

[6] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru (дата обращения: 20.02.2019).

[7] *Сальников А. В.* Проблемы применения административно-правовых норм в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Аллея науки. — 2018. — Т. 4, № 9 (25). — С. 613–618.

Этические аспекты деятельности прокуратуры

По словам Альберта Швейцера, «этика есть безграничная ответственность за все, что живет». Расширение круга общения людей в публичной сфере жизни, увеличение числа контактов между ними и предъявление повышенных требований со стороны общества к представителям наиболее важных и общественно значимых (публичных) профессий обуславливают высокую ответственность последних перед обществом. Особенно это относится к прокурорам, поскольку специфической чертой их деятельности является влияние как на процессы, происходящие в обществе и государстве, так и на судьбу конкретного человека. Поэтому совершение представителем власти порочащих его честь и достоинство действий дискредитирует весь орган, и в глазах населения прокуратура теряет авторитет. Более того, пренебрежение морально-этическими стандартами может привести к серьезным и порой необратимым последствиям. Стоит отметить, что данные стандарты по общему правилу закрепляются в этических кодексах. Вместе с тем существуют проблемы, связанные с их реализацией

Проблема стоит весьма остро и актуально, и при ее разрешении необходимо ориентироваться не только на изучение самого явления, но и на анализ причин, его порождающих. Одной из причин является абстрактное содержание основополагающих нравственных принципов, указанных в Кодексе этики прокурорского работника (далее: Кодекс). Так, согласно ст. 2.2.1, прокурор своим поведением должен подавать личный пример честности, беспристрастности и справедливости

В ходе реализации указанных положений возникают проблемы, которые требуют своего решения: в Кодексе нет раздела, посвященного разъяснению понятий, которые в нем используются, что снижает эффективность восприятия и практической реализации его положений. Например, нет определения понятия «мораль». На первый взгляд, это утверждение может вызвать критику, поскольку оппоненты могут заявить, что моральные принципы имеют всеобщее значение, охватывают всех людей, закрепляют основы культуры их взаимоотношений, создаваемые в длительном процессе исторического развития общества. Однако с учетом специфики нашего многонационального государства такая точка зрения небесспорна. В первую очередь, она не учитывает определение морали, а как следствие и специфику неко-

торых субъектов Российской Федерации, в которых в последнее время под влиянием религии наблюдается существенное усиление норм морали и нравственности. В таком случае необходимо решить, следовать ли прокурорскому работнику нормам морали и нравственности общества, в котором он работает, или прокурорская мораль и нравственность должна быть унифицирована и стать единой для всех прокурорских работников вне зависимости от места прохождения службы.

Наблюдается и легкомысленное отношение некоторых прокуроров к нормам морали и этики, порождающее профессионально-нравственную деформацию. Как следствие они чувствуют свое превосходство и безнаказанность. Выдающийся французский правовед Шарль Монтескье писал: «Вникните в причины всякой распущенности, и вы увидите, что она протекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний» [1, с. 233].

Таким образом, деятельность работника прокуратуры должна соответствовать как требованиям закона, так и нормам этики. Однако сегодня в некоторых юридических вузах внимание акцентировано на воспитание высококвалифицированных специалистов, чье поведение должно оставаться строго в рамках закона. При этом в учебном процессе упускаются столь важные аспекты, как этика и мораль. Удивляет, например, что в перечне дисциплин по подготовке студентов в Университете прокуратуры РФ, Институте прокуратуры Уральского государственного юридического университета отсутствует дисциплина «Профессиональная этика». Возникает вопрос: какими этическими принципами руководствоваться будущему прокурору и может ли Кодекс стать барьером против таких серьезных преступлений, как коррупция или злоупотребление должностными полномочиями?

Хроника событий и выявленных за последние годы нарушений свидетельствует о том, что в своей деятельности некоторые прокуроры предпочитают руководствоваться не морально-нравственными ценностями и даже не буквой закона, а своими потребностями и амбициями, видят своей главной целью карьеру и материальное благосостояние. Очень точно выразился один из самых авторитетных юристов СССР и России Генри Резник: «Общество стало циничнее». Гений юриспруденции подчеркивает что «общее одичание» оказывает влияние практически на все правовые институты. И его слова подтверждаются громкими задержаниями работников прокуратуры — в большинстве случаев по обвинению в получении взятки. Так, например, в 2016 г. в г. Саратове был задержан прокурор по обвинению в получении взятки в крупном размере за помощь в прекращении уголовного дела. В начале 2018 г. в Татарстане было возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении сразу двух прокуроров. На протяжении всего прошедшего года новостные ленты не раз сообщали о коррупционных скандалах с участием работников прокуратуры.

Если рассматривать данную проблему через призму этики прокурора, представляются целесообразными изложенные ниже пути решения.

Во-первых, в качестве одной из основных и обязательных дисциплин в высших учебных юридических заведениях необходимо ввести дисциплину «Профессиональная этика юриста», а в рамках данной дисциплины вести специальный курс «Этика прокурора» в институтах прокуратуры. Стоит акцентировать внимание на следующих темах:

- 1) понятие и предмет курса «Этика прокурора»;
- 2) этические и нравственные основы деятельности прокурора;
- 3) правовое регулирование морально-этических аспектов в деятельности органов прокуратуры;
- 4) правовая и моральная ответственность прокурора; разрешение конфликта между правом и моралью;
- 5) реализация морально-нравственных начал в пространстве российского законодательства.

Важно и ценно не только изучать и знать основы данной дисциплины, но и реально воплощать этические и моральные принципы в деятельности прокурора и всех работников прокуратуры.

Во-вторых, было бы уместным создать в рамках прокуратуры, при Генеральном прокуроре РФ и прокурорах субъектов РФ коллегияльного органа по типу квалификационной коллегии судей, ибо один прокурорский работник не может адекватно оценить поступок другого прокурорского работника. Такой орган должен оценивать поступки прокурорских работников с точки зрения их соответствия Кодексу этики.

В-третьих, кодекс этики прокурорского работника необходимо систематизировать по главам. На основе ст. 2.2.1 кодекса целесообразно сформировать главу «Этические принципы деятельности прокурора», где каждому принципу будет отведена отдельная статья.

В ст. 4 ФЗ «О прокуратуре» следует внести изменения, касающиеся конкретного и детального определения этических принципов с целью объективности оценивания действий прокурора. Целесообразно унифицировать понятия этических принципов.

Для повышения качества деятельности прокуратуры необходимо, чтобы каждый ее работник ощущал свою власть как бремя ответственности, а не как право распоряжаться и допускать злоупотребления.

Библиографический список

- [1] *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. — 803 с.

*Лемехов Сергей Витальевич,
студент Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

*Войнакова Кристина Николаевна,
студентка Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Эволюция конституционализма в России и его воплощение в Конституции Российской Федерации 1993 года

Конституционное право является, без сомнения, основой основ правовой системы государства, правовой культуры и правосознания. Большинство современных государств невозможно представить без основного источника правовых норм. Роль конституций в современном обществе достаточно велика, поскольку именно они формируют политический режим, форму государственного устройства и форму административно-территориального устройства, регламентируют полномочия органов государственной власти, создают основу для реализации прав и свобод человека и гражданина, являются основой для формирования культурно-нравственных ориентиров развития государства и общества.

Для понимания положения норм права в обществе и их значения для его эволюции необходимо обращать внимание на изменение (реформирование) норм конституционного права. В данном случае нормы Конституции 1993 г. являются основополагающими и целеполагающими нормами современной российской правовой системы. Нормы Конституции являются вершиной правовой мысли нашего общества, хотя они, конечно, не идеальны и требуют дальнейшего развития.

Принятие Россией Конституции 1993 г. — это своего рода переход на новый уровень, новый этап в развитии и становлении права, правовой системы. В центре внимания оказался человек с его правами и свободами, которые необходимо реализовать и защищать. Жизнь страны изменилась, стали реальностью политическая свобода и рыночная экономика. Конституция как Основной Закон государства стала юридическим выражением политических ценностей, таких как основные права и свободы человека и гражданина, федеративное устройство, демократический режим, принцип разделения властей, плюрализм в политической жизни. В умах людей

зрело новое правосознание, политическая жизнь заиграла новыми красками, начала формироваться конституционно-правовая культура. По мнению В. Д. Зорькина, гигантское завоевание Конституции 1993 г. состояло в том, что она закрепила прочность государственных конструкций и одновременно внутри этих прочных конструкций сохранила пространство для свободы [1, с. 15]. Так Конституция стала тем связующим звеном, которое скрепляло разрозненные части, «лоскутки» великой державы. Она стала своего рода «нитками», но более прочными, нежели Конституция 1977 г., которые и до сих пор сохраняют единство нашей страны. Чтобы доказать данную позицию, проведем сравнительный анализ Конституции СССР 1977 г. и Конституции РФ 1993 г.

Конституция РФ привнесла в общество множество новелл. Рассмотрим изменения, произошедшие в Основном Законе нашего государства на примере Конституции СССР 1977 г. Прежде всего обратим внимание на ст. 60 и рассмотрим более подробно вопрос обязательности труда: «Статья 60. Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества». В нормах же Конституции РФ закреплено исключительно право на труд, в то время как обязанность трудиться отсутствует. Это прописано в ст. 37: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен».

Важно отметить изменения и в политической жизни общества. Например, Конституция СССР 1977 г. в первоначальной редакции закрепляла основополагающую роль партии в жизни общества: «Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу». В свою очередь, Конституция РФ 1993 г. закрепляет политический плюрализм: «Статья 13 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Таким образом, Конституция РФ 1993 г. в отличие от Конституции СССР 1977 г. предоставляет гражданину и личности большие права и свободы, в том числе и в политической сфере, ибо способствует многопартийности и плюрализму, который создает конкуренцию, способную изменить жизнь общества в лучшую сторону. А. И. Лукьянов и Н. А. Дробышева заявляют: «Постсоветское государство приобретает признаки правового, поскольку принципиально отказывается от конституционного предерешения социально-экономических порядков, от навя-

звания гражданам своих планов. Пафос правовой архитектуры новой Конституции проникнут стремлением обеспечить им гарантированный простор для свободы самоопределения и возможности распоряжаться жизнью по собственному усмотрению. В отличие от советского периода это Конституция государства, ориентированного на созидательные возможности индивидуализма и частной инициативы, не требующего жертвоприношений во имя будущего и не оправдывающего насилие величием своих исторических задач» [2, с. 92]. Таким образом, эволюция формы правления в России способствовала приобретению гражданином современной России больших прав и свобод, чем имелись у советских граждан. Важно отметить, что приобретения данных прав, возникновение многопартийности являлись основой формирования в России правового государства и гражданского общества.

В заключение следует отметить, что формальные конституции описывают конституционализм фиктивно, в действительности не реализуя многие указанные нормы. Таким образом, конституционализм реализуется, исключительно если конституционно-правовые нормы действительно используются в ходе регулирования политической и правовой жизни общества. Эволюция конституционного права затрагивает не только правовую сферу жизни общества, но и политическую, экономическую, социальную, что в совокупности затрагивает и духовную. Можно предположить, что конституционное право служит основой не только государства, но и всего общества. Изучая процесс эволюции конституционных норм государства, можно узнать о его особенностях, чертах, месте в международном пространстве в тот или иной исторический период. Анализируя эволюцию норм конституционного права можно установить причины, способствующие формированию современной правовой системы государства. Следовательно, изучение эволюции конституционализма способствует приобретению знаний в других науках, например знаний о форме правления, политическом режиме или форме государственного устройства в тот или иной период времени. Не следует забывать и про права и свободы человека и гражданина, которые также формируются в процессе эволюции норм конституционного права.

Библиографический список

[1] *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция в XXI веке. — 2-е изд., доп. — М.: НОРМА, 2008. — 592 с.

[2] *Лукьянов А. И., Дробышева Н. А.* К вопросу об этапах и историческом векторе российского конституционного законодательства // *Философия права.* — 2007. — № 1. — С. 89–92.

Международная борьба с легализацией денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем

Легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, является общественно опасным преступлением. Такие действия наносят огромный ущерб экономике государства, таят в себе огромную угрозу мирному существованию и оказывают губительное воздействие на все сферы жизни общества. Международное сообщество крайне озабочено данной проблемой и предпринимает ряд шагов для предотвращения преступлений такого характера. Борьба с «отмыванием» денег — незаменимое условие обеспечения экономической безопасности как государства, так и мирового сообщества. В современном мире одним из самых важных направлений борьбы с преступностью является противодействие «отмыванию» денежных средств и иного имущества, добытых преступным путем [1, с. 46].

Институт легализации денежных средств возник в прошлом веке в Соединенных Штатах Америки. Виновным в уклонении от уплаты налогов был признан Альфонсе Капоне. Данный прецедент оказал огромное влияние на юридическую науку и дал грандиозный толчок развитию международного уголовного законодательства. Стало очевидным, что лидер организованной преступной группировки может получить срок за уклонение от уплаты налогов. Но для уплаты налога необходимо указать источник дохода. Многие криминальные элементы нашли выход в легализации, или в так называемом «отмывании», денежных средств.

С середины прошлого века крупная организованная преступность носит международный характер, что привело к распространению различных способов «отмывания» денег, в том числе к использованию ряда международных структур, а также международных банков. Некоторые государства, напротив, использовали данную ситуацию себе во благо, создавая благоприятные условия в своих банковских системах для легализации средств, добытых преступным путем. Первым международным документом, принятым против легализации средств, добытых преступным путем, является Декларация по принципиальным положениям, относящимся к «отмыванию» доходов от криминального бизнеса. Она была принята руководителями центральных банков в 1988 г. В документе отмечаются следующие принципы:

- 1) неукоснительное соблюдение всех законов в области финансовых операций;
- 2) сотрудничество с правоохранительными органами;
- 3) отказ от участия в сделках, которые могут иметь отношение к «отмыванию» денег;
- 4) восстановление доверия клиентов [2, с. 63].

Многие государства уступили давлению со стороны Европейского союза и ратифицировали ряд конвенций, направленных против легализации средств, добытых преступным путем. В частности, Российская Федерация в 2001 г. ратифицировала Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. Россия участвует и в двусторонних соглашениях против транснациональной преступности. В Содружестве Независимых Государств также ведется непримиримая борьба с легализацией средств, добытых преступным путем. В Уголовном кодексе РФ (УК РФ) присутствует ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем».

На современном этапе развития мировой экономики легализация преступных доходов очень часто совершается при помощи транснациональных финансовых систем. Следовательно, борьба с данным видом преступлений невозможна без наличия эффективных международных механизмов противодействия. Необходимо отметить, что в последние годы, борьба с «отмыванием» преступных доходов ведется все более успешно [4, с. 28].

Основной проблемой в претотвращении преступлений в сфере легализации средств, добытых преступным путем, является невозможность быстрого реагирования на них международного права. Нормативно-правовая база, как правило, недостаточно совершенна. Уровень взаимодействия государств в области борьбы с «отмыванием» денег нельзя назвать соответствующим сегодняшним реалиям. Более того, некоторые страны даже создают так называемые оффшорные зоны, в которых отслеживание капиталов становится практически невозможным, и тем самым косвенно способствуют «отмыванию» денег. На сегодняшний день такие зоны созданы на Багамских и Бермудских островах, в Коста-Рике, на Кипре, в Панаме, Тринидаде и Тобаго и т. д.

Однако есть и страны, которые все более активно противодействуют легализации средств, добытых преступным путем. Интересен опыт Китая в этой сфере.

Очень необычным является то, что именно само утаивание доходов, добытых преступным путем, является отдельным преступлением. По сути, при «отмывании» денег в Китае преступник совершает не одно преступление, а несколько. Любопытным также является тот факт, что национальное законодательство Китая обязывает банки хра-

нить информацию в течение пяти лет, если сумма денежной операции превысила двести тысяч юаней. А если сумма операции превышает один миллион юаней, то служба безопасности банка обязана провести полную проверку финансовой операции. Таким образом, Китай делает огромные шаги в направлении противодействия легализации денежных средств, добытых преступным путем [3, с. 26].

Особо стоит отметить, что одной из основных проблем в борьбе с «отмыванием» денег является появление новых способов легализации средств, что создает определенные трудности для квалификации преступлений правоохранительными органами. Отсутствие общей системы контроля происхождения крупного капитала вкупе с нежеланием многих стран сотрудничать или, еще хуже, с неприспособленностью национального законодательства к противодействию «отмыванию» средств и иного имущества, добытых преступным путем, создает очень опасные для общества предпосылки к нарушению экономической безопасности мирового сообщества, что, в свою очередь, ведет к еще большему количеству преступлений. Экономической безопасности мирового сообщества брошен вызов, с которым, к сожалению, ряд государств не в состоянии справиться.

Таким образом, можно выделить основные проблемы в международной борьбе с легализацией денежных средств:

1) невозможность контроля со стороны международных финансовых организаций над движением крупного капитала в оффшорных зонах;

2) низкий уровень развития законодательства по борьбе с «отмыванием» денег в ряде стран;

3) отказ ряда государств ратифицировать международные конвенции по борьбе с коррупцией;

4) содействие некоторых стран в «отмывании» преступных доходов для привлечения «легких» денег в свою экономику.

Следует отметить, что механизмы борьбы с финансовыми преступлениями работают в основном в развитых странах, в то время как в целом ряде других государств международная легализация денежных средств, добытых преступным путем, часто выступает инструментом привлечения «грязного» капитала в экономику.

Современное международное законодательство по борьбе с «отмыванием» денег нуждается в доработке. Для усовершенствования механизмов борьбы с легализацией денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, необходимо реализовать ряд мер:

1) проведение финансовыми организациями надлежащей проверки клиентов, обладающих значительными публичными полномочиями, а также членов их семей и партнеров;

2) отнесение к числу преступлений, предикатных по отношению к «отмыванию» денег, всех преступлений, связанных с коррупцией;

3) ратификация 20-й статьи Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в странах с высоким уровнем коррупции, в том числе в России;

4) создание в Интерполе международных структурных подразделений, исключительной целью которых будет выявление преступлений в сфере легализации средств, добытых преступным путем.

Библиографический список

[1] Кернер Х. Х., Дах Э. Отмывание денег. Путеводитель по действующему законодательству и юридической практике. — М.: Международные отношения, 1996. — 240 с.

[2] Козочкин И. Д., Крылова Н. Д., Голованова Н. А. [и др.]. Уголовное право зарубежных стран: Общая и Особенная части. — М.: Юрайт, 2015. — 1054 с.

[3] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / пер. с кит. Д. В. Вичикова; под ред. А. И. Коробеева. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — 303 с.

[4] Яни П. Легализация преступно приобретенного имущества: предмет преступления // Законность. — 2012. — № 10. — С. 20–24.

УДК 341.1/8

*Французов Антон Викторович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Взгляд ООН на современные проблемы в Афганистане

Афганская проблема остается наиболее важным направлением деятельности Организации Объединенных Наций (ООН). Сегодня международное сообщество крайне обеспокоено вопросами безопасности в регионе Центральной Азии, особенно в Афганистане. Угрозой безопасности как для страны, так и для региона в целом является рост сил негосударственных субъектов, особенно террористических группировок и организаций.

С 1960-х гг. ООН осуществляет в Афганистане различные проекты, оказывая афганскому правительству содействие в преодолении социально-экономических и других проблем.

© Французов А. В., 2019

Во времена холодной войны, когда Афганистан стал новым центром борьбы между СССР и США, ООН оказалась бессильна повлиять на развитие событий [2].

После распада СССР конфликт, который приобрел новые характеристики, стал выходить за рамки одной страны. Миссия добрых услуг ООН в Афганистане и Пакистане (ЮНГОМАП в 1988–1990 гг.) практически не оказывала влияния на данную ситуацию.

После того как в ряде регионов произошла череда террористических актов, Генеральная Ассамблея ООН в 1994 г. приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой отмечалась необходимость усиления сотрудничества в борьбе с терроризмом и подтверждалась обязанность государств принимать все возможные меры по его ликвидации.

Уже в конце 90-х гг. XX в. в связи с ростом деятельности таких организаций, как ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каида» и других террористических группировок, Советом Безопасности ООН был учрежден Комитет 1267/1989 по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды», целью которого является контроль над соблюдением санкций СБ ООН. В числе его основных задач «предоставление Совету периодических докладов о последствиях мер, включая гуманитарные последствия», «рассмотрение и принятие решения по уведомлениям и просьбам в отношении изъятий из санкций».

Начало XXI в. было тяжелым для Афганистана, поэтому с конца ноября 2001 г., после проведения встречи в Бонне, ООН была вовлечена в дела Афганистана. Чтобы положить конец конфликту, установить мир и стабильность на территории страны, представители ООН учредили Миссию ООН по содействию Афганистану (МООНСА), одно из главных задач которой является «управление всеми мероприятиями Организации Объединенных Наций в Афганистане по оказанию гуманитарной помощи». Несмотря на то что боевые действия на территории страны уже утихли, МООНСА продолжает свою деятельность. С целью улучшения условий жизни граждан Афганистана Совет Безопасности из года в год продлевает ее мандат [1].

Нестабильная обстановка в Афганистане, неспособность правительства преодолеть проблемы терроризма и наркобизнеса побудили мировое сообщество вернуться к вопросу помощи в восстановлении Афганистана. Очевидно, что необходимо разработать программу помощи не только в сфере безопасности, но в ряде других областей. Ответом на этот вызов в 2006 г. стала Лондонская конференция, на которой было принято «Соглашение по Афганистану» — план пятилетнего развития страны, включающий усиление борьбы с наркобизнесом, создание боеспособной армии, Национальной и пограничной полиции, модернизацию дорог, обеспечение населения чистой питьевой водой и медицинским обслуживанием. На последующие пять лет

ООН выделила 10,5 млрд долл., однако желанный результат не был достигнут — напротив, ситуация в стране стала еще менее управляемой.

Дальнейшие годы были ознаменованы целым рядом новых резолюций, содержащих озабоченность СБ ООН вопросами безопасности в Афганистане. Была также поставлена немаловажная задача укрепления афганской национальной армии и полиции.

Идея нормализации ситуации осуществлялась посредством доставки гуманитарной помощи и укрепления гуманитарного присутствия ООН в особо пострадавших регионах Афганистана, а также путем реализации программ по борьбе с производством опиума и других наркотических веществ, рост которого был обусловлен нестабильной обстановкой в стране.

В последние годы ООН продолжает поддерживать политическую независимость, национальный суверенитет и территориальную целостность Афганистана. Главной идеей резолюций СБ ООН является стремление положить конец использованию территории Афганистана в качестве базы террористов (например, в резолюции СБ ООН 2160 (2014) отражена озабоченность мирового сообщества деятельностью «Талибана» и «Аль-Каиды» по торговле оружием, производству и обороту наркотиков, и приветствуется решение некоторых членов «Талибана» пресечь связи с «Аль-Каидой»).

Резолюция ГА ООН в 2014 г. ознаменовала новые пути решения вопроса безопасности Афганистана. В ней были подтверждены и приняты итоги и идеи ряда конференций и документов, в числе которых:

- 1) международная конференция по Афганистану на тему «Афганистан и международное сообщество: от перехода к десятилетию преобразований» (Бонн, 5 декабря 2011 г.) о новом десятилетии преобразований (2015–2024 гг.), во время которого Афганистан должен упрочить свой суверенитет;

- 2) Токийское заявление о партнерстве в интересах самостоятельности Афганистана: от переходного процесса к преобразованиям, принятое на Токийской конференции по Афганистану (8 июля 2012 г.), где было подтверждено партнерство Афганистана и международного сообщества;

- 3) Конференция по безопасности и сотрудничеству в сердце Азии, (Стамбул, 2 ноября 2011 г.), давшая толчок осуществлению Стамбульского процесса укрепления региональной безопасности и сотрудничества;

- 4) конференции на уровне министров «Сердце Азии» (Кабул, 14 июня 2012 г., Алматы, 26 апреля 2013 г., Пекин, 31 октября 2014 г.);

- 5) Пекинская декларация 2014 г., благодаря которой получил дальнейшее развитие процесс укрепления региональной безопасности и

сотрудничества, в том числе посредством активизации регионального диалога и мер укрепления доверия [1].

В 2016–2018 гг. Генеральная Ассамблея ООН обратила внимание на положительные сдвиги в ходе реализации программы десятилетия преобразований (2015–2024 гг.) по упрочению суверенитета Афганистана посредством укрепления полноценно функционирующего, стабильного государства, служащего своему народу, с целью выхода на уровень полной самостоятельности. Такими сдвигами можно считать возобновление сотрудничества с соседями по региону (Узбекистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном) в сферах безопасности, прав человека (особенно женщин), налогово-бюджетной устойчивости, в решении вопросов борьбы с наркотиками и коррупцией [3].

Однако СБ ООН продолжает отмечать различные проблемы, связанные с активизацией терроризма в регионе. В их числе: акты сексуального и гендерного насилия, торговля людьми, вовлечение детей в вооруженные конфликты, торговлю оружием, попытки заполучить биологическое, химическое и ядерное оружие, грубые систематические и массовые ущемления прав человека и нарушения норм международного гуманитарного права, преступное использование информационно-коммуникационных технологий, особенно сети «Интернет», уничтожение исторического и культурного наследия, а также ухудшение экологической обстановки и состояния экосистемы.

Несомненно, ООН поддерживает идею политической независимости Афганистана, создавая для этого различные комитеты (Комитет по санкциям против ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды») и миссии (МООНСА), целью которых является поддержка экономики, права, суверенитета и внутренней целостности Афганистана, а также борьба с негосударственными акторами. Международное сообщество крайне заинтересовано в уничтожении угрозы со стороны террористических организаций Афганистана, так как она не только негативно влияет на стабильность всего региона Центральной Азии, но и порождает ряд еще более опасных и крупномасштабных проблем. На сегодняшний день главными задачами Афганистана и стран — членов ООН являются восстановление независимости страны и ее внутренней безопасности (в том числе усилиями Афганских национальных сил обороны и безопасности (АНСОБ)), а также борьба с международным терроризмом.

Библиографический список

[1] Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА), утвержденная Резолюцией 1401 (2002), принятой Советом Безопасности

на его 4501-м заседании 28 марта 2002 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/ru/peace/missions/afghanistan.shtml> (дата обращения: 19.02.2019).

[2] *Параг Ханна*. Каким будет новый мировой порядок? [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/world/20101129/164570292.html> (дата обращения: 19.02.2019).

[3] *Смагулов А.* Вооруженное противостояние в Афганистане и политико-экономическое развитие Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. — 2013. — № 2 — С. 139–153.

УДК 347.9

*Литвинова Карина Сергеевна,
студентка Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии*

*Судакова Валерия Вячеславовна,
студентка Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии*

Применение информационных технологий в гражданском процессе на примере России и зарубежных государств

На сегодняшний день можно говорить о том, что благодаря стремительному развитию информационных технологий гражданское судопроизводство в России приобретает черты электронного правосудия. Новеллой в гражданском судопроизводстве стала возможность подачи процессуальных документов в электронной форме в сети «Интернет». Система ГАС «Правосудие» предоставляет образцы документов, рассчитывает государственную пошлину, определяет подведомственность и подсудность дел, позволяет найти информацию о находящихся в суде делах и принятых по ним судебных актах.

Наряду с системой ГАС «Правосудие» в Российской Федерации в целях автоматизации гражданского судопроизводства создана система АИС «Судопроизводство», активно используются в процессе доказывания электронные доказательства, ведется аудиопотоко-

© Литвинова К. С., Судакова В. В., 2019

лирование судебных заседаний, применяется система видеоконференц-связи.

Использование видеоконференц-связи является одной из главных задач реформирования арбитражного и гражданского процессов для повышения оперативности судопроизводства. Видеоконференц-связь представляет собой вид телекоммуникации, позволяющий взаимодействовать путем обмена аудио- и видеoinформацией между двумя и более удаленными абонентами в режиме реального времени. Участие в судебном заседании с помощью видеосвязи позволяет участникам процесса реализовать свои процессуальные права без обязательного присутствия во время разбирательства в зале суда.

Применение видеоконференц-связи особенно важно для лиц с ограниченными физическими возможностями, а также для лиц, которые находятся в местах содержания под стражей или в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, поскольку предоставляет возможность избежать значительных трат на проезд от места жительства или нахождения до суда. Стоит отметить, что внедрение технологии видеоконференц-связи способствует не только экономии бюджетных средств, но и сокращению сроков рассматриваемых дел.

Тем не менее существует ряд проблем технического характера, связанных с использованием видеоконференц-связи, например низкое качество связи, прерывание трансляции в связи с потерей звука или изображения. Поэтому суд зачастую отказывает в применении видеоконференц-связи, аргументируя свой отказ недостаточным техническим обеспечением зала судебного заседания [3]. Также применение видеоконференц-связи при рассмотрении сложного спора с предоставлением новых доказательств или процессуальных документов может препятствовать полноценному ознакомлению с ними другой стороной, что нарушает один из принципов правосудия: равноправие сторон.

Таким образом, в настоящее время в нашей стране существует ряд нерешенных вопросов, в связи с которыми видеоконференц-связь до сих пор используется значительно реже, чем в других странах. Например, на основе данных исследования благотворительного фонда Пью в США дела, которые обычно рассматриваются в течение 120 дней, с введением видеоконференц-связи получают решение максимум за 10 дней, что позволяет сделать вывод об эффективности данного вида телекоммуникации [1, с. 219].

Следует отметить, что вышеперечисленные примеры информатизации гражданского судопроизводства способствуют реализации международного принципа доступности правосудия, закрепленного в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Но при этом нельзя отрицать тот факт, что тенденция

развития электронного гражданского судопроизводства может привести и к ограничению доступа к правосудию. Речь идет о категориях лиц, не имеющих доступа к информационным технологиям и не обладающих достаточными знаниями и навыками по использованию данных технологий. Таким образом, нужно исключить возможность императивности электронной формы гражданского процесса [2, с. 139]. Мировой опыт показывает, что такие случаи все чаще имеют место. В качестве инструмента популяризации электронного правосудия в США выбрали «метод кнута». Если заявитель подает документы в бумажной форме, его адвокатам приходится приложить усилия, чтобы доказать обоснованность отказа от использования CM/ECF (Управление делом/Документы электронного дела). В Сингапуре с 1997 г. работает Electronic Filing System (Электронная система обращения в суд). Через три года ее сделали обязательной в гражданских процессах [5, с. 28]. В Российской Федерации установление обязательности электронной формы гражданского процесса не представляется возможным, поскольку это будет препятствовать реализации принципа доступности правосудия. Электронная форма коммуникации с судом не должна быть единственным вариантом для защиты законных прав и интересов граждан.

Информационное общество находится в непрерывном процессе развития, поэтому вопрос дальнейшего совершенствования системы электронного правосудия приобретает особую актуальность. Самым успешным в Европе стал опыт Германии. Подача документов, их обработка и даже вынесение вердикта происходят в электронном формате. С помощью «личного кабинета» участники процесса могут в письменном виде вступать в дискуссии с оппонентом и оспаривать предоставляемые им документы.

Опираясь на зарубежный опыт, целесообразно обеспечить возможность получения виртуальных юридических консультаций внутри системы ГАС «Правосудие», предоставляемых специалистами в области юриспруденции, всеми категориями лиц, обратившихся за такой консультацией. Расходы на консультацию следует включать в судебные издержки с оплатой их проигравшей стороной.

Следующий вопрос, на который стоит обратить внимание, это использование систем искусственного интеллекта в судебных системах. Недавно в Великобритании впервые в истории гражданский иск в досудебном порядке был урегулирован роботом-медиатором. По словам Грэма Росса, медиатора и эксперта по разрешению споров в Интернете, искусственный интеллект смог решить трехмесячный спор двух британцев менее чем за час [6]. Спор касался непоплатенного гонорара тренера в размере 2 000 фунтов стерлингов за курс индивидуальных консультаций, и для его решения стороны решили воспользоваться британским онлайн-сервисом судебного

регулирования долговых обязательств, который сейчас находится в тестовом режиме и используется для разбирательства по искам до 10 000 фунтов стерлингов в упрощенном порядке дистанционно. При этом предварительно стороны вправе воспользоваться телефонной консультацией судебного медиатора. В данной ситуации конфликт не был решен с помощью обычного специалиста, поэтому судебные слушания назначила программа. Система с искусственным интеллектом Smart settle ONE использовала алгоритмы для изучения приоритетов сторон и помогла им выбрать наиболее подходящую переговорную тактику для достижения оптимального соглашения по спору. В российской практике в настоящее время такие программы еще не изобретены, но планируется использование роботов-стенографистов для аудио- и видеofиксации судебных заседаний, чтобы снизить нагрузку на судей.

Таким образом, на протяжении последнего десятилетия наблюдается тенденция информатизации судебной деятельности во многих странах. Применение информационных технологий способствует эффективному выстраиванию организационно-правовых отношений не только внутри судебной системы, но и в отношении суда и участников процесса, а также позволяет ускорить оборот судебных документов и повысить прозрачность судебной системы.

Библиографический список

[1] *Зуб О. Ю.* Видеоконференция как средство упрощения гражданского судопроизводства // Вестн. Харьковск. нац. ун-та им. В. Каразина. Сер. «Право». — 2014. — № 17. — С. 213–221.

[2] *Кондюрина Ю. А.* Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестн. ОмГУ. Сер. «Право». — 2016. — № 3 (48). — С. 137–141.

[3] *Михайлова А. В.* Видеоконференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/201570> (дата обращения: 19.02.2019).

[4] *Пономаренко В. А.* Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве // Lex Russica. — 2016. — № 2 (111). — С. 49–61.

[5] *Протас Д. В., Протас Е. В.* «Электронное правосудие» как инновационная мировая тенденция // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2017. — № 2. — С. 27–29.

[6] *Hilborne Nick.* Robot mediator settles first ever court case [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (дата обращения: 19.02.2019).

*Морина Евгения Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Некоторые вопросы ответственности перевозчика по договору международной перевозки пассажира и багажа

Вопрос возмещения убытков и других сумм потерпевшим вследствие некачественного оказания услуг по договору международной воздушной перевозки пассажиров и багажа весьма актуален и носит распространенный характер. Ранее суммы возмещались по Варшавской конвенции 1929 г. и были значительно меньше, чем в настоящее время. Но в 2017 г. Россия присоединилась к Монреальской конвенции и повысила пределы ответственности перевозчика в рамках договора воздушной перевозки. Случаи, по которым пассажиры имеют право на возмещение, должны произойти непосредственно на борту воздушного судна или во время посадки и высадки пассажиров. Поэтому возникновение взаимных прав и обязанностей подтверждается заключением сторонами соответствующего соглашения. Договор перевозки регулируется положениями гл. 40 ГК РФ, вопросы ответственности ст. 800 непосредственно отсылают к гл. 59 ГК РФ [4, с. 58].

Фактом наступления деликтной ответственности служит авиационное происшествие. Деликтная ответственность — вид гражданско-правовой ответственности, которая наступает при нарушениях одной из сторон пунктов, не указанных в договоре, но негативно повлиявших на потерпевшего и повлекших за собой понесение последним убытков.

Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. определяет компенсацию перевозчиком убытков пассажиру [1, с. 16]. Основными положениями гл. 3 Конвенции являются ответственность перевозчика и степень компенсации за вред, причиненный его действиями либо бездействием (смерть или телесные повреждения пассажира, повреждение багажа и груза, задержка рейса). Вина и небрежность перевозчика предполагаются изначально и будут отвергнуты, если перевозчик докажет обратное. Также Конвенция устанавливает денежные пределы возмещения убытков, которые различны и определяются в международной денежной единице (СПЗ). Специальные права заимствования (СПЗ) — это условная расчетная единица Международного валютного фонда, включающая в себя доллар, евро, иену и фунт стерлинга.

В отношении здоровья и жизни пассажира в Конвенции определен предел ответственности перевозчика, равный 100 000 СПЗ. Задержка оценивается в пределах 4150 СПЗ; повреждение багажа и груза — 1000 СПЗ. Ежедневно стоимость единицы специальных прав заимствования устанавливается Центральным Банком РФ в рублях на базе информации, публикуемой на сайте Международного Валютного фонда по курсу к долларам США. На сегодняшний день 1 СПЗ равен 91,75 руб. Если специальные нормы по международному праву предусматривают ответственность выше, чем нормы внутреннего законодательства, применяются международные нормы [3, с. 811]. За вред, оцениваемый свыше данных сумм, перевозчик отвечает, в случае если не докажет, что вред не был причинен небрежностью или другими действиями, или будет установлено, что он был вызван именно этими действиями, вследствие чего и произошло нарушение. Перевозчик может быть освобожден от ответственности, если докажет, что неблагоприятные обстоятельства возникли вследствие непреодолимой силы и перевозчиком были предприняты все меры для устранения негативных последствий. Также перевозчик не отвечает по обязательствам посторонних лиц и в отношении вещей, которые незаконно находятся на борту воздушного судна.

Моральный или материальный вред является основанием возникновения внедоговорной ответственности, которая выражается в имущественной или неимущественной форме. При причинении вреда жизни и здоровью пассажира перевозчик обязан возмещать расходы на лекарства, специальное питание, санаторно-курортное лечение и выплачивать потерпевшему пассажиру утраченный заработок, который тот мог иметь. Ответственность перевозчика определена гл. 59 ГК РФ, если законом или договором не предусмотрена повышенная ответственность. Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 20 декабря 1994 г. содержит определение морального вреда, который может заключаться в переживаниях, связанных с потерей родственника, причинением вреда жизни и здоровью и др. Римская конвенция 1952 г. предусматривает возмещение вреда третьим лицам в случае авиационного происшествия, которым был причинен вред, хотя они не находились непосредственно на борту, что противоречит положениям Монреальской конвенции [2, с. 268].

За нарушение перевозчиком договора перевозки пассажир имеет право на возмещение реального ущерба. Размер определяется судом страны, в которой зарегистрирован перевозчик и не приравнивается к возмещению имущественного вреда. Международная перевозка связана со специальным деликтом источника повышенной опасности ст. 1079 ГК РФ. Следовательно независимо от вины перевозчика, реальный ущерб подлежит возмещению в полном объеме. Монре-

альская конвенция ставит авиаперевозчика в более жесткие рамки ответственности по сравнению с ответственностью, предусмотренной источником повышенной опасности, по российскому законодательству.

При международных воздушных перевозках правовой механизм ответственности перевозчика за причиненные им убытки является наиболее сложным. Статья 24 Монреальской конвенции 1999 г. предусматривает пересмотр пределов повышения ответственности перевозчика каждые 5 лет с учетом коэффициента инфляции. Компенсация предусмотрена в фиксированной денежной сумме и носит компенсаторный характер. Параграф 2 гл. 59 ГК РФ указывает на дополнительные расходы, которые необходимо понести перевозчику в случае причинения вреда здоровью пассажиру [5, с. 598].

Согласно судебной практике по делу № 2-275/2017 от 19 июня 2017 г., гражданин Афанасьев П. Н. обратился с иском о солидарном взыскании с авиакомпаний «Сибирь» и «САТНАУ ПАЦИФИК AIRWAYS» убытков, неустойки, компенсации морального вреда и судебных расходов в связи с задержкой на 6 часов рейса Гонконг — Пекин. В результате убытки, которые понес потерпевший из-за задержки рейса, были выплачены авиакомпаниями.

Таким образом, законодатель ограничил ответственность перевозчика суммами, которые указаны в международных документах и конвенциях, а также установил факты, по которым не будет наступать гражданская ответственность. Суммы, подлежащие возмещению, представляются необъективными и не отражают реального положения дел. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что обязанность перевозчика не ограничивается только договором, но порождает и внедоговорные отношения.

Библиографический список

[1] *Афанасьев В. Г.* Международное сотрудничество в сфере гражданской авиации: учеб. пособие. — М.: МГТУ ГА, 2008. — 80 с.

[2] *Ашавский Б. М., Бирюков М. М., Бордунов В. Д.* Международное право: учебник. — М.: Статут, 2014. — 464 с.

[3] *Ерпылева Н. Ю.* Международное частное право: учебник — М.: Юрайт, 2015. — 1308 с.

[4] *Свиркин В. А.* Воздушное право: учеб. пособие. — Ч. 1: Международное воздушное право (аспект безопасности). — М.: МГТУ ГА, 2008. — 84 с.

[5] *Холопов К. В.* Международное частное транспортное право: анализ норм международного и российского транспортного права: учеб. пособие. — М.: Статут, 2010. — 702 с.

*Рассказова Анастасия Юрьевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Административно-правовое положение многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг

С каждым годом растет необходимость обращения граждан в государственные органы для получения или подачи различных документов и заявлений.

В связи с увеличением количества предоставляемых государственных услуг возникла необходимость упрощения процедуры взаимодействия между государством и гражданином. Так появилась идея создания государства «одного окна», где для получения государственной услуги гражданину необходимо подать только заявление.

В Российской Федерации для реализации данного принципа были созданы Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (далее: МФЦ).

Все офисы МФЦ расположены в доступных и удобных для граждан местах, и в отличие от органов государственной и муниципальной власти работают в более комфортные часы приема. При этом расположение МФЦ необходимо в обязательном порядке согласовывать с высшим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

С каждым годом популярность МФЦ возрастает, поскольку получение услуг для граждан становится быстрым, надежным и простым. МФЦ самостоятельно обеспечивает межведомственные запросы документов и передачу необходимых документов для рассмотрения в органы власти.

С целью внедрения МФЦ на территории всей Российской Федерации было принято решение о создании единого узнаваемого бренда. При этом в соответствии с законодательством в названии МФЦ должны присутствовать слова «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг».

Для внедрения сети МФЦ в процесс предоставления услуг гражданам, был принят ряд нормативных правовых актов Российской Федерации, включающих в себя правила и нормы создания и организации МФЦ. Основная проблема реализации данных актов заключается в многочисленных изменениях требований к организации и функционированию МФЦ [2].

Так, например, организационно-правовой статус МФЦ как государственного или муниципального учреждения впервые был закреплён в 2009 г. постановлением правительства РФ № 796. В 2010 г. федеральным законом Российской Федерации № 210-ФЗ было установлено, что МФЦ — российская организация независимо от организационно-правовой формы. В настоящее время, после внесения изменений в указанный федеральный закон, МФЦ определяется как организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна».

Таким образом, организационно-правовая форма МФЦ как государственного или муниципального учреждения может быть четырех видов: казенное учреждение, бюджетное учреждение, автономное учреждение или унитарное предприятие [3]. Стоит отметить, что казенное, бюджетное и автономное учреждения являются некоммерческими видами организации, а унитарное предприятие — коммерческим видом.

Учитывая, что государственные и муниципальные услуги предоставляются бесплатно, создание унитарного предприятия МФЦ нецелесообразно. Оказывать платные услуги, прибыль с которых идет на внутреннюю организацию учреждения, также могут и некоммерческие предприятия [2].

При этом любое учреждение МФЦ независимо от организационно-правовой формы должно быть уполномочено на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг.

Любой МФЦ выступает в роли посредника между государством и гражданином, его главной задачей является грамотная организация процесса предоставления государственных и муниципальных услуг [4].

Учитывая, что МФЦ не является органом государственной или муниципальной власти и не может выступать от лица государства, для оказания услуг гражданам между МФЦ и органами власти заключаются соглашения о взаимодействии [1], в которых прописываются сроки оказания услуг, способы обмена информацией, а также ответственность сторон. Также по каждой услуге, предоставляемой государственными или муниципальными органами власти, принят административный регламент по предоставлению государственной услуги с указанием всех сроков и действий, совершаемых в том числе сотрудниками МФЦ.

Кроме того, стоит отметить, что работа в МФЦ сложная, стрессовая и требует достаточно высокого уровня знаний. Однако заработ-

ная плата сотрудников очень низкая. В связи с этим в МФЦ высока степень текучки кадров, что сказывается на уровне предоставления услуг.

При этом благодаря деятельности МФЦ государство становится более открытым и ориентируется на нужды и потребности граждан.

Сегодня государство уделяет особое внимание обратной связи с населением, особенно при предоставлении государственных и муниципальных услуг. С помощью обратной связи органы власти и МФЦ смогут улучшить процесс оказания услуг путем внедрения новых способов и повышения качества уже действующих.

Согласно законодательству, МФЦ считается полноправным участником взаимосвязи между любыми ведомствами и органами. Это избавляет гражданина от необходимости обращаться за справками и другими документами во множество учреждений. Государство стремится к тому, чтобы система «одного окна» была осуществлена во всех округах и районах России.

С целью выстраивания эффективного диалога между государством и населением необходимо развивать и поддерживать МФЦ. В связи с этим следует оперативно решать все возникающие нормативные и организационные вопросы по их функционированию.

Библиографический список

[1] Берников М. Ю., Чижмина О. В. Развитие системы многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг // Вестник государственного и муниципального управления. — 2015. — № 3. — С. 57–63.

[2] Гаврилова Л. А. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: преимущества и проблемы создания // Сервис +. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 26–32.

[3] Гукасова Н. Р., Марфутенко Н. Р., Орлянская А. А., Тимченко В. А., Хубулова В. В. Многофункциональные центры в регионах РФ: проблемы развития // Региональная экономика: теория и практика — 2016. — № 6. — С. 128–142.

[4] Казанок А. М. Роль многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в системе регионального «электронного правительства» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2016. — Т. 15. — С. 62–68.

*Попова Юлия Николаевна,
студентка Саратовского национального
исследовательского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского*

**Правовое регулирование
прав человека в спорте: международный
и внутригосударственный аспекты**

В последнее время спорт стал одним из самых популярных направлений человеческой деятельности. К тому же, он приобрел всеобъемлющий характер. Роль права на занятие физической культурой и спортом является одним из важнейших факторов правового демократического государства одновременно с такими правами как право на жизнь, здоровье, образование, труд и другими биологическими и социальными правами.

Современные процессы глобализации, приводящие к активизации сотрудничества государств в разных сферах жизнедеятельности, формируют иные подходы к правовой регламентации отдельных прав человека. Поэтому представляется важным и необходимым соответствующее правовое регулирование не только на внутригосударственном уровне, но и на международном.

В правовой литературе существует много точек зрения о том, что такое «право на спорт». Так, А. Н. Егоричев в своей диссертационной работе отмечает, что право на занятие физической культурой представляет собой естественно-правовой элемент и поэтому сегодня вполне может выступать как часть правового статуса личности, а именно быть закрепленным на международном и законодательном уровне различных стран [1, с. 10].

Большое внимание правам человека в спорте уделяется в международных актах. Наиболее важными из них являются: Международная хартия физического воспитания и спорта 1978 года и Спортивная хартия Европы 1992 года. К тому же в данную группу можно отнести Декларацию участников европейской конференции «Спорт и местное управление» и Европейский манифест «Молодые люди и спорт».

Так, Международная хартия физического воспитания и спорта закрепляет гарантию права на доступ к физическому воспитанию и спорту, необходимого для каждой личности. Помимо этого, признается право каждого человека участвовать в спортивной жизни для улучшения своего уровня физического состояния и достижения спортивных успехов. Более того, Хартия устанавливает, что физическое воспитание и спорт являются наиболее важными элементами непре-

рывного образования в общей системе образования, которые, в свою очередь, должны развивать у каждого человека природные способности, волю и выдержку и способствовать его полному вовлечению в общество.

Принятие Спортивной хартии Европы создало базу для единой правительственной политики всех европейских стран в сфере спорта. Хартия провозглашает право каждого индивида заниматься спортом, а так же защищать, развивать этическую и моральную базу спорта, создавать необходимые гарантии для спортсменов и спортсменок от их эксплуатации в политических, коммерческих или финансовых целях.

Отметим, что важным составляющим элементом международно-правового механизма реализации прав человека в спорте выступает деятельность специальных международных спортивных организаций и объединений, основанная на положениях вышеприведенных нормативно-правовых актов. В настоящее время их насчитывается свыше 200 и их большое количество, по нашему мнению, связано в первую очередь с масштабным содержанием права человека на спорт. Важно отметить, что все организации (федерации, комитеты, лиги, национальные ассоциации) различаются в задачах, средствах и методах их достижения, но у всех них единая цель – развитие и продвижение спорта во всем мире.

Основой современной международной системы в области спорта является Международный Олимпийский комитет (далее — МОК), который действует на основании Олимпийской хартии. Права человека на занятие спортом представляются одним из важнейших принципов Олимпизма. Хартия закрепляет возможность каждого человека без какой-либо дискриминации заниматься спортом. К тому же, деятельность МОК в соответствии с вышеназванной Хартией призвана стимулировать и поощрять развитие спорта во всем мире, а так же обеспечивать регулярное проведение Олимпийских игр, руководить активной борьбой с допингом и бороться с различными формами дискриминации в спорте.

Еще одна крупная международная организация в области спорта — это Международный совет физического воспитания и спорта (далее — СИЕПС). Так, согласно его Уставу оказание помощи в области поддержания и развития спорта явилось одной из целей его создания. На наш взгляд, деятельность такой организации, как СИЕПС, имеет большое влияние на развитие мирового спорта, потому что именно спорт является ключевым фактором, влияющим на поддержание и укрепление взаимоотношений между всеми народами. К тому же, с целью содействия развитию спорта СИЕПС проводит различные семинары, конференции, конгрессы.

Правовые системы большинства государств мира содержат нор-

мы, регламентирующие права человека в спорте. Физическая культура и спорт – неотъемлемые составляющие жизни каждого человека, которые играют важную роль в формировании здоровой и сильной нации и повышении работоспособности каждого члена общества. Ввиду этого спортивная деятельность является неотъемлемой частью государственной политики в разных сферах, особенно в спорте. К примеру, право на спорт в Законе Кыргызской Республики состоит из совокупности прав как педагогов - тренеров, так и лиц, занимающихся физической культурой и спортом. Кроме того, по законодательству Республики Казахстан, одним из признаков спорта является массовость. При этом через спорт граждане могут развивать свои физические способности, и стремится к достижению высоких результатов в спортивной деятельности [2, с. 27–28].

Так, в Конституции Российской Федерации право на спорт выводится из ч. 2. ст. 41, где сказано, что «в Российской Федерации... поощряется деятельность, способствующая развитию физической культуры и спорта». Помимо этого, в нашей стране право на спорт рассматривается как часть права на здоровье. Таким образом, конституционно-правовое регулирование физической культуры и спорта сводится к определению приоритетных направлений государственной политики и поощрению со стороны государства деятельности, способствующей поддержанию здоровья человека.

Анализируя федеральное законодательство Российской Федерации также следует отметить, что единого содержания права на спорт в нем не закреплено. Однако в качестве одного из принципов законодательства закрепляется гарантия обеспечения права каждого человека на свободный доступ к спорту как к одному из необходимых условий развития способностей личности, а так же равные права на занятия спортом для всех групп населения.

Отметим, что на внутригосударственном уровне в Российской Федерации, например, в январе 2008 года по инициативе Федерального агентства по физической культуре и спорту РФ была создана Независимая Национальная антидопинговая организация «РУСАДА», основными направлениями деятельности которой являются мероприятия допинг -контроля, реализация информационно - образовательных программ, а так же пропаганда здорового и честного спорта и сотрудничество на национальном и международном уровнях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что международно-правовые нормы активно регулируют права человека в спорте, такие как: право на свободное распоряжение своими спортивными способностями, право на занятие профессиональным спортом, право членства в спортивных объединениях, право на получение физического воспитания в образовательных учреждениях и т.д. Современная правовая регламентация сопровождается активной деятельностью

международных спортивных организаций и органов, что, безусловно, в целом положительно отражается на развитии прав человека в спорте. Однако, несмотря на активные глобализационные процессы, происходящие в современном мире, в настоящее время все еще сохраняются внутрисударственные проблемы обеспечения механизмов реализации прав человека в спорте. Большинство проблем, в первую очередь, связаны с тем, что еще не во всех государствах мира четко и однозначно разработано понятие «право человека на спорт» или же оно недостаточно закреплено в законодательстве. Помимо этого, существует проблемы имплементации международных норм, регулирующих спортивные отношения.

Библиографический список

[1] *Егоричев А. Н.* Конституционно-правовые основы физкультурной деятельности: Российский и зарубежный опыт: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 181 с.

[2] *Понкин И. В., Морозов П. Е., Рогачев Д. И., Шевченко О. А., Редькина А. И.* Актуальные вопросы спортивного права стран Евразийского экономического союза. Монография. — М.: Изд-во Проспект, 2017. — 150 с.

УДК 342.4

*Сабилова Раиля Раилевна,
студентка Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Сравнительно-правовой анализ конституций России, Англии и Франции

Конституция — Основной закон, закрепляющий принципы конституционного строя, организацию государственной власти и взаимоотношения между гражданином, обществом и государством.

Сущность Конституции — это социально-политическое содержание, включающее структурные элементы, особенности Основного закона.

Конституция имеет верховенство, высшую юридическую силу (т. е. стоит выше остальных нормативных правовых актов), прямое действие и особый порядок охраны. Учитывая исторические, куль-

© Сабилова Р. Р., 2019

турные, географические особенности страны, Конституция каждого государства имеет свою специфику. Для проведения полноценного анализа необходимо сравнение Конституций по определенным критериям.

I. По целям принятия.

1. Конституция РФ: утверждение свобод и прав человека, согласия и гражданского мира в Российской Федерации; охрана исторически образованного единства государства; возвышение суверенной государственности России; подтверждение незыблемости демократической основы Российского государства; обеспечение процветания и благополучия России.

2. Конституция Англии является неписаной (т. е. единый кодифицированный акт отсутствует) и представляет собой совокупность законов, судебных прецедентов и неписаных конституционных обычаев.

3. Конституции Франции: разрешение политического кризиса в стране, определение организации публичной власти [2, с. 49–62].

Из всех Конституций только в России целью принятия являлось именно обеспечение социальных прав и свобод личности.

II. По способам принятия.

1. Конституция Российской Федерации принята путем всенародного голосования на референдуме в 1993 г.

2. Законы, которые являются частью Конституции Англии, принимаются в общем порядке. В основном законопроекты выдвигаются правительством во главе с премьер-министром. Формально премьер-министра назначает монарх, а фактически им всегда становится лидер политической партии, получившей на выборах большинство мест в Палате общин. Занимая исключительное место в системе государственных органов, премьер-министр обладает широчайшей компетенцией, позволяющей ему влиять на все стороны политической жизни страны.

3. Конституция Франции принята на всеобщем референдуме в 1958 г. Впервые в республиканской истории Франции конституционный текст не разрабатывался Учредительным собранием: право на его подготовку было передано генералу Шарлю де Голлю.

Таким образом, Конституции России и Франции были приняты на референдумах, т. е. они выражают волю народа, чего нельзя сказать о нормативных актах Англии.

III. По структуре.

1. Конституция РФ состоит из Преамбулы (вступительной части) и двух разделов. Преамбула раскрывает причины принятия Конституции, первый раздел — подробное описание прав и обязанностей граждан и государственных органов, второй раздел — заключительные и переходные положения.

2. Конституция Англии включает: статуты; акты делегированного законодательства; нормы, установление которых является прерогативой

вой Короны; нормы и правила Палаты общин и Палаты лордов; судебные прецеденты; обычаи и конституционные конвенционные нормы; акты европейского права и доктрину [1, с. 412–414].

3. В юридическом смысле действующая Конституция Франции включает в себя четыре акта: Конституцию 1958 г., Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., преамбулу Конституции 1946 г., а также Хартию об экологических правах 2004 г. В действующей редакции Конституция Пятой республики состоит из краткой Преамбулы и 15 разделов, объединяющих 85 статей. Два раздела были исключены конституционным законом 1995 г. [3, с. 169–170].

Итак, в отличие от остальных Конституция Англии уникальна отсутствием единого законодательного акта (своим неписаным характером).

IV. По содержанию/сферам общественной жизни.

1. Конституция РФ устанавливает демократическое правовое государство. В нее включены следующие принципы: высшая ценность человека, его прав и свобод; суверенитет многонационального народа; государственный суверенитет Российской Федерации; федерализм; разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную; объявление России социальным, светским государством; установление рыночной экономики; идеологическое и политическое многообразие.

2. Конституция Англии отражает степень восприятия общечеловеческих ценностей в данной стране, содержит программные положения о путях развития общества. Весьма большое внимание уделено защите прав личности. Закреплены демократический режим при функционировании двухпартийной системы и парламентская монархия. Законодательная власть в Великобритании принадлежит парламенту, но реальными законодательными функциями обладает Нижняя палата, под которой часто подразумевают весь парламент. В отличие от США в Англии в Палате общин существует жесткая дисциплина, возможно наложение санкций [2, с. 31–43].

3. Конституция Франции учредила новую систему организации высших органов государственной власти, т. е. президентско-парламентскую (смешанную) форму правления. Декларация 1789 г. и Преамбула Конституции 1946 г. главным образом регулируют права и свободы человека и гражданина, принципы национального суверенитета, признания народа в качестве единственного источника власти. Также прослеживается более детальное регулирование правового статуса Президента, но менее четкая регламентация вопросов организации правительства и характера его взаимодействия с парламентом. В целом главенствующее положение отводится исполнительной ветви власти. Закреплен принцип парламентской ответственности правительства и независимости судебной власти. Деятельность парламента

со стороны законодательного аспекта ограничена. Отмечена недопустимость пересмотра республиканской формы правления. Отсутствует упоминание о социально-экономической структуре общества. Практически нет положений о политической системе (кроме статьи о партиях). Отсутствует раздел о правовом статусе личности. В основном в Конституции осуществляется регулирование взаимоотношений органов государства. Закреплен принцип национального суверенитета, который осуществляется народом через его представителей и на референдуме. Воплощен принцип республики: «Правление народа по воле народа и для народа» [2, с. 43–49].

Многие положения английской Конституции отражают разрыв с действительностью, поскольку были созданы давно, но продолжают действовать. В Англии и Франции население не участвует в законодательном процессе. Правовой статус Президента, парламента и правительства в Основном законе РФ имеет сходство с Конституцией Франции 1958 г.

V. По порядку охраны.

1. Президент РФ — гарант соблюдения Конституции. Правовая охрана Конституции осуществляется Конституционным судом РФ.

2. В Англии нет органов, осуществляющих конституционный контроль.

3. Контроль над соблюдением Конституции во Франции осуществляется Конституционным советом и носит квазисудебный характер, дела рассматриваются не так формально, как собственно в судах, — преобладает письменное производство. В состав совета пожизненно входят по их желанию бывшие президенты Французской Республики.

Таким образом, каждое государство, кроме Англии, имеет определенный орган или должностное лицо, которое гарантирует исполнение Конституции. Отсутствие необходимого контроля не может обеспечить достаточную устойчивость и стабильность развития государства.

VI. По порядку внесения изменений.

1. Конституция РФ отличается от других нормативных правовых актов усложненным порядком внесения поправок и пересмотра положений. Пересмотру подлежат положения 1-й, 2-й и 9-й глав Конституции России. Также предусмотрено внесение поправок в гл. 3–8 Конституции РФ.

2. Конституционные акты Англии изменяются в общем порядке.

3. Конституция Франции предусматривает две процедуры изменения: принятие поправок на референдуме и Конституционным конгрессом. Внести поправки на рассмотрение могут президент, действующий по предложению премьер-министра, и парламентарии.

Упрощенный порядок изменения Конституции не может гарантировать постоянство, незыблемость в развитии государства. При этом

чрезмерно сложные условия внесения поправок могут привести к несоответствию законов действительности, что также не будет способствовать их эффективности.

Таким образом, на данный момент не существует идеального варианта Конституции, на который стоит равняться всем государствам. У каждого Основного закона есть свои плюсы и минусы. Поэтому нельзя сказать, например, что Конституция одного государства лучше Конституции другого. Также нельзя сказать, что отсутствие кодифицированного акта приведет государство к разрушению, поскольку неписаный характер Конституции Англии придает ей своеобразную гибкость. Но нужно помнить, что именно этот нормативный правовой акт объединяет все законодательство в целостную систему, придавая ему согласованный характер. Конституция, являясь неким фундаментом государства, охватывает все сферы жизни (не только политическую, но и социальную, экономическую и культурную), устанавливает определенный порядок, обеспечивает его соблюдение с помощью особого порядка охраны.

Библиографический список

[1] *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. — М.: Норма, 2000. — 730 с.

[2] Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: БЕК, 2002. — 592 с.

[3] *Чепурнова Н. М.* История права и государства зарубежных стран. / А. В. Серегин; под ред. Н. М. Чепурновой. — М.: ЕАОИ, 2007. — 198 с.

УДК 343.6

*Селезнева Алиса Дмитриевна,
студентка Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации*

К вопросу о разграничении составов преступлений, совершаемых медицинскими работниками

На сегодняшний день Уголовный кодекс РФ (далее: УК РФ) включает закрытый перечень уголовно-правовых запретов, за нарушение которых лицо обязано претерпеть неблагоприятные последствия в виде

© Селезнева А. Д., 2019

наказания. При уголовно-правовой оценке необходимо установить и доказать наличие четырех элементов состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Достаточно важной является правильная квалификация деяния, иначе нивелируется само преступление, предусмотренное вменяемым составом.

В средствах массовой информации можно увидеть внушительное количество примеров ненадлежащего оказания медицинской помощи, «ошибок» врачей, иногда стоящих потерпевшим жизни. Также в ходе личных приемов председателя Следственного комитета РФ (далее: СК РФ) граждане часто обращаются по вопросам ятрогенных преступлений.

В начале декабря 2018 г. появилась информация о том, что председатель СК РФ подписал приказ о создании в структуре ведомства отделов по расследованию ятрогенных преступлений.

В опросе, проведенном среди действующих следователей СК РФ, приняли участие 162 респондента. Согласно данным опроса, у 100 из них в производстве находились дела, возбужденные по факту ненадлежащего оказания медицинских услуг медицинскими работниками. В основном следователи квалифицировали преступления по ч. 2 ст. 109 (81 раз), ст. 238 (25 раз), ч. 2 ст. 118(16 раз) и ст. 293 (13 раз) УК РФ.

Предполагается, что особую сложность вызывает разграничение составов ст. 109 и ст. 238 УК РФ. Обратимся к обвинительным заключениям, составленным следователями СК РФ по данным составам.

К. Н. А. не отменила применение препарата сейзар, назначенного в изначально необоснованно высокой дозе с нарушением темпов ее наращивания и в сочетании с постоянным приемом противосудорожного препарата депакин-хроно (препарата вальпроевой кислоты), что привело к появлению побочных эффектов, выразившихся у К. В. Д. в виде острой кожной патологии. В результате допущенной преступной небрежности от тяжелой формы токсического эпидермального некролиза (синдром Лайелла), осложнившегося генерализованной бактериальной инфекцией, сепсисом, септическим шоком, наступила смерть К. В. Д.

Таким образом, К. Н. А. совершила причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, т. е. совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Б. М. А., состоящая в должности заведующей отделением анестезиологии-реанимации с исполнением обязанностей врача анестезиолога-реаниматолога лечебно-профилактического учреждения, ненадлежащим образом обеспечила соблюдение санитарных правил при выполнении ею люмбальной пункции (пункции субдурального пространства) Г. О. Ю. и ввела препарат маркаин спинал хэви, допустив

дефект оказания медицинской помощи: нарушение правил асептики при проведении медицинской манипуляции для осуществления анестезиологического пособия (люмбальной пункции) Г. О. Ю.

Б. М. А. не провела гигиеническую обработку рук после снятия перчаток, не обеспечила наличие у себя и у подчиненного ей персонала отделения анестезиологии и реанимации стерильных медицинских халатов при выполнении вышеуказанной медицинской манипуляции, нарушила порядок обработки операционного поля, что повлекло за собой попадание в ликворное пространство Г. О. Ю. золотистого стафилококка.

Следствием вышеуказанных действий Б. М. А. стало развитие фибринозно-гнойного менингоэнцефаломиелита, осложнившегося отеком и дислокацией головного мозга и полиорганной недостаточностью, что явилось причиной смерти Г. О. Ю.

Тем самым Б. М. А. оказала Г. О. Ю. медицинские услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителя (Г. О. Ю.). В результате по причине неосторожности Б. М. А. наступила смерть Г. О. Ю., т. е. Б. М. А. совершила преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Итак, при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 238 УК РФ, состоит разграничивать данные составы по следующим основаниям. Объектом преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, являются общественные отношения в сфере защиты права конкретного человека на жизнь. Объективная сторона данного преступления выражается в определенном действии/бездействии, последствием которого является смерть потерпевшего. Субъективную сторону данного состава характеризует вина в форме неосторожности: в виде небрежности или легкомыслия.

Объектом ст. 238 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья населения. Объективная сторона данного преступления характеризуется действиями в виде производства, хранения, перевозки товаров и продукции, их сбыта, выполнения работ, оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Субъективную сторону характеризует двойная форма вины: прямой умысел по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствиям.

Как отмечает А. В. Гришин, ответственность по ст. 238 УК РФ возможна лишь при условии доказанности не только самого факта выполнения работ или оказания услуг, но и опасности этих действий для жизни или здоровья пациента, а также осознания лицом, оказавшим эти услуги, характера своих действий и их несоответствия требованиям безопасности [1, с. 82].

Г. А. И. обвиняется в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, если они повлекли по

неосторожности причинение смерти человека. При осмотре больного ФИО8 врачом кардиологом Г. А. И. последний проигнорировал записи в истории болезни больного ФИО8 о необходимости проведения больному ФИО8 суточного мониторирования электрокардиограммы (ЭКГ контроля в динамике). Недобросовестно отнесясь к своим обязанностям, Г. А. И. подтвердил ранее неправильно выставленный диагноз «Острый коронарный синдром» и передал больного ФИО8, состояние которого в соответствии с выставленным ему диагнозом было оценено как тяжелое, под наблюдение дежурного врача терапевта, оставив его в отделении острой коронарной патологии без постоянного наблюдения специалиста в области кардиологии.

Г. А. И. допустил нарушение стандартов оказания медицинской помощи, в результате чего оказал медицинскую услугу ненадлежащего качества, т. е. не отвечающую требованиям безопасности для жизни и здоровья пациента. В результате действий Г. А. И. больному ФИО8 были оказаны медицинские услуги ненадлежащего качества, создавшие угрозу для его жизни и здоровья, что в дальнейшем привело к наступлению тяжких последствий в виде ухудшения состояния здоровья больного ФИО8 и к его смерти.

В судебном заседании государственный обвинитель ФИО10 заявил ходатайство о переквалификации действий подсудимого с п. «в» ч. 2 ст. 238 на ч. 2 ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. ФИО10 полагал, что данная квалификация правильнее, поскольку Г. А. И. не выполнил требования должностной инструкции врача кардиолога, оставив больного ФИО8 в отделении острой коронарной патологии первичного сосудистого центра без постоянного наблюдения специалиста в области кардиологии.

Судья отказал государственному обвинителю в удовлетворении ходатайства о переквалификации действий подсудимого Г. А. И. с п. «в» ч. 2 ст. 238 на ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Таким образом, ошибки в квалификации деяний, корреспондируемые неправильным толкованием норм, нередко встречаются на практике. Судебное разбирательство затягивается, сроки идут и в итоге дело прекращают. Из 62 проанализированных приговоров по 11 принято решение о прекращении дела.

Соответственно, из-за противоречий при квалификации преступлений, предусматривающих ответственность медицинских работников, всю работу следователя, прокурора, экспертов, специалистов и других лиц нельзя назвать результативной.

Решению этой проблемы может способствовать официальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по спорным и актуальным вопросам квалификации ятрогенных преступлений. Из 162 участвовавших в опросе следователей 137 поддержали данную позицию.

Библиографический список

[1] *Гришин А. В.* Проблемы разграничения смежных составов при квалификации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // *Юридическая наука.* — 2014. — № 2. — С. 81–85.

УДК 341.4

*Султанмуратов Данис Юнирович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Эволюция источников международного частного права

Под источниками международного частного права следует понимать различные объективированные формы, в которых находят свое выражение нормы международного частного права. Если попытаться сложить воедино имеющиеся в науке представления о перечне источников международного частного права, то представляется разумным и обоснованным обозначить следующие разновидности этих источников: национальное законодательство различных стран, международные договоры и соглашения, правовые обычаи и обычаи делового оборота международного и внутригосударственного уровней, судебные прецеденты и правовая доктрина [5].

Не все источники из совокупности вышеупомянутых действительно следует включать в число источников международного частного права. По этой причине, не углубляясь в характеристику данных источников, целесообразно ограничиться способностью упомянутых выше категорий непосредственно регулировать юридическими средствами частноправовые отношения в международной сфере.

Перед раскрытием содержания соответствующих источников необходимо сначала определить основные тенденции и явления в развитии источников международного частного права. Первое такое важное явление — доместикация. Под доместикацией понимается искаженное толкование различных норм международного частного права в соответствии с интересом конкретного государства. Данная тенденция, безусловно, является проблемной и требует грамотного разрешения. Смягчению указанной тенденции могут способствовать

различные правила толкования юридических понятий, используемых в коллизионной норме, а также содержание зарубежных правовых норм. Более того, согласно Гражданскому кодексу РФ (ГК РФ), при определении права, которое подлежит применению, толкование юридических понятий осуществляется в строгом соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом. Применяя нормы иностранного права, суд определяет содержание его норм в соответствии с официальным толкованием, практикой применения и доктриной соответствующего зарубежного права. Таким образом, всякая отсылка к зарубежному праву должна трактоваться в качестве отсылки к материальному, а не коллизионному праву [1].

В качестве следующей важной тенденции следует выделить либерализацию. Она проявляется в переходе от жестких коллизионных привязок к более гибким, а также в уменьшении количества императивных и односторонних коллизионных привязок и, соответственно, в увеличении числа диспозитивных и двусторонних привязок. Либерализация также имеет иной материально-правовой аспект, который обусловлен увеличением числа диспозитивных материально-правовых норм. Это говорит о гуманизации международного частного права и о том, что в центре внимания сосредоточены законные права и интересы человека и гражданина.

Следующий момент — усиление значения международно-правовых источников, точнее, многосторонних и двусторонних международных договоров. Особенно актуален этот момент в международном торговом праве. При этом участие Российской Федерации в многосторонних соглашениях универсального характера постоянно расширяется.

В связи с этим очень важно определить место международных договоров в системе источников международного частного права. В научной среде весьма остро стоит вопрос: являются ли международные договоры источником международного частного права? В отечественной правовой науке широко распространена позиция, согласно которой международные договоры никак не могут являться источником международного частного права. Данная позиция основывается на том, что само международное частное право фактически является лишь частью системы внутригосударственного права и является «международным» исключительно со стороны наличия в его правоотношениях иностранного элемента. Иными словами, источниками данного права могут являться исключительно законы и подзаконные акты внутригосударственных правовых систем. Казалось бы, логичная и обоснованная позиция. Однако ответ на данный вопрос, как и на множество других вопросов в международном публичном и частном праве, может даваться по-разному в зависимости от того, как именно толковать природу международного частного права. Более того, от-

рицать, что международные договоры являются источниками международного частного права, значит отрицать общепризнанный и всем известный дуализм источников международного частного права, который в литературе часто именуется как двойственность источников международного частного права. Данные понятия полностью тождественны [3].

Невозможно отрицать тот факт, что международные договоры являются источниками тех норм, которые регулируют правоотношения между национальными субъектами права различных стран или даже одного государства, при условии что их действие будет санкционировано государством. Если в национальном праве происходит санкционирование применения положений международных договоров, субъектами которых могут быть физические либо юридические лица, то появляется общеизвестная проблема самоисполнимых и несамоисполнимых договоров. Не углубляясь в проблему самоисполнимых и несамоисполнимых договоров, необходимо заметить, что нормы самоисполнимых договоров в силу своей глубокой проработки применяются для урегулирования общественных отношений без введения каких-то конкретизирующих или дополняющих норм. В праве зарубежных стран, где международные договоры конституционно закреплены как часть права этих стран, самоисполнимые договоры регулируют правоотношения между национальными правовыми субъектами различной государственной принадлежности.

Несамоисполнимые договоры не могут исполняться без наличия внутригосударственного нормотворческого акта, конкретизирующего положения соответствующего международного договора. ГК РФ и закон о международных договорах упоминают именно эти нормотворческие акты. Они являются крайне важными, поскольку несамоисполнимые договоры имеют слишком общий характер и не конкретизированы, а лишь устанавливают своеобразные ограничительные рамки, согласно которым государства сами должны определять права и обязанности субъектов своего права. Вышеизложенные тезисы и положения позволяют сделать вывод, что международные договоры, так же как акты национального права отдельных стран, являются источником международного частного права и непосредственно регулируют международные частные невластные отношения.

В странах англосаксонской правовой системы в качестве источника международного частного права в обязательном порядке выделяются судебные прецеденты. Под прецедентами понимаются решения судов по конкретным делам, являющиеся обязательными для судебных органов того же уровня, а также для всех судов низшей инстанции при рассмотрении ими аналогичных дел в будущем. В праве Великобритании и США судебные прецеденты имеют еще большее влияние, чем даже акты писаного права, поскольку содержание зако-

нов и подзаконных актов в их праве могут корректироваться или изменяться путем принятия соответствующих решений [4].

В странах континентального права, напротив, прецеденты официально не являются источниками международного частного права и права вообще. В данных странах судебная власть не имеет полномочий принимать юридически обязательные нормативные положения, а решения судебных органов обязательны только для тех дел, по которым они вынесены. Тем не менее в странах континентальной системы судебная практика играет большую роль в вопросах применения и толкования права, поэтому в национальных судах в доказательственную базу по делу стороны очень часто включают судебную практику.

Отдельные ученые в число источников международного частного права уверенно включают такое понятие, как «правовая доктрина». Сторонники этой точки зрения считают, что в области международного частного права значительно чаще, чем в рамках других нормативно-правовых образований, появляется необходимость применять аналогию закона и аналогию права. Этот процесс, как правило, происходит на основе и в рамках концепций и схем, разрабатываемых не на уровне законодательства, а на уровне правовой доктрины. В связи с этим представляется, что правовая доктрина является очень важным, практически полезным и неотъемлемым источником международного частного права.

Существует еще один источник, входящий в структуру внутригосударственного права: правовой обычай. Необходимо заметить, что относительно обычаев международного характера какие-либо споры в науке отсутствуют: они общеизвестно и общепризнанно являются самостоятельными источниками международного частного права. Вопросы возникают при попытке определения места обычаев торгового или делового оборота. Правовые обычаи в национальном праве имеют самостоятельное регулятивное значение и влияют на характер международных частных правоотношений как часть внутригосударственного права иностранных государств. Обычное право сохранило свою сильную позицию лишь в африканских правовых системах. В реальности правоприменитель редко сталкивается с традиционными кодексами религиозно-общинного характера, даже с такими авторитетными, как Мальгашские кодексы. Это обусловлено спецификой практики заключения различных контрактов с контрагентами в данном регионе. Дело в том, что стороны обычно делают ссылки не на иностранное религиозно-общинное право, а на международные договоры частногоправового характера. Если ссылки делаются на положения такого религиозно-общинного права, суд учитывает их не в качестве самостоятельного источника права, а в качестве практики применения аналогичных положений, сложившейся в том или ином национальном праве [2].

Однако есть ряд других стран, в которых отказ от применения правового обычая представляется невозможным. Например, внутригосударственное право Германии, Швейцарии и Греции предусматривает необходимость применения обычая на равных с самим законом. Относительно права Австрии и Италии роль правового обычая является второстепенной, его рассматривают лишь как вторичный источник права. Во французской правовой среде их правоприменители в принципе считают, что правовой обычай как источник права давно устарел.

В науке зачастую можно встретить позицию, согласно которой в качестве источника международного частного права выделяют право, которое создают сами участники правоотношений. В данном случае подразумеваются правила поведения, создаваемые субъектами внешнеторговых сделок в процессе заключения различных соглашений между ними. Данные соглашения являются дополнениями к положениям нормативных правовых актов и четко разграничивают права и обязанности сторон сделок, определяют процедуру их реализации, форму и порядок осуществления расчетов, виды и объем ответственности сторон и т. д.

В связи с вышеизложенным представляется разумным и обоснованным включить в состав источников международного частного права внутригосударственное право различных стран, международные договоры, судебные прецеденты (для стран англосаксонского права) и правовые обычаи международно-правового и внутригосударственного уровней. Безусловно, в зависимости от правовой системы и толкования природы международного частного права перечень данных источников может быть различным, однако представляется целесообразным выделить именно упомянутые выше правовые категории.

Таким образом, место и роль отдельных источников международного частного права в правовых системах различных государств различны. Это зависит от множества факторов, в числе важнейших из которых следует выделить исторические традиции развития правовых институтов и правовой культуры, а также национальные особенности правотворческой и правоприменительной деятельности той или иной страны. В справедливости этого утверждения можно с легкостью убедиться при более глубоком анализе классификации и основных разновидностей отдельных видов источников международного частного права.

Библиографический список

[1] *Аничкин Е. С.* Международное частное право начала XXI века: универсальные векторы развития // Изв. АлтГУ — 2015. — № 2. — С. 18–24.

[2] *Ануфриева Л. П.* Философия международного частного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / под ред. С. В. Бахина. — СПб., 2009. — С. 271–290.

[3] *Остроумов Н. Н.* Проблемы унификации международного частного права // Журнал российского права. — 2015. — № 1. — С. 140–143.

[4] *Hartman H.* European Law and National Private Law: Effect of EU Law and European Human Rights Law on Legal Relationships Between Individuals. — Cambridge: Intersentia, 2016.

[5] *Hugh & Hazel Darling Law Library, UCLA School of Law* [Электронный ресурс] // URL: <http://libguides.law.ucla.edu/privateinternationallaw> (дата обращения: 19.02.2019).

УДК 341

*Смирнов Константин Олегович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

**Актуальные вопросы правового положения и защиты
прав граждан РФ, проживающих на территории
иностраннных государств**

Общественные отношения, в которых участвуют российские граждане, проживающие на территории иностранных государств, многообразны. Все права гражданина принято классифицировать на гражданские (личные), политические, экономические, социальные и культурные. Личные права гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они необходимы для охраны его жизни, свободы, чести, достоинства. К ним традиционно относятся право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, право на тайну переписки, сообщений, телефонных и других переговоров, право на свободу передвижения (право выезжать за границу и возвращаться в страну гражданства), право на пользование родным языком и т. д.

Граждане Российской Федерации, которые проживают на территории иностранного государства, оказываются в двойственном положении: их правовое положение регулируется иностранным правом, однако они наделены правами и обязанностями, как и граждане, проживающие в России, за некоторыми исключениями

© Смирнов К. О., 2019

Важное значение в защите прав российских граждан, проживающих на территории иностранного государства, имеют правила международных соглашений Российской Федерации с зарубежными странами. Предоставление на основе взаимности равного правового режима направлено на недопущение дискриминации российских граждан.

Различные международные акты о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам означают: 1) обеспечение гражданам государств, заключивших международное соглашение и субъектам, проживающим на этих территориях, а также организациям правовой защиты аналогичной той, которая предоставляется собственным физическим лицам и организациям; 2) взаимодействие учреждений юстиции договаривающихся государств, направленное на оказание правовой помощи.

Согласно нормам международных договоров, граждане каждой из договаривающихся сторон обладают на соответствующей территории относительно гражданских прав такой же правовой защитой, как и граждане иностранного государства. Они наделены правом беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру и другие учреждения юстиции.

Так, в случае смерти конкретного субъекта, включая гражданина Российской Федерации, на территории зарубежной страны или нахождения имущественной массы на территории иностранного государства возникает наследственное правоотношение. Сложности возникают в связи с установлением права, которому будет подчиняться указанное правоотношение, и с тем, каким образом могут осуществиться защиту своих прав российские граждане как наследники. Применимое право устанавливается посредством коллизионных норм внутреннего законодательства Российской Федерации и норм международных соглашений. Обычно в этой ситуации применяются нормы страны, на территории которой наследодатель имел постоянное место проживания. Вторая коллизионная привязка осуществляется путем применения норм государства, гражданином которого является наследодатель.

Иногда наследственное имущество считается выморочным, т. е. не имеющим наследников. Здесь применимое право определяется по правилам в зависимости от того, к какому имуществу относится наследственная масса — движимому или недвижимому. В первом случае его наследует страна, гражданином которой является наследодатель, а во втором — государство, на территории которого находится недвижимое имущество.

Международными актами, регламентирующими наследственные правоотношения, обычно устанавливается принцип равенства, который проявляется в том, что при наследовании и заключении либо отмене завещаний на территории стран-участниц гражданам догово-

ривающихся сторон предоставляется национальный режим. В сфере наследования действуют такие универсальные многосторонние соглашения, как Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений (заключена в Гааге 5 октября 1961 г.) [1], Вашингтонская конвенция о единообразном законе о форме международного завещания от 26 октября 1973 г. [2] и др.

Тем не менее далеко не всегда гражданские правоотношения в области международного частного права урегулированы международным частным правом. Так, преимущественным способом правовой регламентации права собственности является коллизионно-правовой, поскольку в этой сфере практически отсутствуют международные договоры, включающие в себя унифицированные материально-правовые нормы. Примером международных коллизионных норм являются нормы Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (ст. 38) [3].

Исходным в регулировании отношений собственности можно считать закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*). Этими нормами определяются вопросы возможности имущества быть предметом вещного права, содержания вещных прав, оснований их возникновения, изменения и прекращения. Этот же принцип нашел отражение в российском законодательстве (ст. 1205–1207 ГК РФ).

Граждане Российской Федерации, которые проживают на территории иностранного государства, могут пользоваться защитой своей страны. В ч. 2 ст. 61 Конституции РФ закреплен принцип, согласно которому Россия гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за пределами страны.

В соответствии с положениями ст. 1 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественниками считаются: граждане РФ, постоянно проживающие за пределами страны; граждане, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в странах, входивших в состав СССР, получившие гражданство данных государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, РСФСР, СССР и РФ, имевшие гражданскую принадлежность к этим странам и ставшие гражданами иностранного государства или имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства; потомки лиц, принадлежащих к названным группам.

В ч. 3 ст. 14 указанного закона закреплено, что сотрудничество Российской Федерации с зарубежными странами реализуется путем соблюдения определенным государством общепризнанных принципов и норм международного права в сфере обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина.

Обеспечение защиты прав граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом, возложено на посольства и консульские уч-

реждения Российской Федерации в зарубежных странах [4, с. 196]. На них возлагаются функции, связанные с обеспечением прав российских граждан. В частности, они осуществляют государственную регистрацию рождения, заключения брака, расторжения брака, усыновления (удочерения) и других актов, а также факта смерти, выполняют нотариальные действия (удостоверяют сделки, принимают меры к охране наследственного имущества и т. д.). Консулы и дипломаты могут беспрепятственно выполнять любые действия для защиты своих прав в пределах своей компетенции.

Достаточно эффективно проводится политика нашей страны в отношении российских граждан, находящихся за рубежом в условиях чрезвычайных ситуаций. Эти ситуации могут быть связаны с угрозой жизни и здоровью российских граждан в процессе обострения международных отношений, возникновении вооруженного конфликта, экстремистских проявлений и т. п. Так, например, при эвакуации российских граждан из Йемена, Албании, Ирака и ряда иных государств основную нагрузку брали на себя органы МЧС России. Кроме того, по данным вопросам заключены двусторонние договоры со многими государствами. Однако следует сказать, что при возникновении экстремальных ситуаций, которые создают угрозу жизни и здоровью граждан, регламентация относится к российским гражданам, которые находятся, а не постоянно проживают за рубежом. Следовательно, требуется урегулировать вопросы эвакуации граждан Российской Федерации, проживающих на территории других стран, если там возникла чрезвычайная ситуация.

Таким образом, следует отметить, что правоотношения, которые возникают при проживании российских граждан за рубежом, весьма разнообразны. Граждане Российской Федерации оказываются в двойственном положении: их правовое положение регулируется законодательством государства проживания, однако они пользуются правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами, проживающими на территории России. Для частно-правовых отношений характерны два способа регулирования: коллизивно-правовой и материально-правовой, которые направлены на устранение коллизий национального законодательства различных иностранных государств. Для преодоления таких коллизий необходима унификация права, т. е. создание единообразных правил — прежде всего, путем заключения международных соглашений.

Библиографический список

[1] Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений: закл. в г. Гааге 05.10.1961 г. // Международное частное право: сб. док. — М.: БЕК, 1997. — С. 664–667.

[2] Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (вместе с «Единообразным законом о форме международного завещания»): закл. в г. Вашингтоне 26.10.1973 г. // СПС «Консультант Плюс».

[3] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: закл. в г. Минске 22.01.1993 г. // СЗ РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1472.

[4] *Швыткина О. С.* Правовые проблемы защиты прав российских граждан за рубежом // Молодой ученый. — 2018. — № 44. — С. 196–198.

УДК 343.3

*Искендерли Рашад Ибрагим оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Преступность в местах лишения свободы

Большое количество публикаций, особенно ненаучных, посвящено преступному поведению в местах лишения свободы. Это привело к тенденциозному пониманию феномена насилия в тюрьмах. К сожалению, огромное количество работ специалистов различных отраслей знания, посвященных этой проблеме, не приближают к доктринальному пониманию этого явления.

Лишение свободы человека занимает особое место среди всех видов уголовного наказания. В действующем Уголовном кодексе РФ (УК РФ) лишение свободы как самостоятельное наказание предусмотрено в 229 санкциях статей Особенной части, а в 411 санкциях — в качестве альтернативной меры.

В местах лишения свободы установлен режим, необходимый для исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и призванный реализовать правоограничения (охрану осужденных, их изоляцию от общества и др.). Вместе с тем режимные правила устанавливают меры, смягчающие карательное содержание наказания (например, свидание осужденных с родственниками, право на получение посылок, передач и др.).

Режимные правила обеспечивают ряд прав и свобод осужденных (право на неприкосновенность чести и достоинства личности,

© Искендерли Р. И. о., 2019

свободу совести и др.), предусматривают возможность изменения условий содержания осужденных в зависимости от их поведения. Кроме того, режим устанавливает и некоторые поощрительные нормы, например разрешение получать дополнительные посылки и свидания.

Даже в условиях отсутствия квалифицированного персонала существует необходимость полного искоренения преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах. Сегодня в контексте реформирования пенитенциарной системы особое внимание уделяется совершенствованию технической составляющей обеспечения безопасности, внедрению новых интегрированных систем охраны и надзора. [1]

Несмотря на то, что вопросы противодействия преступности затрясали человечество на протяжении всего периода его существования, экономический подход к обоснованию деятельности по противодействию преступности стал применяться относительно недавно. Впервые использование инструментов экономической теории было связано с необходимостью определения и оценки влияния законов и альтернативных правовых механизмов на работу экономической системы. С развитием экономической науки и созданием новых эмпирических методик за рубежом было осуществлено множество теоретических исследований, связанных с разработкой оптимальных правил для соблюдения законодательства, определения количественных оценок деятельности правоохранительных органов и роли судебных, пенитенциарных учреждений в обеспечении соблюдения законодательства, эффективности затрат на правоохранительную деятельность и др. Для понимания механизма преступности, поведения правонарушителя, формирования и реализации государственной политики в организации борьбы с преступностью целесообразно использовать экономический подход. В целях обеспечения безопасности государство, осуществляя контроль над преступностью, вынуждено расходовать денежные средства, привлекать трудовые и материальные ресурсы, создавать необходимые условия. Однако в условиях ограниченных ресурсов перед государством встает задача по разработке модели оптимального правопорядка и эффективного распределения имеющихся ресурсов.

Библиографический список

[1] *Латов Ю. В.* Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки: сб. ст. — М.: Экономика: ГУ-ВШЭ: Изд. дом Высшей школы экономики, 2000. — Вып.4. — С. 228–270.

[2] *Милюков С. Ф.* Российская система наказаний. — СПб., 1998. — 48 с.

*Теляшев Эмиль Вадимович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Общественный контроль как способ борьбы с коррупцией

Российская Федерация на протяжении уже многих лет пытается побороть основное государственное зло — коррупцию. По данным рейтинга Трансперенси Интернешнл, Россия на протяжении многих лет имеет низкий рейтинг в борьбе с коррупцией. В табл. 1 представлено сравнение баллов в рейтинге ряда стран с 2013-го по 2018 г.

Таблица 1

Баллы ряда стран в рейтинге индекса восприятия коррупции

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	34	34	35	35	30	29
Финляндия	90	89	89	90	89	85
Сингапур	88	89	89	89	88	84
США	68	69	70	70	66	71
Корея	57	56	55	56	55	56

Борьба с коррупцией в современном обществе не может осуществляться отдельными направлениями, актами, запретами и т. д. Необходимо выработать единую и взаимосвязанную систему, состоящую из нескольких элементов, одним из которых будет общественный контроль в антикоррупционной сфере.

Общественный контроль, в свою очередь, должен включать в себя еще несколько элементов: поддержка некоммерческих организаций, отмена анонимности, влияние средств массовой информации, финансовое поощрение граждан, сообщивших о коррупционном преступлении. Стоит рассмотреть подробно каждый из них.

Первым структурным элементом является государственная поддержка некоммерческих организаций (НКО) по борьбе с коррупцией, выражаемая в поощрении государством помощи в раскрытии коррупционных преступлений, что, в свою очередь, частично снизит нагрузку на сотрудников полиции, Следственного комитета, прокуратуры и ФСБ, рассматривающих обращения граждан.

Данные НКО должны иметь определенные полномочия:

1) принимать и рассматривать сообщения граждан, которые по какой-либо причине не обратились в правоохранительные органы, и работать с ними (стоит отметить, что обращение гражданина в НКО не лишает его права обратиться в правоохранительные структуры);

2) проводить сбор дополнительных доказательств, если это необходимо;

3) самостоятельно проводить проверки;

4) подавать заявления в правоохранительные органы от лица заявителя с приложением доказательств, необходимых для возбуждения уголовного дела;

5) публично обращаться в государственные органы, к их должностным лицам, а также предпринимать иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов по расследованию дел;

6) обращаться в вышестоящие органы и в прокуратуру с жалобой на деятельность полиции и Следственного комитета в части расследования заявленного дела.

Опыт работы НКО имеется в Швеции, но несколько в ином виде: при финансовой поддержке бизнес-организаций и Стокгольмской торговой палаты институт сосредоточился на более детальном разъяснении тонкостей антикоррупционного законодательства. НКО работает в плоскости общественной морали, помогая людям провести черту между тем, что является взяткой и тем, что находится в пределах нормы. При этом деятельность НКО в большей степени сфокусирована на бизнес-сообществе. В целом работа организации основана на «Положении о подарках, наградах и вознаграждениях» [4].

Второй элемент — отмена анонимности. При обращении в правоохранительные органы лицо обязано указывать свои данные, чтобы следователи могли при необходимости допросить свидетеля. Также население должно быть проинформировано о том, что сами заявители никаким образом не пострадают при передаче данной информации, даже если она не подтвердится, за исключением заведомо ложного доноса, за который предусмотрена ответственность по ст. 306 Уголовного кодекса РФ. Данный опыт активно использовался в Сингапуре во второй половине XX в. при реализации антикоррупционной политики, одним из основоположников которой был премьер-министр страны Ли Куан Ю [6].

Третьим элементом является поощрение лиц, которые выявили коррупционные преступления и сообщили о них. Это побудит граждан сообщать о коррупционных схемах, которые стали им известны. В то же время реализация нормы уголовного законодательства за заведомо ложный донос воспрепятствует распространению практики сообщения ложной информации с целью дискредитации того или иного лица. Поощрение должно осуществляться в размере, установленном

законом, за счет стоимости возвращенных активов, выявленных в коррупционном преступлении. Система поощрений применяется в США [2] и Корее [1], где размер поощрения варьируется от 10 до 30% от суммы штрафа. Опыт поощрения граждан за сообщение о коррупционном преступлении начал перенимать Казахстан [11], который установил вознаграждение в размере от 30 до 100 месячных расчетных показателей (МРП), где 1 МРП равен 2405 тенге, или 6,35 долл. (по курсу на 22 марта 2019 г.).

И наконец, необходима активная работа средств массовой информации (см. табл. 2) по выявлению и оглашению коррупционных преступлений.

Таблица 2

Рейтинг ряда телеканалов России

Наименование телеканала	Рейтинг просмотра за март 2019 г. [9]	Владельцы	Участие государства в управлении
Первый канал	9,56%	Российская Федерация, Национальная Медиа Группа, ВТБ Капитал, ФГУП «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» [5], ФГУП «Телевизионный технический центр «Останкино» [7]	51% [10]
Россия 1	8,23%	ФГУП	100%
ТНТ	6,05%	АО «Газпром-Медиа Холдинг» (принадлежит ПАО «Газпром»)	100%
НТВ	5,76%	АО «Газпром-Медиа Холдинг»	100%
СТС	4,81%	АО «СТС Медиа» (Национальная медиа группа [8], ПАО «банк ВТБ» [12])	50%
Рен ТВ (ООО «Акцепт»)	4,03%	Национальная Медиа Группа, СОГАЗ (ПАО «Газпром»)	50%

Государство напрямую или косвенно владеет рядом самых популярных телеканалов страны. Следовательно, целесообразно использовать их потенциал в интересах государства и общества, проводя журналистские расследования с целью разоблачения коррупционных преступлений и рассказывая о них с экранов страны. Примерами таких разоблачений могут служить выявление южнокорейским СМИ коррупционных схем Президента Южной Кореи Пак Кын Хе [3], а также журналистские расследования в начале 1970-х гг. в США [13]. Редакции СМИ, в свою очередь, будут заинтересованы в такой работе с целью проведения своей пиар-кампании в данной области, а также получения вознаграждения. Правоохранительные органы будут вынуждены возбуждать уголовные дела, проводить проверки и предварительные расследования, поскольку коррупционные явления получают огласку и общество будет следить за развитием событий. Контроль над расследованием коррупционных преступлений, обнародованных в СМИ, могут также производить НКО со всеми указанными выше полномочиями.

В Российской Федерации средства массовой информации уже частично используются для информирования общества об определенном правонарушении или проступке должностного лица. Так, например, благодаря СМИ общественности стало известно о некорректном высказывании уполномоченного по правам ребенка при Президенте России Павла Астахова, что повлекло за собой его отставку. Также СМИ через социальные сети узнали о некорректном высказывании о жителе «хрущевок» одного из сотрудников дочерней компании Роскосмоса Станислава Жаркова, после чего последовало его увольнение [14].

Введение указанной системы может привлечь внимание общественности к коррупционным преступлениям, сподвигнет население на сообщение о таких правонарушениях.

Библиографический список

[1] Автономов А. С. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование // СПС «Консультант Плюс».

[2] В Беларуси за сообщение о коррупции можно получить до \$500 вознаграждения [Электронный ресурс] // Настоящее время: сайт. — URL: <https://www.currenttime.tv/a/27604526.html> (дата обращения: 19.02.2019).

[3] За что экс-президента Южной Кореи приговорили к 24 годам тюрьмы [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/09/756304-eks-prezidentayuzhnoi-korei> (дата обращения: 19.02.2019).

[4] Как в Швеции борются с коррупцией [Электронный ресурс] // Швеция. Sverige: сайт. — URL: <https://ru.sweden.se/ljudi/provesti-chertu-kak-v-shvecii-boryuetsyas-korrupciej> (дата обращения: 19.02.2019).

[5] Контактная информация [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. — URL: <https://tass.ru/contacts> (дата обращения: 02.03.2019).

[6] *Ли Куан Ю*. Сингапурская история: Из «третьего мира» — в «первый» [Электронный ресурс] // М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. — 420 с. — URL: https://olzublog.files.wordpress.com/2016/09/singapore_story.pdf (дата обращения: 19.02.2019).

[7] О Телецентре [Электронный ресурс] // Останкино: сайт. — URL: <http://ostankino.ru/telecenter> (дата обращения: 02.03.2019).

[8] О холдинге [Электронный ресурс] // Национальная Медиа Группа: сайт. — URL: <https://nm-g.ru/holding> (дата обращения: 02.03.2019).

[9] Общий рейтинг [Электронный ресурс] // PowerNet: сайт. — URL: <https://www.powernet.com.ru/channels-stat> (дата обращения: 19.02.2019).

[10] Роман Абрамович продал все акции «Первого канала» [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/03/07/795909-vtb-vikupil-dolyu-abramovicha> (дата обращения: 19.02.2019).

[11] Сколько платят сообщившим о фактах коррупции в Казахстане [Электронный ресурс] // Forbes Kazakhstan: сайт. — URL: https://forbes.kz/news/2018/08/02/newsid_178591 (дата обращения: 19.02.2019).

[12] Структура акционерного капитала [Электронный ресурс] // ВТБ: сайт. — URL: <https://www.vtb.ru/akcionery-i-investory/raskrytie-informacii/struktura-akcionernogo-kapitala> (дата обращения: 02.03.2019).

[13] *Трофимов Е. В.* Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. [Электронный ресурс] // Право и политика. — 2019. — № 2. — С. 30–48. — URL: http://e-notabene.ru/plp/article_29000.html (дата обращения: 19.02.2019).

[14] Чиновник «Роскосмоса» назвал жителей «хрущевок» скотобазой. Его решили уволить [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба: сайт. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47441023> (дата обращения: 02.03.2019).

*Григорян Элен Геворговна,
студентка Сочинского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

К вопросу об административном задержании лица, совершившего административное правонарушение

Актуальность затронутого вопроса определяется распространенностью фактов административного задержания, которое позволяет обеспечить проведение ряда мероприятий, направленных на целостность и всесторонность рассмотрения дела об административном правонарушении (например, возможность проведения опроса правонарушителя в условиях органа внутренних дел). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ) относит данную меру к перечню мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях наряду с такими мерами, как доставление, личный досмотр и т. п.

Административное задержание представляет собой законное ограничение предусмотренных Конституцией РФ прав человека на личную свободу и свободу передвижения. Юридическая сущность такого ограничения в целом похожа на задержание подозреваемого в совершении преступления, однако его основания и цели неразрывно связаны с рассмотрением дела об административном правонарушении.

В соответствии со ст. 27.3 КоАП РФ административное задержание — это ограничение свободы физического лица, которое является кратковременным и может быть использовано только в исключительных случаях, если это необходимо для правильного осуществления производства по делам об административных правонарушениях [1, с. 31].

В КоАП РФ четко определен срок административного задержания, который не должен превышать три часа за рядом определенных исключений, предусмотренных ч. 2 ст. 27.5 КоАП РФ. Эти ограничения связаны с необходимостью идентификации лица, совершившего ряд правонарушений (например, правонарушения, посягающие на режим Государственной границы), а также если за совершенное правонарушение могут быть назначены такие виды административных наказаний, как административный арест или административное выдворение за пределы Российской Федерации. Более длительные сроки (в 16 раз больше) в данном случае связаны с большим количеством мероприятий, необходимых для установления истины по делу, и их трудоемкостью.

В указанных случаях лицо может быть административно задержано не более чем на 48 часов.

Как правило, административному задержанию предшествует доставление. В связи с этим возникает вопрос о том, как быть, если процесс доставления затянулся не на один час, какими правами при этом пользуется доставляемое лицо, особенно если доставление потребовало намного больше времени, чем сам срок административного задержания.

Известно, что срок административного задержания гражданина исчисляется с момента его доставления, которое должно быть осуществлено в возможно короткий срок. В зависимости от обстоятельств дела этот срок может быть как коротким (задержание осуществляется в течение короткого срока, когда место ограничения свободы в связи с правонарушением находится недалеко от соответствующего органа), так и очень длительным (например, когда правонарушение совершено в местности, где возможно только пешее перемещение (незаконная охота в тайге)). Однако вне зависимости от продолжительности доставления данный период не входит в срок административного задержания.

Обоснованность такого положения неоднозначна. С одной стороны, если срок доставления включать в срок административного задержания, то на выполнение мероприятий, связанных с достижением целей последнего не останется времени. С другой — фактическое лишение лица свободы передвижения может длиться гораздо больше, чем 24 часа, предусмотренные Конституцией РФ. С учетом целей рассматриваемых мер представляется, что законодательное решение данного вопроса наиболее рационально.

Второй спорный момент, обсуждаемый в научной литературе и возникающий на практике: с какого момента отсчитывать срок административного задержания? [2, с. 37].

Согласно ст. 27.5 КоАП РФ, срок административного задержания начинается:

- с момента доставления гражданина в соответствующий орган, где будет осуществляться выяснение обстоятельств правонарушения;
- с момента вытрезвления, если гражданин находится в нетрезвом состоянии.

Следует сделать акцент на то, что, согласно закону, срок задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, особенный и исчисляется с момента его вытрезвления.

Однако Конституционный Суд РФ своим постановлением от 17 ноября 2016 г. № 25-П определил, что положения ч. 4 ст. 27.5 в части не соответствуют Конституции РФ.

Данное решение было ответом на обращение Гражданина С., который обратил внимание на несоответствие указанных выше положений

ний КоАП РФ Конституции РФ. В своем обращении он отметил, что исчисление срока административного задержания лица, находящегося в нетрезвом состоянии, со времени вытрезвления, а не с момента доставления его в отдел полиции создает риск произвола и осуществления фактического задержания на срок более 48 часов при отсутствии судебного решения.

Рассмотрев жалобу, Конституционный Суд РФ признал доводы гражданина С. убедительными, а указанное положение, в соответствии с которым срок административного задержания лица, находящегося в нетрезвом состоянии, не должен быть больше срока задержания трезвого человека, не соответствующим ст. 22 Конституции РФ. В этой связи в декабре 2017 г. в ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ были внесены дополнения, которые определили, что общий срок вытрезвления и задержания не может превышать установленный Конституцией РФ.

Не рассматривая вопрос о целесообразности такого решения, следует отметить, что в течение года после вынесения решения Конституционным Судом у отдельных правоприменителей возникали вопросы о том, какой нормативный акт подлежал применению. На первый взгляд, срок административного задержания подлежало исчислять с момента вытрезвления и время вытрезвления не должно быть включено в срок административного задержания. Однако, согласно ст. 79 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации», решения Конституционного Суда РФ являются обязательными для всех субъектов правоприменения с момента их принятия и не подлежат пересмотру ни в каких инстанциях.

С учетом этого даже до внесения соответствующих дополнений в КоАП РФ правоприменитель был обязан соблюдать рассмотренное выше постановление и исчислять срок административного задержания с момента доставления во всех случаях, в том числе если задерживаемое лицо находится в состоянии опьянения.

Отрадно, что на сегодняшний день КоАП РФ в рассматриваемой его части приведен в соответствие с Конституцией РФ.

Таким образом, следует заключить, что рассмотренные проблемы имеют свое непосредственное отражение на практике и требуют тщательного анализа как научной общественностью, так и субъектами применения права.

Библиографический список

[1] *Васильев В. И.* Административный арест как мера административного наказания: дис. <...> канд. юр. наук. — Саратов, 2005. — 213 с.

[2] *Ложевский А. А.* Задержание граждан по административному законодательству Российской Федерации: дис. <...> канд. юр. наук. — Омск, 2004. — 165 с.

*Добродорова Вероника Валерьевна,
студентка Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

**Борьба с экстремизмом в Интернете:
сравнительный анализ правового опыта
России и зарубежных стран**

Экстремизм — это незаконная деятельность, осуществление которой непосредственно наносит или может нанести значительный ущерб основам конституционного строя, правам и свободам граждан, защищаемым государством.

Экстремизм продолжает оставаться одной из животрепещущих проблем современности. Борьба с ним является важнейшей задачей всех правоохранительных органов, поскольку именно данное негативное явление затрагивает основные и неотъемлемые конституционные права человека и гражданина, которые находятся под пристальной охраной государства.

Политика России по борьбе с экстремизмом включает нормативно-правовое регулирование органов по предотвращению и пресечению различных форм экстремистской деятельности. Это сложное направление непосредственно регулируется широким перечнем нормативных актов.

Так, в настоящее время положения о ликвидации организаций в связи с их экстремистской деятельностью содержатся в федеральных законах «О политических партиях», «О свободе совести и религиозных объединениях», «Об общественных объединениях», в приказе Генпрокуратуры РФ от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности», приказе Генпрокуратуры РФ от 16 марта 2016 г. № 159 «О порядке реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими». Данные нормы регламентированы с целью обеспечения законной деятельности политических партий, общественных и иных объединений. Они позволяют государству ликвидировать организации, которые созданы не с целью помочь обществу, а наоборот, оказать негативное влияние на процессы, происходящие в государстве в целом.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 г., основополагающими направлениями политики в сфере государственной и общественной безопасности в

долгосрочной перспективе должно быть значительное усиление роли государства как гаранта обеспечения личной безопасности граждан, особенно детей и подростков, путем улучшения нормативно-правового регулирования в области предупреждения преступности, коррупции, терроризма и экстремизма и борьбы с ними, значительного повышения эффективности защиты прав и законных интересов граждан [3, с. 417].

Выход из данной ситуации видится в разработке стратегии по противодействию экстремизму до 2025 года, но стоит отметить, что перед государством стоит задача сделать такой закон о противодействии, который будет точно трактовать все негативные стороны данного явления. Отдельное внимание стоит уделить ответственности, даже за малейшие нарушения закона.

Интернет — удобное поле для различного рода противоправной деятельности, в том числе и экстремистской, а также отличная возможность эффективного распространения экстремистского контента большому кругу пользователей, включая несовершеннолетних, поскольку существуют механизмы, позволяющие обеспечить такой уровень анонимности, при котором найти злоумышленников становится практически невозможно. В Интернете информация доступна не только в виде статических веб-страниц, но и в процессе интерактивного обмена в чатах, блогах и на различных форумах, в ходе которого каждый, в особенности молодежь, может общаться с экстремистами по всему миру, целенаправленно или даже неосознанно.

Одной из основных проблем борьбы с экстремизмом в Интернете является полное отсутствие законодательного регулирования отношений, непосредственно связанных с использованием глобальной сети.

Работа, которая проводится на современном этапе по какому-либо ограничению доступа к Интернет-сайтам экстремистского и террористического характера, не гарантирует, что информационные материалы не будут размещаться позднее на других Интернет-ресурсах. Поэтому органы прокуратуры ведут активную работу по пресечению деятельности указанных сайтов. Именно это направление выступает одной из приоритетных задач органов, что позволяет добиться желаемого эффекта. Лишь при полном и тщательно скоординированном взаимодействии со специальными органами безопасности и внутренних дел Российской Федерации, которым поручено выявлять и пресекать деятельность Интернет-сайтов, возможно достигнуть главного результата: искоренить распространение экстремистских материалов на начальной стадии, прежде всего в сети «Интернет» [2, с. 133].

По итогам 2018 г. по 230 требованиям Генеральной прокуратуры РФ более чем с 5000 Интернет-страниц удалена информация, содержащая призывы к осуществлению экстремистской деятельности и

участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка

Зарубежный опыт наглядно показывает, что во многих странах уже разработаны эффективные меры противодействия опасному общественно-политическому явлению. Компетентным органам Российской Федерации необходимо взять их на вооружение, особенно это касается методик выявления и расследования преступлений экстремистской направленности, способов противодействия данному виду преступлений.

Большой интерес представляют международные нормативные правовые акты, а также правовые рамки зарубежных стран для противодействия экстремизму, которые могут быть очень полезны в современных российских условиях.

В связи с глобальной расовой дискриминацией Интернет-ресурсы часто становятся носителями радикальных идей и установок. Экстремизм активно внедряется в информационную сферу общества, а развитие Интернет-технологий становится фактором, который, способствует его распространению. Во всех развитых странах повышенное внимание уделяется предотвращению и недопущению активной экстремистской деятельности.

Во Франции, например, нет какого-либо специального закона для борьбы с экстремизмом и терроризмом, однако наличие признаков экстремизма при совершении преступления признается Уголовным кодексом Франции как отягчающее обстоятельство и влечет за собой применение суровых санкций в отношении правонарушителя

Французские власти с 2017 г. ведут жесткий контроль над сайтами, которые непосредственно способствуют терроризму и экстремизму. В большинстве стран наказанию подвергаются только создатели таких сайтов, но французское правительство идет по иному пути: посетители сайтов, содержащих хотя бы малейшую экстремистскую направленность, также должны будут нести полную ответственность с прерогативным применением мер уголовного характера [4, с. 136].

В ноябре 2015 г. французское правительство приняло закон, решающий досудебную блокировку экстремистских Интернет-ресурсов. Если появляется информации о размещении экстремистских материалов на каком-либо Интернет-портале, владельцу данного контента предлагается удалить их в течение 24 часов. В случае если он это не сделает, Интернет-провайдер самостоятельно блокирует и удаляет запрещенную информацию.

В уголовном законодательстве Великобритании насчитывается более 80 000 норм, непосредственно предусматривающих ответственность за конкретное преступление, а термин «экстремизм» законодателем не используется вовсе. В то же время различные виды поведения и правонарушения, которые обычно называются актами

экстремистского характера, преследуются по закону. Эти преступления непосредственно составляют две большие группы: «насильственный экстремизм» и «внутренний экстремизм», который также включает преступления на почве ненависти. При этом данные преступления составляют особую категорию, что непосредственно связано с их «резонансным» характером и особым вниманием общества. Они рассматриваются отделом контртеррористической деятельности прокуратуры [1, с. 134].

Анализ законодательства зарубежных стран, непосредственно посвященного противодействию преступлениям экстремистского характера в Интернете, позволит правоохранительным органам решать свои задачи по поиску мер, направленных на предотвращение экстремизма во всех сферах жизни общества, в том числе и в информационной среде.

Правоохранительные органы России имеют значительный положительный опыт в борьбе с экстремизмом, в том числе в сети «Интернет». Но чтобы наказание было неотвратимым, все проявления экстремизма должны находиться под пристальным вниманием прокуратуры, а также вызывать противодействие со стороны всех органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня. Именно в этих целях происходит совершенствование работы органов прокуратуры, которые обладают правовым потенциалом выявления, пресечения и предупреждения правонарушений экстремистской направленности.

Таким образом, учитывая, что борьба с экстремизмом является одной из приоритетных стратегических задач, международное сообщество непосредственно расширяет сотрудничество между государствами с целью предотвращения и пресечения экстремистских проявлений, улучшения координационного механизма взаимодействия, укрепления международно-правовой базы для эффективного противодействия экстремизму. Политика Российской Федерации, в свою очередь, должна быть направлена не только на глубокое изучение этой проблемы, но и на заимствование законодательного и методического опыта наиболее продвинувшихся в данном направлении зарубежных стран.

Библиографический список

[1] *Бураева Л. А.* Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 18. — С. 131–134.

[2] *Власов И. С.* Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — 2014. — 136 с.

[3] Пащикова Е. Е. Экстремизм в молодежной среде: виды и особенности // Молодой ученый. — 2013. — № 12. — С. 417–419.

[4] Токбаев А. А. Современные аспекты противодействия терроризму // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 10–2. — С. 134–136.

УДК 343.57

*Левичева Анна Сергеевна,
студентка Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы противодействия современным способам легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков

К числу основных угроз государственной и общественной безопасности отнесена деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Незаконный оборот наркотиков является сложным многофакторным образованием, включающим в себя производство и изготовление наркотиков, их контрабандную поставку (перемещение через границу), организацию сетей распространения и сбыта, разработку схем легализации преступных доходов, аккумулирующим в себе систему предложения наркотиков [2, с. 227].

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, создает основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам (организациям) финансировать и осуществлять свою противоправную, в том числе террористическую, деятельность.

Извлекаемые в процессе осуществления преступной деятельности огромные доходы и накапливаемые значительные финансовые ресурсы требуют дальнейшей обработки. Сегодня важно понимать, что наркобизнес — это уже не просто множество организованных преступных группировок во главе с харизматичными лидерами, занятых производством наркотиков и жесточайше конкурирующих между собой. Наркобизнесом активно реализуются процессы, присущие ле-

гальным компаниям (слияние, поглощение, консолидация и т. д.), он действует и развивается так же, как и все бизнес-структуры официального экономического сообщества, лидерами организованной преступности активно привлекаются так называемые гейткиперы (специалисты по обработке денег) [1, с. 118].

Действия, направленные на отмыwanie денежных средств, состоят в искусственном преобразовании нелегального источника их происхождения. Здесь имеет место проведение цепочки внешне законных операций по движению денежных средств от участников незаконного оборота наркотиков к лицу, получающему данные средства в качестве преступного дохода в заранее разработанной последовательности, с целью придания им видимости законных.

Изучая практику в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, можно прийти к выводу, что постоянно совершенствующийся спектр электронных форм финансовой деятельности порождает значительную заинтересованность криминалитета в их использовании. На сегодняшний день существующие возможности дистанционного управления денежными средствами позволяют преступному сегменту не только успешно конспирировать свою деятельность, но и сохранять и преобразовывать доходы от наркорасчетов, при этом многократно разрывая причинно-следственную связь между денежными средствами, полученными преступным путем, и предикатным преступлением во избежание мер уголовной ответственности.

Отличительной чертой современной наркопреступности является повсеместное распространение бесконтактного способа сбыта наркотических средств, в основе которого лежат электронные биржи, в том числе биржи криптовалют, в которых задействуются популярные платежные системы, ресурсы телекоммуникационной сети «Интернет», например автоматизированные Интернет-магазины, социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.), мессенджеры (Skype, Viber, WhatsApp и др.), программы-коммуникаторы, электронные платежные системы различного формата (WebMoney, QIWI, Яндекс.Деньги и др.).

Глобальная сеть «Интернет» характеризуется общедоступностью, что позволяет преступным группировкам не только быстро и удобно размещать бесплатную завуалированную рекламу наркотических средств, но и контактировать с потенциальными покупателями посредством виртуального общения, предавая информацию о каналах распространения наркотиков, месте их нахождения, а также способе оплаты проведенной работы, в том числе и с использованием криптовалют.

Факты использования принципиально новых электронных финансовых инструментов при расчетах за реализацию наркотиков в настоящее время приобрели системную множественность. Масштабный криминальный «бизнес» разрабатывает различные схемы отмыwania

наркодоходов, с помощью которых денежные средства, как правило, моментально поступают в легальную финансовую систему, а затем подвергаются дистанционному управлению и перераспределению. Рассмотрим наиболее распространенные схемы легализации такого рода доходов.

1. Размещение в легальную финансовую систему доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, путем депонирования денежной наличности на счета кредитно-финансовых учреждений. Указанная операция производится посредством дробления денежных средств на небольшие суммы, не вызывающие подозрения и не попадающие под установленные пороги финансового контроля, которые постепенно депонируются от имени различных лиц или в различных территориальных единицах либо путем смешивания денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, с легальными доходами.

2. Отмывание наркодоходов с использованием банковской системы путем погашения денежными средствами, полученными от незаконного оборота наркотиков, кредитов и займов, полученных в кредитно-финансовых учреждениях и небанковских кредитных организациях.

3. Перевод денежных средств через платежные системы на банковские счета посредством использования электронных средств платежа нескольких функциональных уровней с последующим обналичиванием. Денежные средства от наркопотребителей при такой схеме зачисляются на «приемные кошельки» 1-го уровня, затем организаторы наркосбыта распределяют указанные средства на «аккумулирующие кошельки» 2-го уровня, далее деньги выводятся на «перераспределительные кошельки» 3-го уровня, а потом перечисляются на банковские карты. Такая последовательность финансовых операций предпринимается преступниками для затруднения выявления цепочки легализационных процедур.

4. Отмывание денежных средств, полученных преступным путем, посредством их ввода в легальный бизнес с использованием фирм-однодневок.

5. Отмывание наркодоходов посредством их ввода в легальный оборот с использованием криптовалют (наиболее распространен биткоин) через обналичные площадки по конвертированию наркоденог в криптовалюты в сети «Интернет», последовательное преобразование денежных средств в валюту по выбору и дальнейшее обналичивание.

Схема покупки наркотических средств с использованием криптовалюты детально проработана. Например, в русскоязычном сегменте теневого Интернета существует несколько сервисов по продаже наркотиков. Администратор такой площадки в отличие от западных сервисов, работающих на комиссии от транзакции, получает ежеме-

сичную плату за предоставление услуги со стороны продавца товара. Оплата проводится преимущественно в биткойнах (90%), после чего определяется время и место «заклада» наркотических средств и психотропных веществ. Показательно, что в последние два года формируется криминальная специализация лиц, вовлеченных в дистанционную продажу наркотиков за криптовалюту: появились администраторы сайтов, лица, предоставляющие услугу эскроу (гаранты), кладмены (лица, делающие «закладки»), гроверы (выращивающие растения дома), трафаретчики (размещающие объявления на асфальте), перевозчики, дропы (посредники, принимающие товар или перевод криптовалюты) и др. [3, с. 10–11].

Нельзя не отметить основные проблемы, возникающие при выявлении преступлений, связанных с легализацией наркодоходов. В первую очередь это длительные сроки получения ответов на запросы из финансово-кредитных организаций, а соответственно, отсутствие возможности оперативно реагировать на многочисленные перемещения денежных средств и установить круг лиц, осуществляющих финансирование преступной деятельности, а также сам источник происхождения денежных средств.

При документировании и выявлении преступлений данной категории проявляются проблемы законодательного характера: отсутствие разъяснений по доказыванию незаконности происхождения денежных средств и иного имущества. Сложность доказывания наличия в действиях виновных признаков легализации денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, выражается в том, что умысел на получение незаконных денежных средств и придание им в дальнейшем легального вида возникает при совершении предикатных преступлений.

Таким образом, развитие научно-технического прогресса, сопровождающегося появлением и совершенствованием новых инструментов финансовой системы, кроме несомненно положительного для экономической деятельности движения вперед порождает заинтересованность криминалитета в использовании новых форм и схем сокрытия своей преступной деятельности и придания ей легального вида, а соответственно, и необходимость разработки комплексных мер по противодействию современной наркопреступности.

Библиографический список

[1] *Корчагин О. Н., Чирков Д. К.* Отдельные вопросы применения уголовного законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* — 2017. — № 4 (42). — С. 117–125.

[2] Михайлов Б. П., Тузов Л. Л. Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2017. — № 5. — С. 225–230.

[3] Сидоренко Э. Л. Наркотики и криптовалюта: мировые криминологические тренды // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 8–13.

УДК 342.9

*Угрюмова Анна Николаевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы обеспечения равного доступа граждан к государственной гражданской службе при проведении конкурсной процедуры

В России как в демократическом правовом социальном государстве от органов государственной власти требуется установление определенного механизма справедливой и эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе установление открытых и равных условий поступления на государственную гражданскую службу.

Исследование проведения кадровых конкурсов демонстрирует, что благодаря применению принципов профессионализма, открытости и состязательности удается привлекать на государственную гражданскую службу граждан с профессиональными навыками, обладающих компетенциями, высоким уровнем знаний и практическим опытом [2].

Многие авторы считают, что именно конкурсная процедура призвана служить гарантией реализации конституционного принципа равного доступа к государственной службе. К тому же отбор кандидатов с помощью конкурсной процедуры позволяет дать объективную оценку кандидату, поэтому именно конкурсная процедура является важным элементом в борьбе с коррупционными проявлениями на государственной службе.

Действующим на сегодняшний день законодательством установлено, что граждане Российской Федерации на основании своих способностей и профессиональной подготовки и вне зависимости

© Угрюмова А. Н., 2019

от занимаемой должности на период проведения конкурса исходно имеют равные возможности для занятия должности государственной службы.

При этом в настоящее время в законодательстве определены должности, замещение которых возможно без проведения конкурсной процедуры, а также ситуации, при которых наниматель самостоятельно принимает решение о целесообразности проведения конкурса [4].

Федеральным законом «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» определены случаи, когда конкурсная процедура не проводится. Так, например, при назначении на две категории гражданской службы из четырех существующих конкурс не проводится: при назначении на категории «руководитель» и помощники (советники)». Назначение на указанные категории производится уполномоченным руководителем в зависимости от опыта и профессиональных качеств претендента.

Также могут не проходить конкурсную процедуру лица, должностные обязанности которых будут связаны с государственной тайной, лица, с которыми заключается срочный служебный контракт, а также младшие группы должностей, что может способствовать не объективности выбора.

При этом важно отметить, что судебные инстанции не обнаружили нарушений конституционных прав граждан и несоответствий существующим принципам государственной службы в нормах, устанавливающих ограничения конкурсного отбора для замещения должностей государственной гражданской службы.

Соглашаясь с авторами работ по данной тематике [1], стоит отметить и сомнения в законности нормы, содержащей отказ от проведения конкурса при назначении на должность гражданина из кадрового резерва. На первый взгляд, принцип формирования кадрового резерва с помощью конкурса логически поясняет данную норму, но сомнения связаны с тем, что в законодательстве срок пребывания в кадровом резерве не ограничен и существует опасность утери резервистом профессиональных навыков.

Кроме того, нецелесообразно дублировать или заменять конкурсный порядок формирования гражданских служащих прямым назначением из кадрового резерва, поскольку это способствует формированию закрытой системы набора кадров государственных гражданских служащих, в которой основополагающим принципом при формировании кадров будет являться должностной рост гражданских служащих в ущерб конституционному принципу равного доступа граждан Российской Федерации к государственной службе [4].

Следует также упомянуть норму, закрепившую возможность заключения срочного служебного контракта без проведения конкурса.

В настоящее время законодательно определено, что ряд граждан не проходят проверку на соответствие квалификационным требованиям к замещению должности государственной гражданской службы, при этом по виду деятельности им предстоит исполнять те же обязанности, что и гражданским служащим, прошедшим конкурсные испытания и осуществляющим деятельность по служебному контракту, заключенному на неопределенный срок [3]. Данное утверждение касается и лиц, чья профессиональная деятельность будет связана с использованием сведений, составляющих государственную тайну.

Как видим, поступление на государственную службу на основании проведения конкурсной процедуры не единственный способ формирования кадров, что ставит под сомнение обеспечение равного доступа граждан к государственной службе [1].

Таким образом, система проведения конкурсного отбора государственных гражданских служащих в Российской Федерации реформируется на протяжении многих лет, в том числе в части обеспечения открытости государственной службы в интересах развития гражданского общества, однако и в настоящее время имеется ряд недостатков, которые необходимо законодательно устранять.

Библиографический список

[1] *Зайцева Л. В.* «Обеспечение реализации принципа равного доступа к государственной гражданской службе» // Вестн. Тюменск. гос. ун-та: Социально-экономические и правовые исследования. — 2013. — № 3. — С. 90–97.

[2] *Литвинцева Е. А.* «Проблемы реализации конкурсных процедур в системе государственной гражданской службы» [Электронный ресурс] // Социология власти. — 2009. — № 5. — С. 140–148. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-realizatsii-konkursnyh-protsedur-v-sisteme-gosudarstvennoy-grazhdans-koy-sluzhby> (дата обращения: 20.02.2019).

[3] *Онищенко О. Н.* «Конкурсный подбор кадров на государственную гражданскую службу Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — С. 136–140. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkursnyy-podbor-kadrov-na-gosudarstvennuyu-grazhdanskuyu-sluzhbu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.02.2019).

[4] *Юргина Ю. А.* Обеспечение реализации принципа равного доступа к государственной гражданской службе // Научный альманах. — 2016. — № 12-1 (26) — С. 417–420.

*Аббасов Зохраб Фахраддин оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Международно-правовое сотрудничество Азербайджанской республики с Европейским союзом

Международно-правовые отношения Европейского союза (далее: ЕС, Евросоюз) с Азербайджанской Республикой берут начало в 1991 г. и основаны на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном (действует с 1 июля 1999 г.), которое предусматривает взаимоотношения сторон в области политического диалога, торговли, инвестиций, экономических вопросов, законодательства и культуры. Основной целью Соглашения было создание благоприятных условий для интеграции Азербайджана в систему европейской безопасности [1, с. 105; 2, с. 182]. С тех пор Европейский союз постепенно расширил сферу своего сотрудничества с Азербайджаном. В научной литературе предприняты попытки периодизации развития этого сотрудничества. В июле 2003 г. Евросоюзом назначен специальный представитель по Южному Кавказу. С 2004 г. Азербайджан (как страна Южного Кавказа) был включен в программу «Европейская политика соседства», а также в инициативу «Восточное партнерство» с момента ее создания в 2009 г. В июле 2016 г. был принят Протокол об участии Азербайджана в программах и агентствах ЕС.

14 ноября 2016 г. принят мандат для Европейской комиссии и высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности на переговоры от имени ЕС и его государств-членов о заключении всеобъемлющего соглашения с Азербайджанской Республикой. Новое соглашение должно заменить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве и актуализировать общие цели и задачи, стоящие сегодня перед ЕС и Азербайджаном. Переговоры по новому соглашению были начаты 7 февраля 2017 г. по итогам визита Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в Брюссель 6 февраля 2017 г. Новое соглашение будет следовать принципам, одобренным в Обзоре европейской политики соседства 2015 г., и обеспечит новую основу для политического диалога и взаимовыгодного сотрудничества сторон.

Таковы основные вехи развития международно-правовых связей ЕС и Азербайджана. Рассмотрим содержание взаимоотношений в отдельных областях.

Торговые отношения между ЕС и Азербайджаном регулируются Соглашением о партнерстве и сотрудничестве. Европейский союз является основным торговым партнером Азербайджана [4, с. 148]. Тор-

говля с ЕС составляет 48,6% от общего объема торговли Азербайджана. Евросоюз — крупнейший экспортно-импортный рынок для Азербайджана: объем экспорта и импорта Азербайджана в Евросоюз составляет 60,7% и 31,8% от общего объема экспорта и импорта соответственно. Экспорт Европейского союза в Азербайджан, который в 2016 г. составил 1,8 млрд евро, состоит в основном из механического и транспортного оборудования, в то время как импорт в Евросоюз из Азербайджана, который в 2016 г. составил 7,6 млрд евро, охватывает в основном нефть и газ. Годовой объем двусторонней торговли составляет около 9,4 млрд евро. Поскольку Соглашение о партнерстве и сотрудничестве не является преференциальным, ни Европейскому союзу, ни Азербайджану не предоставляются тарифные преференции. Однако Соглашение о партнерстве и сотрудничестве устанавливает экономическое сотрудничество, направленное на укрепление деловых связей и развитие рыночных правил и практики торговли товарами и услугами. Кроме того, оно предусматривает постепенное сближение законодательства и процедур, применяемых в Азербайджане, с наиболее важными законами и стандартами ЕС и международной торговли.

Азербайджан выступает важным энергетическим партнером для Европейского союза, обеспечивая около 5% общего нефтяного спроса ЕС и играя ключевую роль в выводе каспийских газовых ресурсов на рынок ЕС через Южный газовый коридор. Европейский союз является крупнейшим потребителем азербайджанской нефти и нефти, поставляемой транзитом через Азербайджан.

Президент Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу и Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в январе 2011 г. подписали в Баку Совместную декларацию по Южному газовому коридору. Южный газовый коридор — это стратегическая инициатива, направленная на вывод каспийских, центральноазиатских и ближневосточных газовых ресурсов на европейские рынки. Он служит основным инструментом диверсификации для обеспечения безопасности энергоснабжения стран ЕС.

Инфраструктура, которая должна доставить газ из Каспийского бассейна, в частности с месторождения Шах Дениз-II, состоит из существующего Южно-Кавказского трубопровода, подающего газ из Азербайджана через Грузию в Турцию, Трансанатолийского трубопровода, пересекающего Турцию и соединяющего Грузию с Европой, и Трансадриатического трубопровода, транспортирующего газ с турецкой границы через Грецию и Албанию в Италию. Гигантское шельфовое газовое месторождение в азербайджанском секторе Каспийского моря Шах Дениз-II к 2020 г. обеспечит европейские рынки десятью миллиардами кубометров газа в год, еще шесть миллиардов кубометров в год будут поставлены в Турцию.

Однако энергетическое сотрудничество между ЕС и Азербайджаном выходит за пределы Южного газового коридора. Основой дву-

стороннего сотрудничества в энергетической сфере является Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству между Азербайджанской Республикой и Европейским союзом в области энергетики, подписанный в 2006 г. В нем определены 4 приоритетных направления сотрудничества: гармонизация законодательства, повышение безопасности систем поставок и транзита, развитие возобновляемых источников энергии и расширение технического сотрудничества в сфере электроэнергетики.

В 2016 г. Еврокомиссия запустила новую региональную программу «EU4Energy», которая поддерживает страны Восточного партнерства, в том числе Азербайджан, в достижении целей их энергетической политики. Европейский союз также поддерживает Азербайджан в его работе по повышению энергоэффективности.

Важной сферой двустороннего сотрудничества являются вопросы миграции. В декабре 2013 г. Евросоюз, ряд государств — членов ЕС и Азербайджан подписали Соглашение о партнерстве в области мобильности. Оно устанавливает набор политических целей и определяет ряд областей, в которых будут продолжаться дальнейший диалог и сотрудничество между Европейским союзом и Азербайджаном в целях обеспечения безопасного передвижения людей. В феврале 2017 г. в Брюсселе состоялось первое заседание на высоком уровне по партнерству в области мобильности. Двумя другими инструментами сотрудничества в области миграции являются Соглашение об упрощении визового режима и Соглашение о реадмиссии, которое вступило в силу 1 сентября 2014 г.

В области финансовых взаимоотношений ключевую роль играет так называемый Европейский инструмент соседства (далее: ENI), рассчитанный на период 2014–2020 гг. [3, с. 87].

Помощь Европейского союза Азербайджану в основном осуществляется по линии региональных программ, финансируемых ежегодно в рамках ENI. Приоритетными секторами на 2014–2018 гг. являлись:

— региональное и сельское развитие, поддержка усилий правительства по диверсификации экономики и содействие более сбалансированному и устойчивому росту при одновременном уменьшении диспропорций между регионами;

— реформа сектора правосудия, поддержка альтернативного разрешения споров, предоставление правовой помощи и борьба с коррупцией;

— развитие образования и навыков путем повышения качества и актуальности системы профессионального и высшего образования в соответствии со стандартами ЕС и передовой практикой.

В приоритетных секторах и за их пределами оказывается дополнительная поддержка модернизации государственных институтов и развития гражданского общества, в частности путем установления

партнерских отношений с национальными администрациями стран Европейского союза. В дополнение к ENI финансирование доступно в рамках специальных программ Европейского союза: «Европейский инструмент в поддержку демократии и прав человека»; «Инструмент в поддержку стабильности и мира»; «Организации гражданского общества и местные органы власти»; «Развитие человека»; «Миграция и убежище».

Таким образом, с момента подписания в 1996 г. в Люксембурге Соглашения о партнерстве и сотрудничестве международно-правовые связи ЕС и Азербайджанской Республики получили разнонаправленное и интенсивное развитие. Это обусловило потребность в заключении нового основополагающего соглашения, которое создаст основу дальнейшего развития двусторонних отношений.

Библиографический список

[1] *Пашиева Г. А.* Геополитические аспекты сотрудничества Азербайджана с Европейским союзом // Вестн. нац. ун-та «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого». Сер. «Философия. Философия права. Политология. Социология». — 2014. — № 1. — С. 102–109.

[2] *Хагвердиев М. Б.* Общеввропейская безопасность и Азербайджан на современном этапе: моногр. — Баку: Елм ве Техсил, 2011. — 232 с.

[3] *Шабельникова О. В.* Участие Азербайджанской Республики в европейской политике соседства // Вестн. РУДН. Сер. «Международные отношения». — 2012. — № 4. — С. 82–89.

[4] *Эминов Э. М.* Особенности международно-правового регулирования торгово-экономических связей Европейского союза с Азербайджанской Республикой // Современное право. — 2015. — № 3. — С. 147–153.

УДК 347.1

*Плахтий Мария Александровна,
студентка Государственного университета
морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова*

Развитие торгового (предпринимательского) права в дореволюционной России

Современное предпринимательское право России прошло долгий путь развития. Первой попыткой формирования основ торгового права можно считать направление внешней и внутренней политики Пе-

тра I. Как представитель западничества, Петр I стремился заложить «фундамент» западноевропейской организации купечества. Главной идеей проводимой царем политики было создание торгового класса на автономных началах, однако данная идея встретила активное сопротивление, поскольку само купечество не было готово к самоуправлению. Вплоть до середины XIX в. торговое право развивалось в направлении западничества.

Торговля, считавшаяся главным источником пополнения казны, требовала к себе особого отношения со стороны государственной власти. Издаваемые законы должны были регламентировать торговое право как самостоятельную отрасль права, однако ученые-юристы того времени, такие как Г. Ф. Шершеневич и В. А. Удинцев, справедливо замечали, что торговое право не было обособлено от права гражданского. Тем не менее мнения ученых по поводу дуализма торгового права расходились. П. П. Цитович указывал, что изучаемая отрасль права была обособлена от гражданского права, а следовательно, стала самостоятельной.

Важно заметить, что ученые придерживавшиеся мнения Г. Ф. Шершеневича и В. А. Удинцева, не отрицали необходимости урегулирования торгового права как самостоятельной отрасли права. Причинами этого следует считать неспособность норм гражданского права полностью регулировать хозяйственные отношения, установившиеся в период капиталистического строя.

Переходя непосредственно к изучению процесса развития торгового права дореволюционной России, необходимо дать определение торгового права. По мнению Г. Ф. Шершеневича, под торговым правом следует понимать совокупность норм частного права, общего или специального, имеющих применение в той области хозяйственной жизни, которую закон признает торговлей [5, с. 25–29].

Характеризуя XIX в., можно сказать, что он представляет собой период оживленной кодификации в области изучаемого права. Издаваемые законы имели целью урегулирование торговой деятельности, а также вытеснение обычного права, сформировавшегося в результате развития общественных отношений. Однако Г. Ф. Шершеневич указывал, что, несмотря на кодификацию и постепенное вытеснение обычного права, оно сохранило свое значение как местное или в тех отношениях, которые еще не были сформированы окончательно, а следовательно, не подчинялись закону.

Таким образом, источниками торгового права в рассматриваемый период выступали нормативные акты в виде законов и обычаи. Спорным в современной науке остается вопрос использования судебной практики в качестве источника права. Изучив труды Г. Ф. Шершеневича и П. П. Цитовича и придерживаясь их мнения, можно сделать вывод, что в дореволюционной России судебную практику не признавали непосредственным источником права, однако использовали

как важный источник для изучения торгового права и урегулирования неточностей и противоречий в издаваемых законах.

Торговое право как полноценный торговый курс было разработано в 1873–1874 гг. русским государственным деятелем и правоведом, сенатором и тайным советником, профессором и доктором гражданского права П. П. Цитовичем. С 1884 г. в Университетский устав было включено предписание об учреждении кафедр торгового права. С этого момента началось обязательное и систематическое изучение данной дисциплины на всех без исключения юридических факультетах. Также 1884 г. можно считать отправной точкой развития научной доктрины торгового права: именно тогда начинают разрабатываться его основные понятия, категории и институты.

П. П. Цитович выделял торговое право в широком (юридическом и фискальном) и в узком (бытовом и экономическом) смыслах.

Торговое право в широком смысле подразумевало осуществление действий для изменения формы и состава товара. Торговец (или купец) покупал и продавал товар, но продажа осуществлялась уже после того, как приобретенный торговцем товар им же был подвергнут изменению (обработке или переработке). Такой вид торговли также не исключал возможность изменения чужой вещи, однако при условии обязательного возврата ее хозяину, поскольку целью была не последующая продажа, а исключительно обработка или переработка.

Таким образом, торговля в широком смысле рассматривается как торговый оборот, осложненный обработкой или переработкой товара, однако эта же торговля в случае изменения чужой вещи принимает вид предпринимательства.

Торговля в узком смысле заключается в покупке товаров для дальнейшей их продаже без изменений. В качестве товара могут выступать движимые и недвижимые вещи. К числу движимых вещей относятся монеты и ценные бумаги. Торговцы (банкиры) действуют между теми, кто выдал или выпустил бумагу и теми, кто изъявил желание поместить в нее свой капитал. Следует отметить, что в данной торговле существуют те же основные сделки, что и в товарной торговле. Следовательно, в узком смысле торговля имеет два вида: товарная и банковская [3, с. 460].

Стоит подчеркнуть, что вмешательство государства в сферу торгового права считалось неприемлемым. Об этом писал юрист, ученый-правовед В. А. Удинцев. Он также указывал, что принцип свободы договора считался преимуществом торгового права [2, с. 202–203].

Несмотря на то что в качестве товара могли выступать как движимые, так и недвижимые вещи, ученые-юристы XIX в. отмечали, что в качестве объектов торгового оборота выступали преимущественно движимые вещи. Г. Ф. Шершеневич высказывал сомнение в природе сделки по купле-продаже торгового предприятия и отмечал, что

недвижимое имущество при рассмотрении и разрешении споров зачастую не рассматривалось как торговая сделка. Исключение не составляло даже то, что такое имущество могло быть приобретено для использования его в дальнейшей деятельности, что, однако, создает связь такой сделки с торговой сделкой.

Ученые делили сделки на объективные и субъективные. В качестве объективных выступали сделки, совершение которых осуществлялось исключительно лицами, не занимавшимися торговлей. Субъективными считались сделки, которые совершались лицами, занимавшимися торговлей как промыслом, и которым закон впоследствии придавал торговый характер.

Изучив законодательство в области торгового права, Г. Ф. Шершеневич полагал, что нормы торгового права должны распространять свое действие на нормы, осуществляемые в виде «промысла» [4, с. 61]. Следует сказать, что под промыслом ученые понимали такой вид деятельности, который осуществлялся торговцами (или купцами) с целью получения дохода.

Определенную роль в развитии торгового права сыграли внешние отношения дореволюционной России, которые можно считать точкой отсчета для развития международного торгового права. По мнению Г. Ф. Шершеневича, международное торговое право отличалось смешанным характером, который выражался в наличии публичных и частных норм права.

Г. Ф. Шершеневич отрицал самостоятельность торгового права, однако признавал его как самостоятельную учебную дисциплину.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то что Г. Ф. Шершеневич рассматривал торговое право в качестве части гражданского права с учетом некоторых различий, а также дальнейшего процесса развития норм торгового права, он отмечал, что изучаемое право стремится к обособлению как в научном, так и в законодательном отношении.

Как уже говорилось, существовала иная точка зрения в отношении развития предпринимательского права. Как самостоятельную отрасль права его рассматривали П. П. Цитович и А. И. Каминка, которые отмечали отличительные признаки и специфику институтов торгового права. В качестве примера можно привести наличие торгового промысла, что является одной из главных характеристик торгового права, а также право на фирму, специфику торговой дееспособности и торгового представительства, отличавшуюся, по мнению ученых, от дееспособности и представительства в гражданском праве, наличие торговца (купца) и др. Ученые выделяли такие свойства торгового оборота, как быстрота, определенность, стремление к заработку.

Таким образом, по мнению П. П. Цитовича и А. И. Каминки, приведенная специфика торгового права, отличная от гражданского, а

также отсутствие возможности регулирования гражданским правом вопросов, связанных с торговлей, могли служить достаточными основаниями для выделения торгового права как полностью самостоятельной отрасли права. Дальнейшее изучение торгового права и видов его деятельности привело к осознанию учеными предпринимательского характера не только торговой, но и иных видов деятельности [1, с. 70]. Как следствие ученые стали выделять из гражданского права наиболее общее к торговому праву предпринимательское право. Разработанные русскими учеными-юристами основные понятия, признаки, институты и особенности торгового права имеют научно-теоретическое значение, ставшее опорой в формировании концепций современного коммерческого права России.

Библиографический список

[1] *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права. — Петроград: Петрогр. т-во печ. И изд. дела «Труд», 1917. — 345 с.

[2] *Удинцев В. А.* Избранные труды по торговому и гражданскому праву. — М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. — 360 с.

[3] *Цитович П. П.* Труды по торговому и вексельному праву: Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. В 2-х томах. Т. 1. — М.: Статут, 2005. — 460 с.

[4] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). — М.: Спарк, 1994. — 335 с.

[5] *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права: в 4 т. Т. 1: Введение. Торговые деятели. — М.: Юрайт, 2016. — 458 с.

УДК 347.1

*Зайцева Анастасия Ильинична,
студентка Государственного университета
морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова*

История развития предпринимательского права в постсоветский период

С началом реформ второй половины 1980-х гг. появились правовые основания, а главное, возможность вести преподавательскую деятельность и осуществлять научные исследования правового регулирования в условиях рыночной экономики. Ярким примером реали-

© Зайцева А. И., 2019

зации такой возможности служит создание в декабре 1985 г. кафедры хозяйственного права под руководством А. А. Собчака.

В дальнейшем А. А. Собчак участвовал в разработке проекта новой российской Конституции и в 1992 г. совместно с С. С. Алексеевым руководил созданием одного из ее альтернативных вариантов, который они представили.

К этому моменту уже существовал ряд кафедр хозяйственного права на базе высших учебных заведений юридического профиля, таких как Киевский государственный университет, Харьковский юридический институт, Свердловский юридический институт, а также сектор хозяйственного права в ИГП АН СССР и др. Однако важно отметить, что ученые-правоведы, относящиеся к разным научным школам, по-разному трактовали природу правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность.

Одним из ключевых элементов структуры организации юридической науки является сложившаяся на национальном уровне школа предпринимательского права. В отечественной юридической науке ее базовые положения заложили во второй половине XX в. такие известные ученые, как В. В. Лаптев, В. С. Мартемьянов, А. Г. Быков, В. С. Якушев и др. В их трудах были выработаны основные положения, касающиеся предмета и методов предпринимательского (хозяйственного) права как отрасли права, а также его взаимосвязей с другими отраслями права.

В тот период в обществе господствовали либеральные идеи, которые активно способствовали развитию науки предпринимательского права. И авторитет ученых, их активная позиция в научном, экспертном сообществе, формирующемся гражданском обществе позволили отстаивать и развить данное научное направление.

Вплоть до принятия в 1994 г. первой части Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) в России не было определенности в вопросе о существовании формального дуализма в гражданском праве. Но с принятием первой части ГК РФ позиция российского законодателя стала четкой и определенной: единство гражданского права в отечественной правовой системе. В рамках данного подхода к регулированию сферы предпринимательских отношений через нормы ГК РФ отдельного места для Предпринимательского (Торгового) кодекса в российской системе права нет.

Тем не менее в современной цивилистической науке вопрос о возможности и необходимости принятия Предпринимательского (Торгового) кодекса периодически возникает в работах ряда авторов, которые до настоящего момента считают необходимым и целесообразным его подготовку и принятие. Их научные оппоненты в основном разделяются на тех, кто считает принятие подобного акта принципиально невозможным, и на тех, кто считает его принятие необязательным.

Таким образом, существуют два основных подхода к решению обозначенной проблемы.

В соответствии с хозяйственно-правовым подходом предпринимательское право признается комплексной самостоятельной отраслью права, имеющей своим предметом определенное родо общественные отношения публичного и частного характера, возникающие в ходе предпринимательской деятельности.

Основоположником этой школы предпринимательского (хозяйственного) права является В. С. Мартемьянов [2, с. 18–20].

В течение долгого времени специалисты в области гражданского права, такие как О. Е. Кутафин, И. В. Ершова, Е. П. Губин и другие, поддерживали идею создания Предпринимательского кодекса [3, с. 144–163].

Следует отметить, что еще в советское время предпринимались попытки разработки проектов, но они не увенчались успехом. В середине 1995 г. В. В. Лаптев предложил уже разработанный до мелочей проект Предпринимательского кодекса, который состоял из 13 разделов, 70 глав, 587 статей [1, с. 21–22].

Иной позиции придерживался сторонник цивилистического подхода В. А. Дозорцев, считавший, что гражданско-правовые предпринимательские отношения выделить нельзя, поскольку гражданское право должно состоять из одной общей части. Так, Г. Ф. Шершеневич указывал, что, «обращаясь к рассмотрению исторических оснований торгового права России, мы встречаем совершенное отсутствие тех условий, которые способствовали обособлению его и выделению из общей системы гражданского права».

Необходимость регламентированного публично-правового вмешательства в сферу частных отношений не требует оформления специальной правовой отрасли, ибо нормы частного и публичного права имеют разноотраслевой характер. Они могут быть объединены в едином нормативном правовом акте, но лишь как в специальном по отношению к ГК РФ законе. Возможность субсидиарного применения общих норм гражданского права в процессе регулирования предпринимательских отношений, свидетельствующая о единстве частноправового регулирования, является одним из главных отличий рассматриваемого подхода.

Наконец, выделяется и группа цивилистов, которые не задаются целью определения природы коммерческого права.

Ряд ученых-цивилистов (В. В. Ровный В. Ф. Попондопуло и др.) придерживаются концептуального подхода к пониманию предпринимательского (хозяйственного) права как подотрасли частного права.

Указанные выше авторы считали совершенно необходимым выделить все особенности и ключевые элементы предпринимательско-

го права и закрепить их в законодательстве, но при этом не так важно, будет это отдельный Торговый кодекс или общий Гражданский кодекс.

Таким образом, в научной среде сложилось множество позиций, существует множество мнений отдельных авторов, до сих пор ведутся дискуссии, однако даже по такому вопросу, как наименование предлагаемого кодекса, четкая позиция так и не появилась: предлагается сразу несколько названий: Предпринимательский, Хозяйственный или Торговый.

Следует согласиться с мнением Д. В. Волкова, полагающего, что современная направленность государственной экономической политики Российской Федерации на уменьшение участия государства в экономических отношениях может привести к трансформации предмета предпринимательского права из предмета комплексной отрасли российского права в комплексную подотрасль гражданского права при значительном сокращении публично-правовых отношений, регулируемых нормами предпринимательского права [4, с. 297–300].

Еще один проблемный вопрос, который, по мнению сторонников второго подхода, может быть решен путем создания отдельного Предпринимательского кодекса, — отсутствие в настоящее время в законодательстве четкого толкования норм, касающихся предпринимателя без образования юридического лица: большинство статей являются бланкетными или имеют весьма размытые формулировки, а отдельный нормативный акт, регулирующий деятельность индивидуальных предпринимателей, в России отсутствует.

Следствием принятия Предпринимательского кодекса станет необходимость переподготовки значительной части государственного аппарата и государственных и муниципальных служащих, в связи с чем возникает вопрос об обоснованности столь масштабных реформ.

В заключение следует отметить, что фактически законодатель завершил полемику по данному вопросу еще в 1994 г., прямо указав в ст. 2 ГК РФ на включение предпринимательских отношений в предмет гражданско-правового регулирования. В настоящий момент ГК РФ включает более трехсот статей, где одной из сторон выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Исходя из всего вышесказанного, следует сделать вывод, что развитие предпринимательского права в постсоветский период привело к формированию развитой системы регулирования предпринимательской деятельности на базе ГК РФ и иных законодательных актов. Несмотря на отдельные пробелы в законодательстве, данная система в целом адекватна и релевантна общественным отношениям, и на данный момент создание Предпринимательского кодекса представляется нецелесообразным.

Библиографический список

[1] *Лаптев В. В.* Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Правовое регулирование предпринимательской деятельности: сб. ст. / под ред. В. В. Лаптева. — М., 1995. — 158 с.

[2] *Мартемьянов В. С.* Хозяйственное право: курс лекций: в 2 т. — М., 1994. — Т. 1. — 312 с.

[3] Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях рыночной экономики / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. — М.: Юрист, 2008. — 471 с.

[4] Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: мат. IV всерос. научн.-практ. конф. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.), Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова, Я. А. Сексте, А.А. Сергеева. — СПб.: РПА Минюста России, 2018. — 310 с.

УДК 342.9

*Тужилков Сергей Михайлович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Административно-правовые аспекты обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий

Массовые мероприятия представляют собой действия по организации значительной группы людей в определенных целях. Их можно признать одной из наиболее распространенных форм общественной активности граждан. Немаловажно заметить, что общественная безопасность при проведении массовых мероприятий отнесена к основным приоритетам национальной безопасности Российской Федерации. Наибольшую актуальность рассматриваемая тема приобрела в свете проведения на территории Российской Федерации спортивно-массовых мероприятий: XXII зимних Олимпийских игр и XI Паралимпийских игр в 2014 г. в Сочи, Чемпионата мира по футболу в 2018 г., XXIX Всемирной зимней универсиады в 2019 г. в Красноярске.

Особое место отводится нормативно-правовому регулированию проводимых массовых мероприятий. Так, А. Н. Песков указывает, что

© Тужилков С. М., 2019

массовые мероприятия по своей сути сопряжены с оказанием услуг в творческой и иной специфической сфере и характеризуются специальными договорными отношениями. Например, проведение культурно-зрелищных мероприятий часто осуществляется на спортивных объектах. Процедуры обеспечения безопасности в закрытых помещениях и на спортивных объектах имеют свою специфику, в связи с чем общие стандарты безопасности позволили бы гораздо эффективнее планировать проведение подобных мероприятий и, соответственно, обеспечивать их безопасность [3, с. 35]. А значит, необходимо разработать и законодательно закрепить как общие требования, так и меры, учитывающие специфику отдельных мероприятий.

Следующий аспект касается непосредственно реализации мер по предотвращению факторов-угроз при проведении подобных мероприятий. На сегодняшний день обеспечение общественного порядка является одной из важных задач, возложенных на правоохранительные органы.

Многие праведы едины во мнении, что меры безопасности, вводимые правоохранительными органами, должны быть не только эффективными, но и гуманными, создающими комфортные условия не только для граждан Российской Федерации, но и для иностранных гостей. Кроме того, вводимые меры безопасности должны быть направлены на осуществление основной задачи правоохранительных органов: выявление, предупреждение и раскрытие преступлений и правонарушений [2, с. 151].

В сложившейся ситуации деятельность правоохранительных органов можно охарактеризовать как крупномасштабную операцию по обеспечению правопорядка и безопасности. В Министерстве внутренних дел РФ координацию деятельности его сотрудников в данном направлении осуществляет Управление по обеспечению безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий. Основными задачами управления являются:

- охрана общественного порядка и общественной безопасности;
- предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, в том числе своевременное реагирование на попытки нарушения установленного порядка проведения массовых мероприятий;
- обеспечение соблюдения участниками мероприятий, а также зрителями установленных правил поведения;
- оказание помощи пострадавшим от административных правонарушений и преступлений, а также лицам, находящимся в беспомощном либо ином опасном для жизни состоянии.

Указанные положения закреплены в федеральном законе от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», который всесторонне регламентирует деятельность данного правоохранительного органа, в том числе в сфере обеспечения общественной безопасности.

Однако стоит отметить и проблемные аспекты в рассматриваемой сфере. Так, например, на Олимпиаде в Сочи работали около 40 тыс. полицейских, и механизм их работы прорабатывался на протяжении четырех лет. Проведенные социологические опросы граждан подтверждают, что правоохранительными органами приложены значительные усилия для обеспечения общественного порядка, однако многие отмечают необходимость проработки механизма в системе борьбы с административно-правовыми нарушениями.

В этой связи немаловажным фактором является оснащение спортивных объектов современными информационно-телекоммуникационными системами, инженерными средствами защиты граждан. Активно вводится механизм оцепления места проведения массового мероприятия сотрудниками полиции. При этом число правоохранителей рекомендовано снизить, и активные действия они должны осуществлять только при возникновении критических ситуаций.

Еще один фактор — строгий контроль над посетителями и участниками массовых мероприятий при строгом соблюдении прав человека [1].

Очень важно организовать взаимодействие правоохранительных органов (таможня, МЧС, судебные приставы и др.) с государственными муниципальными структурами. Такое взаимодействие представлено трехуровневым механизмом согласованных действий всех участников: на центральном, региональном и местном уровнях [4]. Иными словами, при комплексном взаимодействии центральных и региональных органов исполнительной власти, осуществляющих теоретическое планирование проводимых мероприятий, обеспечивается дальнейшая согласованность действий на местном уровне, реализуется непосредственное практическое участие в обеспечении общественной безопасности. Муниципальные органы заинтересованы в обеспечении общественной безопасности, поэтому взаимодействие с правоохранительными структурами осуществляется путем заблаговременного составления графика проведения мероприятия с учетом предполагаемого числа участников и общественного интереса. Любое нарушение общественного порядка при проведении подобных мероприятий, проявление насилия и неправомерного поведения вызывает огромный общественный резонанс. В связи с этим создание административно-правового механизма предотвращения и пресечения правонарушений (преступлений) на каждом этапе проведения спортивно-массовых и культурно-зрелищных мероприятий выступает в качестве приоритетного направления правотворческой деятельности в Российской Федерации.

Таким образом, правоохранительные органы, обеспечивая общественную безопасность совместно с государственными и иными властными структурами, реализуют защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства от факторов-угроз. В свою

очередь, принимаемые правоохранительными органами меры направлены на развитие общественных отношений, складывающихся в исследуемой предметной области, на защиту личных прав граждан, реализацию борьбы с правонарушениями и преступлениями против общественного порядка.

Библиографический список

[1] *Амельчакова В. Н.* К вопросу о взаимодействии полиции с государственными органами правоохранительной направленности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении спортивно-массовых мероприятий // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2015. — № 8. — С. 211–214.

[2] *Новиков С. В.* Обеспечение правопорядка на спортивных мероприятиях негосударственными структурами безопасности в преддверии проведения Чемпионата мира по футболу в России // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 11. — С. 151–154.

[3] *Песков А. Н.* О разработанном МВД России законопроекте «Об обеспечении безопасности при проведении спортивных и иных массовых мероприятий в Российской Федерации» // Спорт: экономика, право, управление. — 2012. — № 2. — С. 35–40.

[4] *Романова В. В.* О взаимодействии территориальных органов и внутренних войск МВД России при проведении массовых мероприятий // Власть. — 2014. — № 1. — С. 70–73.

УДК 340.5

*Давыдовская Екатерина Юрьевна,
студентка Смоленского филиала Саратовской
государственной юридической академии*

*Пархачева Алена Сергеевна,
студентка Смоленского филиала Саратовской
государственной юридической академии*

Колоны: правовое положение. Колонат как прообраз феодалной зависимости и крепостного права

Колонат как одна из ключевых особенностей правового, социального, экономического развития времен ранней Римской империи по-

© Давыдовская Е. Ю., Пархачева А. С., 2019

явился в период принципата. Стоит отметить, что колонны выступали прообразом феодальной зависимости, крепостного права, — соответственно, это порождает повышенный интерес к поднимаемой теме, поскольку по своей сути колонны явились предшественниками зависимых крестьян. А проблема зависимости крестьян в истории России порождает интерес до сих пор.

Обратимся к понятию «колонат». Его можно определить следующим образом: колонат выступает формой производственных отношений, которые возникают между производителем и крупным землевладельцем. Это самая распространенная система земельного держания в поздней Римской империи, в частности в Византии. Суть системы состоит в том, что землевладелец передает в держание арендатору земельный участок — иногда с инвентарем и посевным материалом. Возникновение колоната связывают с возникновением кризиса рабовладельческого хозяйства и экономической невыгодностью рабского труда.

По своей сути колон стал основной формой эксплуатации землевладельцев и выступил переходной формой к феодальной зависимости.

Юридическое положение колона было приближено к рабу. Однако некоторые детали (наличие собственного хозяйства, арендная плата из доли урожая) сближали его с феодально зависимым крестьянином. Поначалу колонат был разновидностью рабовладельческих отношений. Позднее, в IV–V вв., колонат становится группой зависимого населения, занимает промежуточное положение между рабами и свободными и предшествует появлению средневековых феодально зависимых крестьян [1].

До IV в. Большинство колоннов были свободными. Позднее они превратились в земельных держателей. Указом Константина I Великого колонны навечно прикрепились к земле.

Стоит отметить, что само происхождение колоната носило зависимый характер. Колонны были вынуждены зависеть от земли, которая принадлежала феодалу.

Колонны как категория юридически зависимых людей появились в период Римской империи. Несмотря на то что колонат широко упоминается в Кодексе Юстиниана и Кодексе Феодосия, время его возникновения и историческое происхождение не вполне выяснены. Возникновение колоната выступает условием, которое предопределило окончательное разложение рабовладельческого общественного строя Рима и переход к феодальному строю. На данный момент не выяснены такие моменты, как время зарождения колоната, степень влияния, которое оказывали на его развитие сходные формы зависимости в Египте и Азии.

С течением времени термин «colonus» менял свое значение. Так, в период принципата колон выступал как арендатор чужой земли, юри-

дически независимый от арендодателя, но в тоже время связанный с ним договорно: обязательственными отношениями.

В эпоху империи колон выступал важной экономической фигурой в хозяйственной жизни Рима.

В этот период происходят частые восстания и казни рабов, прекращаются победоносные войны, естественный прирост уменьшается. В такой ситуации обработка земли рабами стала невыгодной. Наиболее целесообразным стал путь сдачи земли мелкими участками арендатору за натуральный оброк (*colonia partiaria*), в исключительных случаях на условиях некоторых барщинных работ в пользу арендодателя.

В скором времени колонны, пополняемые в основном из беднейших элементов населения, попадают в экономическую зависимость от землевладельцев на почве не только денежных займов, но и задолженности по оброчным платежам.

Осуществляемая императорами реорганизация налогового обложения земли привела к превращению экономической зависимости колоннов в юридическую зависимость. Суть обложения заключалась в определении количества и доходности принадлежащей каждому землевладельцу земли.

При периодическом составлении кадастра помимо указания количества земель, которые принадлежат отдельным плательщикам поземельной подати (*capitatio terrena*), к числу доходных статей относили и живших на ней колоннов.

Изложенные факты означали уменьшение ценности участка в случае его оставления. Соответственно, это стало предпосылкой прикрепления колоннов к земле.

Впервые такое закрепление было установлено Конституцией 322 г. Данный акт предписывал принудительное возвращение колоннов на земли, которые они самовольно оставили.

В 357 г. был издан закон, запрещавший продажу земли без живущих на ней колоннов. Тем самым было реализовано стремление прочно связать колона с землей.

В соответствии с этими указами появилась новая категория: *servi terrae ipsius, glaebae adscripti*. Это зависимые люди, которые не были лишены правоспособности в сфере частноправовых отношений, но в то же время прикреплены к земле, на которой жили и которую обрабатывали.

В случае оставления колоном земли, которую он возделывал, землевладелец осуществлял *vindicatio* по образцу виндикации раба. Однако землевладелец не имел права продать земли без колоннов либо колоннов без земли, а также изгнать колона. Все это подтверждает тот факт, что колонат является прообразом феодальной зависимости и крепостного права [4].

В классическую эпоху колон являлся арендатором земли, был формально свободным, но экономически зависел от землевладельца.

В период абсолютной монархии положение колонов осложнилось налоговой политикой императоров. Колоны были обложены натуральной податью, причем в налоговых документах они приписывались к соответствующим земельным участкам и экономически зависели от землевладельца. При этом выплаты арендодателю не снижались, и мелкий арендатор был вынужден платить в двойном размере.

Для колоната характерна долговая зависимость, появлявшаяся вследствие займа у его хозяев необходимого сельскохозяйственного орудия. Для большинства латифундий было характерно проживание многих поколений, которые в итоге становились пожизненными арендаторами, находящимися в зависимости от собственников земли.

Существовало три способа приобретения статуса колона.

1. Рождение ребенка у колона: ребенок автоматически приобретал статус своих родителей.

2. Приобретение этого статуса свободным крестьянином или обедневшим ремесленником, добровольно взявшим земельный участок, либо свободным гражданином, проживавшим более тридцати лет на чужой земле и работавшим на ней.

3. Превращение в колонов трудоспособных лиц, которые были изобличены землевладельцем в занятии нищенством.

Колоны имели низкое положение, но в тоже время обладали определенными правами: они могли заключать брак; обратиться в суд в случае совершения землевладельцем в отношении них уголовного наказания, а также иметь в собственности имущество [2].

Статус колона мог быть утрачен, если колон приобрел обрабатываемый им участок и таким образом сам становился землевладельцем или если он вводился в епископский сан.

Иными словами, рабство, основную форму эксплуатации человека, в процессе разложения рабовладельческого хозяйства сменила другая форма — колонат, которая стала основой феодального общества, построенного на эксплуатации крепостных крестьян.

Библиографический список

[1] Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. — М.: Зерцало, 1997. — 608 с.

[2] *Кудинов О. А.* Римское право. — М.: Дашков и К, 2013. — 240 с.

[3] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. — М.: Зерцало, 2007. — 316 с.

[4] *Новицкий И. Б., Перетерский И. С.* Римское частное право. — М.: Юриспруденция, 2012. — 560 с.

Проблемы функционирования кадрового резерва на государственной гражданской службе Российской Федерации

Формирование резерва управленческих кадров на государственной службе — это сложный и многогранный процесс, имеющий концептуальную, нормативно-правовую, организационную, технологическую основы. Чем тщательнее осуществляется подбор управленческих кадров, тем лучше функционирует институт государственной гражданской службы.

В юридической науке не в полной мере исследован институт кадрового резерва государственной гражданской службы Российской Федерации, что оставляет проблемы в его функционировании.

Кадровый резерв является необходимой составляющей для достижения максимальной эффективности в управлении, поскольку образует собой некий фундамент в виде компетентных, профессионально ориентированных государственных гражданских служащих.

Как всякое правовое явление, кадровый резерв прошел цикл развития: от зарождения идеи, ее правовой конкретизации и юридического оформления до практического воплощения. Некий прототип нынешнего кадрового резерва был образован еще в СССР, тогда он носил название «Государственный трудовой резерв СССР». Как правило, в него входили молодые граждане, подготовленные для ведущих отраслей хозяйства. В настоящее время кадровый резерв государственной гражданской службы готовит кадры исключительно для замещения должностей государственной гражданской службы.

Кадровый резерв представляет собой неоднозначное правовое явление хотя бы потому, что нет отдельного нормативного правового акта, консолидирующего информацию касательно его. Кроме того, по настоящий момент в нормативной базе нет четкого определения термина «кадровый резерв», поэтому в юридической литературе и нормативных правовых актах наблюдается многообразие подходов к определению сути и целей формирования данного правового явления.

Н. А. Бахтаирова, например, полагает, что кадровый резерв, являясь современной технологией кадровой работы, служит механизмом реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе [1]. Н. С. Губарева подчеркивает, что кадровый резерв, выступая механизмом развития, выполняет важную миссию в рамках государственного управления и его целью является повы-

шение качества выполнения задач, возложенных на государственного гражданского служащего [3].

В соответствии со ст. 17 федерального закона РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» кадровый резерв подразделяется на:

- 1) федеральный кадровый резерв;
- 2) кадровый резерв в федеральном государственном органе;
- 3) кадровый резерв субъекта Российской Федерации;
- 4) кадровый резерв в государственном органе субъекта Российской Федерации.

Кадровый резерв Санкт-Петербурга регулируется законом Санкт-Петербурга от 1 апреля 2009 г. № 127-25 «О кадровом резерве на государственной гражданской службе Санкт-Петербурга» и Санкт-Петербурга предусмотрен для высшей, главной и ведущей групп должностей. Данный вид тесно связан с кадровым резервом в государственном органе субъекта Российской Федерации.

Если говорить о включении кандидата в кадровый резерв государственного органа, то в данном случае рассматриваются исполнительные органы власти, поскольку согласование каждого кандидата проходит через администрацию губернатора Санкт-Петербурга. На собеседованиях всегда присутствует представитель Комитета государственной службы и кадровой политики администрации губернатора Санкт-Петербурга. При включении кандидата в вышеупомянутый резерв он подписывает согласие на передачу информации в кадровые службы других исполнительных органов власти. Таким образом, кадровый резерв Санкт-Петербурга формируется из совокупности кадровых резервов исполнительных органов государственной власти.

Считается, что кадровый резерв является идеальным механизмом для карьерного роста. Попадая в него, резервисты полагают, что двери органов власти для них открыты. Однако, как подчеркивают Е. С. Ведяева и С.Ю. Седова, в числе основных проблем функционирования кадрового резерва следует назвать его закрытость, непрозрачность, недостаточный уровень работы с резервистами [2]. Таким образом, мало кто из тех, кто включен в кадровый резерв, знает о перспективах своего нахождения в нем.

Помимо вышеуказанного кадрового резерва субъекта Российской Федерации в Санкт-Петербурге осуществляет свою деятельность Молодежный кадровый резерв (далее: МКР). В него включаются граждане Российской Федерации для прохождения службы в исполнительных органах власти Санкт-Петербурга в составе младшей группы должностей, а также для работы в подведомственных учреждениях. Цель функционирования МКР состоит в отборе молодых и перспективных специалистов, которые призваны сделать государственную гражданскую службу более прогрессивной.

МКР образован относительно недавно, но уже считается одним из основных способов поступления на государственную гражданскую

службу. Важной проблемой МКР является то, что по итогам испытаний нет процедуры опубликования списка прошедших отбор, т. е. на официальном сайте можно проверить только индивидуальный результат по личным данным.

Кроме того, сама процедура отбора, которая закреплена в Методике оценки кандидатов для включения в Молодежный кадровый резерв, утвержденной приказом администрации губернатора Санкт-Петербурга от 29 апреля 2016 г. № 31-пв (далее: методика), весьма несовершенна: критерии третьего этапа отбора в виде индивидуального собеседования никак в ней не отражены, т. е. решение о принятии кандидата в МКР выносится на усмотрение специалиста, проводящего последний этап отбора.

Для совершенствования функционирования кадрового резерва на государственной гражданской службе Российской Федерации в целом необходимо усовершенствовать процедуру отбора, закрепив все этапы в нормативных правовых актах, а также усилить работу с резервистами, проводя обучение, способствующее повышению профессиональных и личностных качеств.

Библиографический список

[1] *Бахтаирова Е. А.* Кадровый резерв на государственной гражданской службе: проблемы теории и практики // *Baikal Research Journal*. — 2014. — № 4. — С. 12.

[2] *Ведяева Е. С., Седова С. Ю.* Управление кадровым резервом на государственной гражданской службе // *Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та*. — 2017. — № 4 (68). — С. 23–25.

[3] *Губарева Н. С.* Проблемы формирования кадрового резерва государственной и муниципальной службы в Российской Федерации // *Вестн. ПАГС*. — 2017. — № 4. — С. 140–144.

УДК 342.9

*Велюга Мария Ивановна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Характеристика структурных элементов дефиниции «конфликт интересов»

Категория «конфликт интересов» требует особого внимания в силу того, что именно столкновение интересов сторон отдельных

© Велюга М. И., 2019

видов общественных отношений является побудительной причиной возникновения коррупционных явлений. В этой связи раскрытие его внутреннего содержания выступает в качестве базового параметра нивелирования коррупционных рисков как таковых.

Легальная формулировка данного термина закреплена в п. 1 ст. 10 федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее: ФЗ № 273-ФЗ). Согласно ей конфликт интересов представляет собой особую «ситуацию». К отличительным чертам такой ситуации следует отнести:

- личную заинтересованность независимо от формы;
- некое влияние или возможность влияния на «надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)».

Однако стоит заметить, что названная категория с начала 1990-х гг. упоминается в тексте ряда нормативных правовых актов различного уровня: как в федеральных конституционных законах, так и в постановлениях Верховного Суда РФ, регламентирующих отдельные виды государственной службы. При этом четкое толкование дефиниции в этой документации отсутствовало.

Представленная в ФЗ № 273-ФЗ трактовка термина «конфликт интересов» распространяется на широкий круг субъектов, однако отсутствует ее детализация относительно государственных гражданских служащих. Кроме того, в федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» он также не конкретизирован. В этом законе особый акцент делается «личную заинтересованность», выступающую в качестве первопричины возникновения конфликта интересов, однако не уточнено, что представляет собой этот компонент дефиниции «конфликт интересов». Соответственно, структурные элементы рассматриваемой категории раскрываются только в ФЗ № 273-ФЗ.

Анализ положений указанных выше нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что под дефиницией «конфликт интересов» законодателем подразумеваются отношения, возникающие между лицом, состоящим на государственной гражданской службе и обладающим служебными обязательствами и должностными полномочиями в соответствии с занимаемой должностью и спецификой деятельности государственного органа, и представителем нанимателя (работодателем), в которых личная заинтересованность первой стороны конфликта оказывает непосредственное воздействие или предусматривает возможность воздействия на соответствующее выполнение им служебных обязательств и возложенных на него должностных полномочий. При этом появляются или могут появиться разногласия между личной заинтересованностью служащего и правами и интересами иных лиц [1, с. 125]. Следовательно, упомянутый термин определяется именно

через «личную заинтересованность», которая, опираясь на суждение законодателя, имеет как прямой (материальный), так и косвенный (нематериальный) характер.

Принимая во внимание вышеизложенное, сложно сказать, что именно законодатель понимает под «косвенной личной заинтересованностью». Вполне возможно, что речь идет о создании и изначальном формировании лишь будущей возможности получения каких-либо преимуществ материального или нематериального характера, а не о прямом получении государственным гражданским служащим каких-либо преимуществ. Если обратиться к структурным элементам законодательно установленного определения понятия «конфликт интересов» и связанного с ним понятия «личная заинтересованность», то можно сделать вывод, что понятие «косвенная личная заинтересованность» законодатель соотносит с вероятностью получения третьими лицами, находящимися в отношениях родства, свойства, имущественных, корпоративных или других отношениях с «лицом, служебное положение и должностные полномочия которого предусматривают обязательство по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», доходов или иных материальных преимуществ в результате необъективного и предвзятого исполнения им его должностных (служебных) обязанностей.

Исходя из дословного толкования закона, понятие «личная заинтересованность» содержит возможность получения материальных преимуществ независимо от их формы и выражения. Но в правовой литературе рассматривается другой, более широкий, подход к толкованию дефиниции «личная заинтересованность»: это замысел государственного гражданского служащего, сводящийся к получению возможности увеличения собственных материальных и нематериальных благ не только им лично, но и его семьей или другой состоящей с ним в отношениях социальной группой [2, с 158].

Итак, личные интересы государственного гражданского служащего можно разделить на две категории: материальные и нематериальные. А значит, положения антикоррупционного законодательства требуют соответствующей корректировки путем расширения содержания термина «личная заинтересованность», в которое стоит включить как материальную, так и нематериальную заинтересованность. При этом для пресечения множественных ошибочных толкований необходимо дополнить понятие «личная заинтересованность» в части возможности приобретения преимуществ неимущественного характера лицом, состоящим на государственной гражданской службе и имеющим определенные должностные (служебные) обязательства.

Кроме того, следует обратиться к вопросу о том, кем могут быть приобретены приведенные выше материальные и нематериальные преимущества. Законодателем не разграничена материальная и нема-

териальная заинтересованность служащего. Можно только предположить, что критерием разграничения материальной и нематериальной заинтересованности он считает субъекта, который в результате и получает материальные или нематериальные выгоды. В данном случае под прямой (материальной) заинтересованностью понимается получение преимуществ должностным лицом лично, а под косвенной (нематериальной) — лицами, указанными законодателем как состоящие в отношениях с должностным лицом.

Кроме того, перечень лиц, который охватывается в законе понятием «личная заинтересованность», широк и нечетко определен. При установлении таких субъектов, как само должностное лицо и лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, неясности не возникает. Однако установить практически, с какими лицами или организациями указанные лица объединены «имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями», затруднительно в силу наличия множества социальных связей между людьми, а также отсутствия однозначного понимания, того что входит в совокупность «иных близких отношений» [3, с. 80].

На основании приведенных выше аргументов можно сделать вывод, что в ФЗ № 273-ФЗ структурные элементы понятия «конфликт интересов» на государственной гражданской службе законодателем раскрыты не полностью. В этой связи имеется объективная необходимость уточнения формулировки названной категории за счет детализации ее внутреннего наполнения для обеспечения безошибочности толкования.

Библиографический список

[1] *Ахметова Н. А.* Конфликт интересов на государственной службе [Электронный ресурс] // *Власть*. — 2013. — № 12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-na-gosudarstvennoy-sluzhbe-1> (дата обращения: 20.02.2019).

[2] *Гирин С. А.* О соотношении понятий «интерес» и «личная заинтересованность» в конфликте интересов на государственной гражданской службе [Электронный ресурс] // *Научные ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право»*. — 2016. — № 10 (231). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-interesi-lichnaya-zainteresovannost-v-konflikte-interesov-na-gosudarstvennoy-grazhdanskoj-sluzhbe> (дата обращения: 20.02.2019).

[3] *Плешков П. В.* Признаки конфликта интересов на государственной службе [Электронный ресурс] // *Научное сообщество студентов XXI столетия: Общественные науки: сб. ст. по мат. LXIX междунар. студ. научн.-практ. конф.* — 2018. — № 9 (68). — URL: [https://sibac.info/archive/social/9\(68\).pdf](https://sibac.info/archive/social/9(68).pdf) (дата обращения: 20.02.2019).

Теоретические подходы к определению содержания административной ответственности за нарушение пожарной безопасности в Российской Федерации

В современной техногенной среде значительно увеличилось использование легковоспламеняющихся и горючих веществ, что приводит к многочисленным пожарам. Кроме того, появление новых технологий, техники и оборудования, огромное количество других сопутствующих обстоятельств, способствуют усугублению пожароопасной обстановки в Российской Федерации.

Согласно официальным статистическим данным, приведенным МЧС России в «Государственном докладе о состоянии защиты населения и территории Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году», за 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 133 077 пожаров, в результате которых погибли 7824 человека и получили травмы 9361 человек; прямой материальный ущерб составил более 14 млн. руб.

Приведенные цифры свидетельствуют о ненадлежащем соблюдении требований пожарной безопасности со стороны населения Российской Федерации, что требует совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере, реализации более тщательного похода к организации и проведению контрольных мероприятий за соблюдением требований пожарной безопасности, использования отдельных правовых инструментов воздействия на участников названных общественных отношений, в том числе посредством применения института административной ответственности к нарушителям требований пожарной безопасности.

Согласно абз. 1 ст. 1 федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», под данным видом безопасности подразумевается состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров. Вместе с тем Конституция РФ устанавливает, что в России гарантируется защита жизни, личности и собственности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что обеспечение пожарной безопасности является одним из приоритетных направлений деятельности государства.

Воздействие государства на общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения пожарной безопасности, реализуется с помощью многообразия правовых механизмов, различных норм и институтов административного права, особое место среди которых занимает инсти-

тут административной ответственности. По своей сути он представляет собой весьма эффективный способ воздействия на правонарушителя путем непосредственного привлечения его к ответственности. Исходя из этого, правильное понимание административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности является насущным.

Исследование нормативно-правовой базы, упорядочивающей отношения по поводу привлечения к административной ответственности в области пожарной безопасности, не позволило обнаружить официально закрепленную формулировку исследуемой дефиниции. Кроме того, в юридической литературе рассматриваемому вопросу посвящено недостаточно научных трудов. В связи с этим для определения категории «административная ответственность за нарушение пожарной безопасности» необходимо сначала обратиться к сложившемуся в правовой доктрине пониманию административной ответственности в целом.

В юридической литературе активно дискутируется вопрос относительно содержания административной ответственности. Главным различием в подходах является набор методов воздействия на правонарушителя. Согласно одной точке зрения, административная ответственность — это применение мер административного характера [2, с. 286]. Другой взгляд отражает подход к административной ответственности как к комплексному понятию, содержащему в себе, в том числе, все меры административного принуждения: взыскания, восстановительные меры, меры пресечения [1, с. 21]. По ключевым моментам рассмотренные подходы к понятию административной ответственности в целом совпадают. Однако наиболее правильной представляется позиция ученых, определяющих административную ответственность как меру наказания, которая выражается в официальном порицании.

Для разграничения таких дефиниций, как «административная ответственность» и «административная ответственность за нарушение пожарной безопасности», следует выделить их признаки. В трудах ученых-юристов, посвященных административной ответственности, выделяются как общие, так и отличительные ее признаки. В правовой доктрине ко второй группе характерных черт относят основания и меры.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным обособить признаки, присущие дефиниции «административная ответственность за нарушение законодательства в области пожарной безопасности».

Рассматривая характерные особенности административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности, необходимо проанализировать нормативно-правовую документацию в упомянутой предметной области. Так, основания привлечения правонарушителя к ответственности за административные проступки в области пожарной безопасности установлены Кодексом об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ; ст. 8.32, 11.16, 20.4. Исследовав указанные нормы, можно сделать вывод, что субъект правонарушения

может быть и общим, и особенным. Вместе с тем правонарушения совершаются как в виде прямого умысла, так и по неосторожности. Наказание за совершение данного правонарушения применяется в виде предупреждения, штрафа или приостановления деятельности.

В свою очередь, ст. 23.1 КоАП РФ устанавливает, что решение о применении мер административного наказания в зависимости от их вида может принимать федеральный судья, инспекторы субъектов Российской Федерации и инспекторы Российской Федерации по пожарному надзору. Для совершенствования механизма укрепления противопожарной безопасности необходимо эффективное взаимодействие указанных органов [3, с. 15].

Таким образом, под административной ответственностью за нарушение требований пожарной безопасности в Российской Федерации понимается назначение уполномоченными на то лицами административного наказания за совершение соответствующего правонарушения.

Библиографический список

[1] *Бахрах Д. Н.* Административная ответственность: учеб. пособие. — М., 2013. — 674 с.

[2] *Кононов П. И.* О некоторых проблемах применения Общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы административной ответственности: мат. всерос. научн.-практ. конф. — Омск: Изд-во Омск. юр. акад., 2009. — С. 28–35.

[3] *Шатов С. А.* К вопросу о совершенствовании норм об административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности // Российская юстиция. — 2011. — № 4. — С. 14–16.

УДК 341

*Лаптева Дарья Дмитриевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы и особенности усыновления детей-граждан Российской Федерации иностранными гражданами

Усыновление дает возможность детям-сиротам приобрести семью. Эта процедура очень важна и для взрослых людей, которые по

© Лаптева Д. Д., 2019

тем или иным причинам не могут иметь собственных детей. Поэтому, учитывая все коллизийные вопросы в этой области, данный вопрос заслуживает пристального внимания и особого к себе отношения. Усыновители как по форме, так и по существу становятся полноправными родителями ребенка. Это накладывает на них груз ответственности за воспитание, развитие и защиту ребенка. В данном случае вполне уместно вспомнить знаменитое выражение: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Почему у граждан Российской Федерации отсутствуют мотивационные факторы для принятия в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей? Первостепенными можно считать неблагоприятные экономические и социальные условия. К ним можно отнести проблемы жилищного характера и слабую государственную поддержку семей с детьми, а также детей, оставшихся без попечения родителей.

Бюрократическая составляющая в отношении российских граждан, желающих взять ребенка на попечение, огромна. Это снижает процент претендентов на роль усыновителей. Однако стоит отметить, что изменения, внесенные в законодательство, смягчают некоторые жесткие и категоричные условия. Например, в п. 6 ч. 2 постановления Правительства РФ от 29 марта 2000 г. № 275 «Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства» было указано, что граждане Российской Федерации, желающие усыновить ребенка, подают в орган опеки и попечительства по месту своего жительства заявление с просьбой дать заключение о возможности быть усыновителями с приложением копии финансового лицевого счета и выписки из домовой (поквартирной) книги по месту жительства или документа, подтверждающего право собственности на жилое помещение. Стоит отметить, что в действующей редакции данное требование звучит более лояльно: «... сведения о гражданах, зарегистрированных по месту жительства гражданина, желающего усыновить ребенка». Данное изменение позволяет гражданам, которые не являются собственниками жилого помещения, быть усыновителями. Такая подвижка является существенной, потому что около 60% граждан страны не имеют собственного жилья. Очевиден тот факт, что на данный момент наблюдается снижение числа усыновлений международного характера. Связано это в первую очередь с делом Димы Яковлева, в связи с которым ст. 4 ФЗ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской

Федерации» был внесен запрет для всех граждан Соединенных Штатов Америки брать под опеку детей, проживающих на территории Российской Федерации [1].

Стоит учесть, что материальная обеспеченность и достойные жилищные условия необходимы для надлежащего воспитания усыновленного ребенка. Тем не менее, когда речь идет о судьбе ребенка, которого взяли на попечение иностранные родители, материальная сторона не должна превалировать над моральными качествами усыновителя. В ином случае отсутствует возможность достижения цели института усыновления как социального института.

Психологическую сторону в такой процедуре, как усыновление, не стоит оставлять без внимания, особенно если идет речь о международном усыновлении. Поэтому не стоит упускать из виду, что при процедуре усыновления столкнуться с трудностями могут не только усыновители, но и дети, которых берут на попечение иностранные граждане. Этот вопрос особенно щепетивен и требует к себе пристального внимания. Первостепенное значение имеет адаптация ребенка к чуждой ему стране. Как отмечают специалисты, сложность такой адаптации заключается в связи с различиями в материальных, социальных и психологических ресурсах. Особенность адаптации заключается в том, что ребенок из привычной для себя среды попадает в абсолютно незнакомую. Вышеуказанные факторы провоцируют стресс у ребенка. Как показывают исследования, при международном усыновлении дети больше подвержены социальным проблемам, депрессии, тревогам. Все потому, что усыновленные дети начинают стесняться своего происхождения.

Усыновление с международным характером не следует рассматривать только как юридическую процедуру, оно должно ориентироваться и на морально-этические аспекты. Такая ориентированность обоснована тем, что ребенок, усыновленный иностранными гражданами, попадает в непривычную для него среду: с набором определенных привычек, знаний, навыков, привитых в родной стране, он резко выходит из зоны комфорта, что приводит к стрессовой ситуации. Такая «атмосфера» может способствовать появлению личностных конфликтов и развитию комплексов у ребенка. Это может быть связано с незнанием языка, культуры, особенностей поведения в чужой стране и многими другими факторами. В такой ситуации ребенок должен получать необходимую психологическую помощь для преодоления дискомфорта и сложностей, связанных со сменой места жительства, с наименьшими психологическими «потерями».

Усыновление является узаконенной формой приобретения семьи детьми, оставшимися без попечения родителей. Процедура усыновления не должна оставлять без внимания интересы ребенка и морально-этическую сторону, а также психологическую адаптацию в процессе вхождения в новую семью.

В Конвенции ООН о правах ребенка прописано условие, которое гласит, что необходимо учитывать этническую, религиозную и культурную принадлежность малыша, а также его родной язык [2, с. 85].

Как показывает практика, негативная тенденция характерна для международного усыновления. Такая ситуация вызывает негодование граждан Российской Федерации, а также обеспокоенность за судьбу детей, оставшихся без попечения родителей и взятых под опеку иностранными гражданами. К сожалению, в современном мире гуманный по сути своей процесс усыновления, «дарения» семьи ребенку, оставшемуся без попечения родителей, превратился в торговлю детьми.

На территории Российской Федерации с 1 января 2013 г. начал свое действие «закон Димы Яковлева». Такое название дали в память о ребенке, погибшем из-за халатности приемных родителей — граждан США: приемный отец на целый день оставил малыша в машине под палящим солнцем.

Для решения вышеуказанных проблем следует в первую очередь обеспечить более строгий контроль в отношении детей, усыновленных иностранными гражданами. Необходимо разработать двустороннее соглашение, в котором будут закреплены все условия и требования к усыновителям, прописан весь процесс усыновления, а самое главное, будут указаны ответственности сторон за нарушение правил в отношении усыновленных детей. Данная мера позволит защитить законные права, здоровье и жизнь детей, взятых на попечение иностранными гражданами.

Международная ответственность является одним из механизмов регулирования процедуры международного усыновления. Поэтому такую ответственность можно ввести за ущемление интересов и прав ребенка, которого усыновили иностранные граждане. С целью контроля над исполнением законодательства необходимо допускать на территорию иностранного государства представителей органов опеки Российской Федерации для ознакомления с психо-эмоциональным состоянием усыновленного ребенка, условиями его содержания. В зависимости от ситуации такие проверки можно осуществлять с разными интервалами, например раз в 3 года. На протяжении всего периода нахождения ребенка в «чужой» стране сторона усыновителя должна будет предоставлять полный отчет о состоянии малыша, условиях его содержания с описанием процесса адаптации.

Очень важно популяризировать и стимулировать процесс усыновления детей, оставшихся без попечения родителей, гражданами Российской Федерации. Помимо психологической поддержки немаловажно уделить внимание материальному обеспечению, которое на данный момент оставляет желать лучшего. И конечно, нужен постоянный пристальный контроль над соблюдением прав усыновленных

детей. Как гласит законодательство Российской Федерации, приоритетом в устройстве российского ребенка в семью обладает то государство, где он родился и где его корни.

Библиографический список

[1] *Завражнов В.* Усыновление иностранцами детей — граждан Российской Федерации // *Российская юстиция.* — 2004. — № 7. — С. 25–31.

[2] *Летова Н. В.* Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы // *Волтерс Клувер.* — 2006. — 256 с.

УДК 341

*Мышьякова Анна Алексеевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Дипломатические представительства: состав и выполняемые функции

История возникновения дипломатических представительств (посольств) на постоянной основе уходит корнями в средние века, точнее, к середине XV в.

Дипломатические отношения между двумя сторонами осуществляются посредством функционирования дипломатических представительств или иных специальных миссий на постоянной основе.

Дипломатическое представительство — это орган внешних сношений, находящийся за рубежом, для поддержания постоянных официальных контактов между двумя государствами [2, с. 202]. Дипломатическое представительство учреждается на основе взаимного соглашения между государством аккредитуемым и государством пребывания.

Международное право выделяет следующие виды дипломатических представительств:

✓ посольство—дипломатическое представительство государства в столице страны пребывания; возглавляется Чрезвычайным и Полномочным Послом;

✓ миссия—постоянное представительство, возглавляемое полномочным посланником или поверенным в делах;

© Мышьякова А. А., 2019

✓ иные представительства, например официальное представительство Российской Федерации по связям с Ватиканом и, соответственно, аналогичное представительство Ватикана в Российской Федерации.

Дипломатическое представительство не может возникнуть по желанию одной из сторон — необходимо обоюдное желание двух государств обменяться дипломатическими представительствами.

Согласно Венской конвенции 1961 г., главы дипломатических представительств подразделяются на классы:

- послы, аккредитуемые при главах государств;
- посланники и министры, также аккредитуемые при главах государств;
- поверенные в делах, аккредитуемые при министрах иностранных дел.

Согласно международному праву, класс, к которому должен принадлежать глава дипломатического представительства, определяется исключительно соглашением между двумя государствами.

Штат сотрудников дипломатического представительства определяется обычно спецификой отношений со страной пребывания, а также возможностью определенного числа сотрудников выполнять все поставленные перед ними задачи.

Независимо от количества сотрудников дипломатического представительства все они подразделяются на три категории:

- дипломатический корпус — сотрудники со статусом дипломатов, отвечающие за внешнюю политику своего государства за рубежом, имеющие право на переговоры с правительством страны пребывания;
- административно-технический корпус — переводчики, сотрудники, отвечающие за техническое оснащение дипломатического представительства, бухгалтерия;
- обслуживающий персонал — водители, садовники, дворники, работники общепита.

Дипломатическое представительство любого государства в любой стране пребывания обычно состоит из нескольких отделов. Как правило, это отделы :

- политический;
- экономический;
- двусторонних отношений;
- печати;
- культурных связей;
- консульский;
- военный атташат;
- канцелярия [1].

Стоит заметить, что в любом дипломатическом представительстве любой страны мира под видом сотрудников посольств или миссий ра-

ботали и продолжают работать сотрудники внешней разведки, занимающие при этом официальные должности.

Дипломатическое представительство осуществляет в стране пребывания определенные функции. К таким функциям относятся прежде всего представительство своего государства в стране пребывания, защита интересов своего государства, а также защита в рамках международного права прав и свобод граждан своей страны в государстве пребывания [3, с. 138].

Немаловажной функцией дипломатического представительства является выяснение исключительно законными способами всех значимых событий в государстве пребывания с целью сообщения об этих событиях правительству своей страны.

Дипломатическое представительство посредством своих представителей уполномочено вести переговоры с правительством государства пребывания, ведет постоянную работу по развитию дружественных отношений между двумя государствами, а также использует все средства для развития и укрепления экономических, культурных и научных связей.

Кроме того, дипломатическое представительство осуществляет консульские функции.

При этом все сотрудники дипломатического представительства должны соблюдать и уважать законодательство страны пребывания.

В ст. 24 Венской конвенции 1961 г. закреплена неприкосновенность официальной корреспонденции, документов и архивов дипломатического представительства. Вне зависимости от степени напряженности отношений между аккредитуемым государством и государством пребывания эта неприкосновенность не может и не должна быть нарушена.

Дипломатическое представительство обладает также обязательствами, которые отражены в международных правовых актах и договорах.

Одной из основных обязанностей всех без исключения сотрудников представительства является уважение и соблюдение законов страны, где они в данный момент аккредитованы. В случае регулярных противоправных действий дипломатического сотрудника принимающее государство может объявить его персоной *non grata* (нежелательной личностью) с требованием покинуть территорию страны пребывания в установленный срок.

В современном мире, где идет активный процесс политической глобализации, объявление гражданина какой-либо страны нежелательным лицом, к сожалению, уже не редкость.

Таким образом, дипломатическое представительство несет на себе огромную ответственность как лицо своей страны в государстве пребывания.

Можно с уверенностью сказать, что правовой статус дипломатического представительства зависит от современных политических условий. Взаимодействие между странами на международном уровне обеспечивает им взаимовыгодное сотрудничество в большинстве областей общественной жизни, а установление дипломатических отношений, создание и функционирование дипломатических представительств являются составными элементами этого процесса. Важно заметить, что оба субъекта дипломатических отношений должны в равной степени способствовать плодотворной работе.

Библиографический список

[1] Григорьева О. Г. История и современное состояние статуса дипломатических представительств в сфере международной правовой помощи по гражданским делам // Публичное и частное право. — 2010. — № 5. — С. 201–211.

[2] Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Международное право: учебник. — М.: Высш. образование; Юрайт-Издат, 2009. — 1012 с.

[3] Чунихина Т. Н., Даниелян А. Г. Правовой статус дипломатических представительств // Научные труды КубГТУ. — 2018. — № 2. — С. 137–147.

УДК 343.7

*Халилова Дилдора Завкиддиновна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Некоторые проблемы отграничения кражи от смежных составов преступлений

При применении уголовного законодательства об ответственности за кражу возникают проблемные вопросы, связанные с отграничением кражи от смежных составов и впоследствии приводящие к судебным ошибкам.

В первую очередь необходимо отграничивать кражу от грабежа. Основные элементы уголовно-правовой характеристики кражи и грабежа раскрыты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г.

© Халилова Д. З., 2019

В п. 2 данного постановления указано, что как тайное хищение подлежат квалификации действия лица, совершившего противоправное изъятие чужого имущества в отсутствие собственника либо иного владельца имущества, либо посторонних лиц или в их присутствии, однако скрытно от них.

В п. 3 постановления закреплено, что как грабеж квалифицируются действия лица, совершаемые в присутствии собственника либо иного владельца имущества или на глазах у посторонних, когда преступник осознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимают они меры к пресечению таких действий или нет.

По мнению П. С. Яни, «преступление подлежит квалификации по статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, если при хищении чужого имущества присутствует лицо, которое, заведомо для виновного не осознает противоправный, общественно опасный характер такого деяния, например в связи с малолетним возрастом, сильным алкогольным опьянением, психическим или иным заболеванием...» [4, с. 27].

Деяние подлежит квалификации как кража в том случае, когда объективная сторона преступления реализуется виновным фактически тайно, несмотря на его догадки, что совершенное преступление после его окончания будет выявлено и что его причастность к преступлению будет установлена. Например, когда вор, используя момент, когда продавец уходит в другое помещение за иным товаром, похищает с прилавка товар и скрывается, в то время как в магазине отсутствуют иные лица.

В основе разграничения кражи и мошенничества лежит способ совершения преступления. Пленумом Верховного Суда РФ даны разъяснения по этому вопросу, однако на практике также возникают проблемные вопросы. Как считает З. И. Хисамова, «для квалификации преступления по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо воздействие непосредственно на приложение, программное обеспечение, устройство, которое позволяет получить неправомерный доступ к счету владельца» [3, с. 46].

Т. Н. Долгих полагает, что «как кражу следует квалифицировать такие действия, при которых потерпевший введен в заблуждение или подвергнут обману виновным и впоследствии сам передает преступнику свою банковскую карту или сообщает пин-код, а снятие денежных средств с банкомата происходит без ведома потерпевшего» [2].

По указанному критерию как кража подлежат квалификации действия, связанные с перехватом информации с пластиковых карт с использованием, например, «хакерских ридеров» — специальных устройств, способных перехватывать электронные сигналы, или специальных устройств, устанавливаемых в картоприемник банкомата.

Необходимо также отличать кражу от присвоения и растраты. Во втором случае виновный обладает определенными полномочиями в отношении похищаемого имущества, находящегося в его правомочном владении или ведении, в силу своего должностного либо другого служебного положения, договора или иного специального поручения, а в первом случае виновный такими признаками не обладает.

Так, приговором Автозаводского районного суда Нижнего Новгорода от 26 апреля 2011 г. Я. ошибочно обвинен в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 160 УК РФ. Из приговора следует, что 19 января 2011 г. он, находясь в баре, попросил у своей знакомой сотовый телефон для осуществления звонка, вышел с ним на улицу, где решил его присвоить. Воспользовавшись тем, что потерпевшая за ним не наблюдает, он скрылся с места совершения преступления с сотовым телефоном и впоследствии распорядился им по своему усмотрению (приговор Автозаводского районного суда Нижнего Новгорода от 26 апреля 2011 г. по делу № 1-265/2011). Передав виновному в ответ на его просьбу сотовый телефон, потерпевшая лишь предоставила ему право пользования телефоном без предоставления права его владения. Таким образом, действия Я. необходимо было квалифицировать как кражу.

Следует отграничивать кражу от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. Угон отличается от хищения умыслом, который направлен не на обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц, а на противоправное временное пользование этим имуществом без согласия собственника или другого владельца. Пунктом 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 закреплено, что как хищение необходимо квалифицировать деяния, направленные на завладение транспортным средством для последующего разукомплектования и присвоения его частей или обращения транспортного средства в свою пользу либо в пользу третьих лиц.

А. Г. Безверхов указывает следующие критерии отграничения угона от хищения чужого имущества:

«1) целью является временное пользование транспортным средством без согласия собственника либо иного владельца, то есть цель хищения отсутствует;

2) незаконное владение носит лишь временный характер, то есть у виновного отсутствует намерение присвоить данное транспортное средство» [1, с. 30].

Таким образом, для правильного применения уголовного законодательства при квалификации кражи необходимо понимать, в чем состоит отличие данного состава преступления от иных смежных составов.

Библиографический список

[1] *Безверхов А. Г.* О некоторых вопросах квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Уголовное право. — 2017. — № 5. — С. 20–30.

[2] *Долгих Т. Н.* Ответственность за хищение денежных средств с банковской карты // СПС «Консультант Плюс».

[3] *Хисамова З. И.* Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь — 2018. — № 9. — С. 43–47.

[4] *Яни П. С.* Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. — 2016. — № 3. — С. 26–30.

УДК 347

*Гомонова Надежда Дмитриевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Деятельность Законодательного собрания Санкт-Петербурга в сфере здравоохранения и экологии

Санкт-Петербург находится на втором месте по заболеваемости в России: 236,8 тыс. заболеваний на 100 тыс. горожан [1]. Причинами данной статистики являются прежде всего система здравоохранения и экология города. Это два важных направления, в соответствии с которыми депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга (ЗС СПб) как народные представители обязаны вести свою работу. Анализ деятельности депутатов выявит эффективность и проблемы законодательной власти.

Начнем с того, что 10% от общего количества законопроектов Законодательного собрания Санкт-Петербурга (в период с 1 февраля 2018 г. по 31 января 2019 года.) посвящены собственно охране здоровья населения, на которую в 2019 г. выделено 12% бюджета Санкт-Петербурга. В здравоохранении можно выделить три направления: лечение и профилактика болезней, ограничение вредных факторов и охрана психического здоровья.

Первое направление за прошедший год наиболее ярко отражено в проекте закона Санкт-Петербурга «О регулировании отдельных вопросов организации оказания медицинской помощи и обеспечения

лекарственными препаратами лиц, больных сахарным диабетом, в Санкт-Петербурге». Сегодня растет количество больных сахарным диабетом: по результатам исследования Nation по Санкт-Петербургу 16,2% человек находятся в состоянии преддиабета, у 3,3% диагностирован сахарный диабет. Однако благодаря внесенному закону негативная тенденция заболеваемости может снизиться, а лица, больные сахарным диабетом, будут иметь гарантии по охране своего здоровья.

Второе направление — защита населения от вредных для здоровья факторов — проявилось в предложении исключить право на налоговую ставку в размере 0 процентов для индивидуальных предпринимателей, производящих нерафинированное и рафинированное пальмовое масло и его фракции, поскольку они повышают риск появления заболеваний.

В развитие третьего направления в Петербурге были повышены ставки налога на игорный бизнес.

Второй фактор высокой заболеваемости населения — экология. По итогам лета 2018 г. в «Экологическом рейтинге субъектов РФ» Санкт-Петербург опустился на один пункт по сравнению с прошлым годом и занял восьмое место [3]. Жители города все чаще жалуются на мусор на улицах, во дворах и парках, на вырубку деревьев и недостаточное озеленение [2]. В связи с этим 6% от всех законопроектов депутаты направили именно на обеспечение экологической безопасности и охрану окружающей среды. За год (1 февраля 2018 г. — 31 января 2019 г.) было предложено несколько вариантов решений.

1. Увеличение суммы штрафов за нанесение вреда окружающей среде. Примерами служат законодательные инициативы о принятии ФЗ «О внесении изменений в статью 247 Уголовного кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменения в статью 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

2. Исследования окружающей среды, дающие точные данные о ее состоянии. Депутаты ЗС СПб постепенно расширяют перечень участков территорий, в отношении которых предполагается провести экологические обследования. Так, осенью 2018 г. по инициативе депутата Н. Г. Тихоновой в перечень был добавлен Пискаревский парк.

3. Экологическое просвещение, воспитание и культура. Важную роль в сохранении города играет отношение к своему дому самих петербуржцев, поэтому осенью 2018 г. депутатами ЗС СПб были внесены изменения в законы Санкт-Петербурга: к вопросам местного значения муниципальных образований теперь стали относиться экологическое просвещение, воспитание и формирование экологической культуры в области обращения с твердыми коммунальными отходами.

4. Рационализация обращения с отходами. Депутатами было предложено ввести обязанность по разделению и сортировке твердых коммунальных отходов. Принятие данного закона и его надлежащее

исполнение могут обеспечить эффективное обращение с отходами, что предполагает улучшение природных санитарно-гигиенических условий и возможность использования отходов в качестве вторичных материальных ресурсов.

Таким образом, в деятельности законодательной власти Петербурга в сфере повышения уровня здоровья населения наблюдается интенсивная работа с разными подходами к решению проблем. Высокая заболеваемость жителей города, однако, свидетельствует о том, что нельзя снижать внимание к сферам здравоохранения и экологии. Напротив, депутатам необходимо предлагать все новые и новые способы решения данных вопросов и осуществлять контроль над исполнительной властью.

Библиографический список

[1] Здоровье хромает: где живут самые больные люди [Электронный ресурс] // Газета.ру: сайт. — 2018. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/01/11878663.shtml> (дата обращения: 12.01.2019)

[2] «Красивый Петербург» составил рейтинг проблем городской среды в 2018 г. [Электронный ресурс] // Красивый Петербург: сайт. — 2018. — URL: https://vk.com/@peterburg_krasiv-krasivyi-peterburg-sostavil-reiting-problem-gorodskoi-sredy (дата обращения: 13.02.2019).

[3] Экологический рейтинг регионов России по итогам лета 2018 г. [Электронный ресурс] // Экопресс.ру: сайт. — 2019. — URL: <http://ecopress.center/page3586539.html> (дата обращения: 22.02.2019).

УДК 342.415

*Савельев Владимир Евгеньевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Конституционная гарантия социального обеспечения по возрасту и проблемы применения законодательства о пенсионном обеспечении в части учета трудового (страхового) стажа

Сегодня каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту. Это одно из направлений политики социального государства, призванное поддержать граждан в зрелом возрасте. В пожилом воз-

расте любой человек нуждается в соответствующих мерах господдержки.

В этой связи устанавливаются специальные гарантии в виде пенсионного обеспечения, направленного на стабилизацию социальной структуры общества [1]. Каждый имеет право на получение пенсии по старости. Однако порядок ее назначения устанавливается законом.

Наибольшую проблему в данной области вызывает учет стажа осуществления трудовой или иной деятельности, необходимого для определения размера пенсионных выплат. В настоящее время учитывается страховой стаж, а трудовой поэтапно выводится из правового поля [2].

Согласно закону «О страховых пенсиях», право на страховую пенсию по старости имеют лица, достигшие возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины). Однако независимо от этого трудовой (страховой) стаж не утрачивает своего юридического значения.

Страховой стаж это периоды работы гражданина, в течение которых за него начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ. При этом, согласно закону «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», в случае если для назначения соответствующей пенсии требуется трудовой стаж определенной продолжительности, в него включаются периоды работы и другой общественно полезной деятельности, засчитываемые в страховой стаж, необходимый для получения трудовой пенсии.

Однако на практике гражданам затруднительно доказать продолжительность данного вида стажа и его юридическую действительность.

Трудовой стаж может устанавливаться в судебном или административном порядке, посредством рассмотрения органами пенсионного обеспечения, а также специальными комиссиями. Это положение может применяться, если соответствующие документы были утрачены ввиду чрезвычайных ситуаций.

Подтверждение стажа свидетельскими показаниями используется только в тех ситуациях, когда имеется факт утраты документов о стаже при условии невозможности их восстановления, а также в отношении периодов, которые не учитывались в данных персонифицированного учета.

В постановлении правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015 допускается учет свидетельских показаний, которыми подтверждается факт осуществления трудовой деятельности застрахованным лицом. Однако имеются некоторые сложности.

Например, указанный акт и федеральный закон № 400-ФЗ не допускают «свидетельских доказательств в части подтверждения характера работ, что затрудняет возможность в судебном порядке устанавливать тождество определенных работ и профессий». Для решения

данной проблемы предлагается «отменить запрет на доказательство характера работ при помощи свидетельских показаний».

Однако такой подход частично оправдан, поскольку свидетельские показания являются менее устойчивым элементом в процессе обоснования юридической правоты. В этой связи целесообразно привлечение Конституционного Суда РФ (КС РФ), как высшего судебного органа страны, дающего мощный импульс развитию отраслевого законодательства [3].

В постановлении от 24 мая 2001 г. № 8-П КС РФ указал на целесообразность принципа «доверия к гражданам» [4]. Рассматривая вопросы учета трудового стажа в районах Крайнего Севера, КС РФ пришел к выводу, что новые законы не должны ухудшать положение граждан. Это относится и к учету трудового (страхового) стажа.

Конституционному Суду следует расширить эту позицию и указать, что свидетельские показания в части подтверждения характера работ могут учитываться как доказательства, но в судебном порядке, при котором судья обязан оценить их допустимость и достаточность для правильного решения дела.

Стоит также отметить, что санкции за нарушение гарантий в области персонифицированного учета законодательно не закреплены [5]. Не усматривается конкретная юридическая ответственность за несоблюдение правил ведения учета трудового (страхового) стажа [6].

Таким образом, в настоящее время поэтапный переход к страховому стажу от трудового требует дальнейшего совершенствования законодательства. В законах недостаточно отражены вопросы доказывания трудового стажа, который включается в страховой. Не усматривается конкретика в юридической ответственности за нарушение установленных правил. Это оказывает негативное воздействие на политику государства в части пенсионного обеспечения по возрасту и требует вмешательства законодателя и высших судов.

Библиографический список

[1] *Аксютина С. В.* Современные аспекты негосударственного пенсионного обеспечения // Проблемы развития территории. — 2013. — № 2 (64). — С. 87–93.

[2] *Данилова Н. Л., Кувшинова Е. В.* Основные проблемы системы государственного пенсионного страхования в Российской Федерации и направления ее совершенствования // Вестн. НГУЭУ. — 2017. — № 3. — С. 205–220.

[3] *Долотов В. А.* Проблемы досрочных пенсий и повышение эффективности производства // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 28. — С. 339–343.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // Российская газета. — 2001. — №113.

[5] *Туманянц К. А.* Проблемы пенсионного обеспечения в РФ и способы их решения // Вестн. Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 3. «Экономика. Экология». — 2011. — № 2. — С. 140–147.

[6] *Филипова И. А.* Трудовой стаж как категория права социального обеспечения и трудового права // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 3–1. — С. 267–273.

УДК 342.843

*Дмитриев Михаил Дмитриевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Правовые стандарты электронного голосования в международном праве

Многочисленные практики внедрения систем электронного голосования в странах по всему миру свидетельствуют о высокой степени проникновения цифровых технологий в избирательный процесс. Это естественные процессы века цифровых технологий в котором мы живем. Можно давать как положительную, так и отрицательную оценку данным явлениям, но глобальная цифровизация нашего общества не может быть остановлена, а значит, должна быть урегулирована в правовом плане.

Комитетом министров Совета Европы на 898-м заседании 30 сентября 2004 г. были приняты рекомендации 11 государствам — членам Совета Европы относительно юридических, организационных и технических стандартов электронного голосования. В этих рекомендациях был впервые урегулирован ряд правовых (юридических), организационных и технических стандартов электронного голосования на выборах в государствах — членах Совета Европы [1].

В Совете Европы была образована специальная рабочая группа (ad hoc), в состав которой входили и представители ФЦИ при ЦИК России, по подготовке новых рекомендаций о правилах электронного голосования с учетом накопленного в государствах — участниках Совета Европы опыта использования информационно-коммуникативных технологий, в том числе организации и проведения электронного голосования на выборах.

14 июня 2017 г. на 1289-м заседании Комитета министров Совета Европы были приняты новые Рекомендации «О правилах электронного голосования» [4].

В документе в качестве основных сделаны акценты на такие принципы, как всеобщее, равное, свободное избирательное право и тайна голосования; перечислены процедурные защитные механизмы: прозрачность, осуществление контроля и подотчетность, устойчивость и защищенность; описаны организационные стандарты, касающиеся уведомления избирателей, кандидатов, голосования, результата, аудита, а также указаны технические требования к системам электронного голосования: доступность, совместимость, работоспособность систем (для центральной инфраструктуры и клиентских устройств, работающих в контролируемой среде). Отдельно прописаны требования по безопасности: общие требования (относящиеся к периоду до голосования, периоду голосования и периоду после голосования), требования на этапах до голосования (и для данных, переносимых на этап голосования), требования на этапе голосования (и для данных, переносимых на этап после голосования), требования на этапах после голосования. Особый раздел посвящен аудиту электронных систем голосования.

Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК России) своими постановлениями регулирует использование ИКТ на территории России для организации электронного голосования. Члены ЦИК России регулярно обмениваются опытом с зарубежными коллегами, в том числе с избирательными комиссиями стран Европейского союза, которые по праву могут считаться лидерами в области внедрения стандартов и практик электронного голосования. На территории Российской Федерации хорошо зарекомендовали себя комплексы обработки избирательных бюллетеней [3], позволяющие в день голосования, непосредственно после его окончания, получить итоговый результат и передать его для ввода в систему ГАС «Выборы», в том числе и в формате QR-кода. Открепительные удостоверения для голосующих вдали от места постоянной регистрации на выборах Президента РФ в 2018 г. тоже были заменены системой «Мобильный избиратель», позволяющей путем подачи заявления, в том числе в электронном формате через портал «Госуслуги» (<https://www.gosuslugi.ru>), прикрепиться на удобный для избирателя участок. Идет обсуждение законопроекта о дистанционном электронном голосовании, которое планируется применить на выборах в Московскую городскую думу. Обсуждается возможность электронного голосования с применением блокчейн технологий [2]. Пилотные проекты уже несколько лет испытываются в кантонах Швейцарии.

Основными проблемами, связанными с массовым внедрением технологий электронного голосования, являются проблемы информационной безопасности, недостаточная подготовленность информационно-технической инфраструктуры, сложность понимания рядовыми гражданами технологий, применяемых для организации электронного голосования, и как следствие недоверие к ним [5]. Эволюция нашего общества в направлении электронной демократии неизбежна, а значит,

проработка и внедрение правовых стандартов в сфере организации избирательного процесса является важной ступенью на пути к будущему.

Библиографический список

[1] *Лысенко В. И.* Новые рекомендации Совета Европы о правилах электронного голосования на выборах [Электронный ресурс] // Российский фонд свободных выборов: сайт. — 2018. — Москва. — URL: <http://www.rfsv.ru/law/pravovye-innovatsii/novye-rekomendatsii-soveta-evropy-o-pravilakh-elektronnogo-golosovaniia-na-vyborakh> (дата обращения: 11.02.2019).

[2] Регионы ONLine — ID-паспорта, умная сим-карта или блокчейн. Каким будет электронное голосование в России? [Электронный ресурс] // Регионы онлайн: сайт. — 2018. — Москва. — URL: <https://www.gosrf.ru/news/39927> (дата обращения: 21.01.2019).

[3] *Чеботарев В. Е., Коновалова Е. И.* Использование электронных средств голосования при проведении избирательных кампаний: опыт зарубежных стран и России [Электронный ресурс] // Юридический портал «Center Bereg». — 2018. — Москва. — URL: <https://center-bereg.ru/h391.html> (дата обращения: 02.01.2019).

[4] The Council of Europe continues to be the only organization that has set intergovernmental standards in the field of e-voting [Электронный ресурс] // Council of Europe: сайт. — 2018. — URL: <https://www.coe.int/en/web/electoral-assistance/e-voting> (дата обращения: 22.02.2019).

[5] The Crisis of Election Security [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine: сайт. — 2018. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/26/magazine/election-security-crisis-midterms.html> (дата обращения: 16.02.2019).

УДК 342.737.2

*Орлов Владислав Игоревич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Право на жилище и обязательства по договору ипотеки: коллизии современного законодательства

Право на жилище выступает основой стабильного развития общества [1]. Оно направлено на реализацию концепции достойного образа жизни в социальном государстве [3]. Конституция РФ в ст. 40

определяет, что каждый имеет право на жилище. Никто не может лишиться его в произвольном порядке.

Гражданин имеет право приобретать жилое помещение для проживания, выбирать место его нахождения, использовать его для имущественных правоотношений и совершать иные действия, связанные с реализацией права на жилище.

Главная проблема заключается в том, что право на жилище может ограничиваться в результате действий сторон в гражданских правоотношениях. Согласно ст. 24 Гражданского кодекса РФ, гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Жилое помещение не является исключением в данном вопросе. На него также может быть обращено взыскание [4].

Хотя нормы ст. 466 Гражданского процессуального кодекса РФ не допускают обращения взыскания на единственное жилье, в ней же указывается, что данные правила не применяются, если такое жилое помещение выступает предметом залога. Это дополнительно подкреплено отдельными положениями федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

В настоящее время в обществе распространен институт ипотечного кредитования. Граждане реализуют право на жилище через приобретение жилого помещения, которое выступает предметом залога. Однако в таком случае законодатель не предоставляет гражданину имущества иммунитет.

Таким образом, гражданин, который не может исполнить свои обязательства перед кредитными организациями, находится в зависимом положении от процедуры обращения взыскания на жилое помещение, в котором он проживает.

Конституционный Суд РФ (КС РФ) неоднократно рассматривал подобные ситуации. Подробная позиция КС РФ по данному вопросу отражена в постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П, где, в частности, сказано, что граждане вправе свободно распоряжаться своими возможностями в гражданско-правовых отношениях. Выступая сторонами в договорах, граждане должны ответственно и добросовестно подходить к вопросу перспектив возможного или невозможного исполнения имущественных обязательств перед потенциальным кредитором.

Материалы практики КС РФ свидетельствуют, что банковские организации вправе требовать исполнения обязательств даже за счет единственного жилья. Следовательно, современное законодательство не предоставляет юридический иммунитет единственному жилому помещению, если оно выступает предметом ипотеки, а кредитором выступает банк.

Также остается неясной судьба тех лиц, которые находятся на иждивении у должника [5]. К ним относятся различные категории граждан, не обладающих полной дееспособностью: несовершеннолетние

дети, инвалиды и иные категории граждан, нуждающихся в усиленных мерах социальной защиты.

В определении от 6 августа 2013 г. № 24-КГ13-4 Верховный Суд РФ предпринял попытку защитить такие категории населения. Указывается, что в случае совершения родителями сделки по отчуждению жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние дети, суды обязаны проверить возможность или невозможность нарушения прав детей. Однако судья не вправе выйти за пределы закона, который позволяет отчуждение единственного жилья.

Это подтверждает судебная практика. Граждане, которые по разным причинам не могут исполнить имущественные обязательства по договору ипотеки, выселяются из единственного жилого помещения. Попытка добиться пересмотра решения суда через стадию весьма затруднительна, что подтверждается современной судебной практикой. Так, апелляционным определением Амурского областного суда от 27 июня 2018 г. по делу № 33АП-2172/2018 суд отказал в пересмотре решения, которым удовлетворяется требование об обращении взыскания на единственное жилое помещение. Обращение взыскания на единственное жилое помещение разрешается даже при наличии на иждивении у должников детей.

Односторонне решить проблему сопоставления конституционного права на жилище с ипотечными обязательствами затруднительно [2]. Граждане могут реализовать свое право на жилище путем вступления в договор об ипотеке. Однако запрет на обращение взыскания на такое жилое помещение мотивирует банки отказывать гражданам в предоставлении необходимых денежных средств. В этой связи необходимо создать условия для обеспечения правового баланса.

Целесообразно предоставить судам право рассматривать вопрос о возможности выселения гражданина и членов его семьи из жилого помещения, если оно является единственным, но выступает предметом залога. Суд должен будет установить финансовые возможности гражданина, которые можно использовать для поиска нового жилья, а также сохранить право пользования жилым помещением за несовершеннолетним и одним из его законных представителей на период, необходимый решения жилищного вопроса. По ходатайству должника суд будет рассматривать вопрос о предоставлении отсрочки от процедуры обращения взыскания на единственное жилое помещение с целью обеспечения возможности возобновления исполнения обязательств на условиях уже заключенного договора.

Такой подход позволит исключить единую стандартизацию в данных правоотношениях. Рассмотрев каждую ситуацию индивидуально, суд примет решение, необходимое для поддержания надлежащего уровня баланса между конституционным правом на жилище и гражданскими обязательствами. Тем самым у гражданина сохранится возможность реализовать свое право на жилище. Не окажутся под угрозой и законные требования кредиторов.

Подводя итог, отметим, что реализация права одним гражданином не может служить основанием для нарушения прав других лиц. В этой связи очень важно достичь правового баланса [6]. Поэтому предлагаемые идеи могут быть полезны для современной юридической практики в части реализации права на жилище.

Библиографический список

[1] *Валеев Д. Р., Шаповалов Д. А.* Право собственности граждан Российской Федерации на жилые помещения // *European research*. — 2016. — № 10. — С. 65–70.

[2] *Краснослободцева Н. К.* Соотношение понятий «свобода» и «права» человека // *Ленинградский юридический журнал*. — 2014. — № 4. — С. 75–82.

[3] *Крюкова Е. С.* Жилые помещения в домах системы социального обслуживания граждан: понятие и место в составе специализированных жилых помещений // *Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право»*. — 2017. — № 3. — С. 90–94.

[4] *Савельев Д. Б.* Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // *Журнал российского права*. — 2014. — № 7. — С. 69–78.

[5] *Савельев Д. Б.* Явное превышение разумной потребности в жилище как критерий обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина // *Вестн. Вятск. гос. ун-та*. — 2013. — № 3. — С. 111–113.

[6] *Яременко Н. Е., Гребнева Е. Е.* Право на жилище и проблемы выселения из жилого помещения // *Правопорядок: история, теория, практика*. — 2016. — № 3. — С. 40–44.

УДК 347.213

*Лесников Артем Дмитриевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Раздел комнаты в квартире на отдельные объекты гражданских прав и ограничения жилищного законодательства

В современном гражданском праве вопросы вещно-правового характера не утрачивают свою актуальность ввиду усложнения отдельных видов правоотношений. Сегодня недвижимость более часто

© Лесников А. Д., 2019

становится объектом частноправовых сделок. Квартиры и комнаты выступают недвижимой вещью. Они приобретаются, передаются в залог, сдаются в наем, аренду и т. д.

Однако вещное право и юридическая природа жилых помещений не перестают интересовать представителей профессионального юридического сообщества. Квартира представляет собой сложную вещь, состоящую из нескольких комнат и помещений общего пользования, т. е. является многосоставной недвижимой вещью [2, с. 123].

Проблема заключается в том, что отдельная квартира и комната выступают разными объектами гражданских и жилищных правоотношений. Следовательно, к данным видам недвижимости предъявляются отдельные требования закона. По общему правилу собственник квартиры вправе свободно распоряжаться судьбой вещи. Он вправе продать ее по частям либо полностью в зависимости от характеристик [1, с. 996].

Однако следует отметить, что жилищное законодательство в ряде случаев ограничивает возможности осуществления правомочий в отношении отдельных категорий вещей. Закон признает части жилого дома и квартиры жилыми помещениями. При этом юридическое деление жилой комнаты на отдельные помещения невозможно. Высшие суды исходят из того, что законодательство не рассматривает части комнат в качестве самостоятельных объектов жилищных отношений.

Иными словами, фактически собственник вправе продать одну комнату нескольким лицам, поскольку она может выступать объектом гражданских прав. Однако в жилищном законодательстве одна комната будет иметь иную правовую природу.

По общему правилу комната представляет собой единую неделимую вещь. Разделение представляется возможным только при проведении согласованной перепланировки. При этом такие мероприятия не должны образовывать помещение, непригодное для проживания. Следует также учитывать нормы метража на одного человека.

В этой связи наблюдается некоторая коллизия между гражданским и жилищным законодательством. Собственник вправе продать комнату нескольким лицам [6, с. 132], однако правовые последствия в части жилищных прав могут не соответствовать жилищным нормам. Кроме того, проживание в одной комнате разных лиц может препятствовать реализации права на частную жизнь.

При отсутствии возможности проведения перепланировки комнаты она остается неделимой. При продаже такой недвижимости нескольким собственникам требуется определение доли каждого из них, но в денежном и натуральном выражении [3, с. 146]. При этом жилищной практике известны случаи, когда собственник хостелов и иных жилых помещений активно сдает их для проживания нескольким сторонам одновременно.

Таким образом, гражданское законодательство предоставляет возможность использовать комнату в качестве самостоятельного объекта имущественных отношений. В этой связи возникает вопрос в части правовых последствий сделок, при которых одна комната выступает объектом купли-продажи, а покупателями являются несколько лиц.

Фактически комната не может быть разделена, но юридически она может принадлежать на праве долевой собственности нескольким людям. При этом не отпадает вопрос по поводу владения и пользования такой недвижимостью. Жилищное законодательство содержит ряд требований к условиям проживания в жилых помещениях. Долевые собственники не лишены возможности владеть и пользоваться комнатой. Однако при несоблюдении жилищных норм реализация права одного лица может повлечь за собой нарушение прав другого.

Как видим, жилищное законодательство ограничивает собственников жилого помещения в виде одной комнаты в части условий проживания [4, с. 127]. Частично такие ограничения оправданны, поскольку целью жилищного законодательства выступает обеспечение надлежащего уровня защиты жилищных прав, реализация которых в условиях проживания в одной комнате с иными лицами представляется затруднительной.

Однако гражданский закон практически не ограничивает стороны в обороте одной жилой комнаты. Отметим, что законодательством Российской Федерации и ее субъектов могут устанавливаться правила, согласно которым лица, проживающие в не соответствующих нормам условиях, могут получать различные виды государственной поддержки [5, с. 128], т. е. граждане могут совершать подобные сделки, а затем претендовать на определенные меры господдержки.

Подводя итоги, следует отметить, что назрела необходимость в достижении юридического баланса между гражданским и жилищным законодательством в части оборота жилых помещений. Стороны свободны в договорных отношениях, однако реализация гражданских прав не должна нарушать иные права. Предложить единый подход к разрешению данной проблемы затруднительно, поскольку подобные отношения тяжело формализовать.

Комната может быть разделена на отдельные части только при условии ее перепланировки, однако до проведения этих мероприятий часть такого жилого помещения не может признаваться самостоятельным объектом жилищных правоотношений. В свою очередь, это ограничивает права собственника на владение и пользование жилым помещением в полном объеме, если речь идет о проживании в нем. При возникновении спорных вопросов целесообразно предоставлять возможность суду разрешать вопрос о том, к кому может переходить комната, не нарушая при этом права третьих лиц и с учетом соответствия перевода прав жилищному законодательству.

Библиографический список

[1] *Абрамов В. В.* Понятие правового режима объектов недвижимости повышенного риска // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 107. — С. 996–1005.

[2] *Маслей С. Э.* Договор найма жилого помещения в жилищном фонде социального использования // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2015. — № 3. — С. 121–129.

[3] *Турдиматов Ф. К.* Понятие правового режима сложной недвижимой вещи // Вестн. экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 143–148.

[4] *Семенова Е. Г.* Система объектов недвижимого имущества в гражданском праве Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 11. — С. 124–129.

[5] *Чикобава Е. М.* Некоторые особенности купли-продажи жилых помещений // Вестн. Самарск. гум. акад. Сер. «Право». — 2012. — № 2. — С. 126–130.

[6] *Шеметова Н. Ю.* Отнесение имущества к недвижимому в российском праве: критерии и свойства недвижимости // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2014. — № 4. — С. 127–144.

УДК 341

*Муришудлу Урфан Магсад оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека

Права и свободы человека являются неотъемлемым его свойством, которое создается в процессе социального бытия и объясняется его природой. Такое свойство означает стойкие, неизменные характеристики личности: разумность и способность физических лиц к членораздельной речи, реализация общения, осуществление совместных действий [4, с. 82]. Главным атрибутом человека, его правового статуса следует считать его основные права и свободы. Они представляют собой неотчуждаемые естественные права, которые означают конкретные социальные возможности, предоставленные норматив-

© Муришудлу У. М. о., 2019

ными актами, служат составной частью правового статуса человека и обеспечиваются государством. В зависимости от оснований возникновения они могут быть естественными и позитивными. Первыми названными правами человек наделен в силу естественного хода жизни, они передаются ему от природы. Позитивные права устанавливаются непосредственно государством.

После распада СССР в республиках, входивших в его состав, произошли существенные изменения политического, экономического, социально-культурного и правового характера. Однако появились правозащитные механизмы в рамках Содружества Независимых Государств (далее: СНГ). Формирование таких механизмов началось с заключения 8 декабря 1991 г. Минского соглашения между РСФСР, Республикой Беларусь и Украиной о распаде Союза ССР; было также объявлено о создании СНГ. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате Азербайджанской Республикой, Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Молдова, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Украиной была подписана Декларация Содружества Независимых Государств. Этот процесс увенчался принятием в Минске Устава СНГ.

Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (далее: Конвенция) — международный договор, заключенный 26 мая 1995 г. Участниками Конвенции являются Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Беларусь, Киргизская Республика. В соответствии со ст. 1 названного международного акта государства-участники гарантируют каждому человеку, который находится под их юрисдикцией, права, закрепленные в Конвенции. Таким образом, характерной особенностью основных прав и свобод человека для названных государств можно считать то, что обладание такими правами не зависит от принадлежности людей к гражданству того или иного государства — участника Конвенции.

В Конвенции закреплены общепризнанные личные права: неотъемлемое право на жизнь (ст. 2); запрет на применение пыток или на жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение или наказание (ст. 3); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5); право на неприкосновенность личной и семейной жизни человека, его жилища и на тайну переписки (ст. 9). В ст. 10 регламентирована свобода мысли, совести и вероисповедания. Названная свобода имеет ограничения, применяемые в предусмотренных в законе ситуациях, когда возникает необходимость обеспечения государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности граждан страны или защиты прав и свобод иных лиц.

Далее следует назвать социальные и экономические права. Для эффективного развития семьи государства, подписавшие Конвенцию,

предусмотрели обязанность обеспечивать экономическую, правовую и социальную основу семейной жизни посредством выдачи социальных пособий, налоговых льгот, предоставления семьям жилья (ч. 3 ст. 13) [3, с. 89]. Нормы ст. 14 наделяют гражданина правом на труд и защиту от безработицы, на определенное вознаграждение за равнозначную работу, в том числе путем предоставления льгот на одинаковые условия относительно трудовой деятельности равной ценности и на одинаковый подход к оценке качества результата работы.

Для работающих женщин предоставляются:

- оплачиваемые отпуска до и после родов, социальное обеспечение, что регламентируется внутренним законодательством страны;
- сохранение рабочего места в течение отпуска до и после родов;
- необходимое количество свободного времени для кормления грудных детей;
- гарантийные меры в случае необходимости трудиться в ночную смену в сфере промышленности;
- гарантийные меры в отношении женщин, трудящихся в сфере подземных горнорудных работ, а также занятых другими видами деятельности, которая представляет опасность для здоровья (ч. 2 ст. 14).

Для эффективной социальной защиты участники Конвенции возложили на себя обязанность применять гарантийные меры, включая создание конкретных институтов и служб (ч. 3 ст. 16).

Статья 16 гарантирует возможность социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, приобретения инвалидности, потери кормильца, воспитания детей, в иных ситуациях по правилам внутреннего законодательства государства. Участники Конвенции регламентировали предоставление медицинской и социальной помощи лицам, которые не имеют необходимых средств (например, за счет льгот в сфере социального обеспечения), а в период болезни — необходимого ухода (ч. 2 ст. 16).

В ст. 26 провозглашается право граждан и юридических лиц на собственность.

Конвенция регламентирует равенство перед законом, а также право на равную защиту без какой-либо дискриминации (ч. 1 ст. 20). Так, не действует обратная сила уголовного закона, предусматривается право не быть судимым или наказанным за одно и то же преступление дважды (ст. 7). Статья 19 регулирует право добиваться восстановления прав и свобод. Никто не может быть лишен свободы только лишь в связи с тем, что он не в состоянии выполнить договорное обязательство (ст. 8).

В Конвенции регламентированы гражданские и политические права, такие как возможность участвовать в политической жизни своей страны, обеспеченная публичной властью и нормативными актами. В ст. 12 урегулировано право на свободу мирных собраний, ассоциа-

ций, в том числе возможность создавать профсоюзы и вступать в них для защиты собственных интересов.

В юридической литературе отмечают определенное сходство исследуемого международного правового акта с Европейской конвенцией о защите прав человека [2, с. 59]. Однако некоторые исследователи находят положения Конвенции СНГ прогрессивными по сравнению с Европейской конвенцией, поскольку они закрепляют более широкий гарантированный спектр прав человека [1, с. 32].

Подводя итог, следует сказать, что в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека подробно регламентированы общепризнанные в мире права и свободы. В формате данной статьи рассмотрен далеко не исчерпывающий перечень прав — эта проблематика носит многогранный характер и нуждается в дальнейшей детальной научной разработке.

Библиографический список

[1] *Быстрок А. С.* Некоторые особенности Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека // *Права человека и международное право: сб. ст. молодых ученых.* — М., 2016. — С. 3–32.

[2] *Касьянов Р. А., Торкунова Е. А.* Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // *Вестн. МГИМО.* — 2015. — № 5 (44). — С. 56–62.

[3] *Мутагиров Д. З.* Права и свободы человека: учебник для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2019. — 516 с.

[4] *Поляков С. А.* Права человека // *Государство и право: теория и практика: мат. междунар. научн. конф. (г. Челябинск, апр. 2011 г.).* — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 82–85.

УДК 347.22

*Сергеева Елизавета Евгеньевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Соседские отношения и негативные иски

Понятие «соседи» достаточно редко находит свое отражение в тексте норм гражданского права, что вызывает большое количество сложностей в процессе регулирования отношений, складывающихся между собственниками, живущими вблизи друг друга. Многие гражд-

дане, опасаясь судебной волокиты, в целях восстановления своих нарушенных прав прибегают к административным мерам и жалобам, напрасно игнорируя такой инструмент по устранению правонарушений, как негаторный иск.

Наибольшая часть негаторных требований происходит из отношений между соседями. Негаторный иск как способ защиты прав собственника наиболее часто применим в спорах, касающихся границ земельных участков при движении разнообразных заборов, а также иных искусственных преград (зеленых насаждений, канав, межей и т. д.). Зачастую такой раздел происходит без согласия второй стороны, путем «захвата». За нарушение так называемого «соседского» права собственнику может быть предъявлен негаторный иск. Специфика негаторного иска заключается и в том, что он применяется в качестве важного средства борьбы со злоупотреблением правом [3, с. 74].

Стоит понимать, что в отличие от vindicatio собственник не потерял вещь в целом, а всего лишь утратил возможность пользоваться и распоряжаться отнятой частью [1, с. 564]. Дабы избежать такого рода столкновения интересов, земельные участки обязательно должны быть размежеваны, что позволит четко индивидуализировать вещь в пространстве. Отсутствие четких географических координат создает проблемы при решении таких споров в суде. Именно поэтому негаторный иск часто дополняется требованием «об установлении границ земельного участка», что несет в себе сочетание двух предметов доказывания. Как такового срока исковой давности по негаторному иску нет в целях стимулирования экономического роста со стороны законодателя, встающего на защиту собственника, который заботится, сохраняет, улучшает и содержит свою вещь, тем самым уменьшая количество «брошенных» и «бесхозных» вещей на благо экономике страны и института гражданского права в целом.

Негаторный иск имеет ряд достоинств (не учитывает добросовестность ответчика и исковую давность) и по этой причине на практике не всегда применяется в соответствии со своим назначением [2, с. 88]. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ (ВС РФ) в обосновании решения о выселении из жилого помещения, несмотря на пропуск срока исковой давности, указала, что «исковая давность не распространяется на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права. Это правило относится и к требованиям собственников (владельцев) жилищного фонда о защите их права на жилые помещения, неправомерно занятые иными лицами».

Судебная практика насыщена делами, связанными с использованием объектами общей собственности жильцов многоквартирного дома. Доказательства, указываемые в иске, зависят от вида части «захваченного» имущества. Например, если речь идет об общем имуществе

в многоквартирном доме, случаются ситуации, когда «свободные» уголки обрастают старой мебелью, вещами, разного рода преградами. Тем временем такие объекты, как колясочные, мусоропроводы, лестничные пролеты и марши, могут стать имуществом, которым пользуется только один из собственников. Данное явление может также распространяться на чердаки, подвалы, на участок земли, который обслуживает многоквартирный дом, парковку для машин около дома, офиса, где хозяева машин ставят запорные устройства, что, естественно, является нарушением.

Большой проблемой в области доказывания является вопрос, кто будет обязан устранить подобные нарушения. Существуют такие ситуации, когда квартира переходит по наследству, а вместе с ней, например, кладовка, причем нынешний собственник не устанавливал двери этой кладовки, не варил замки и т. д. А позиция суда исходит из того, что обязывать надо первоначального хозяина таких сооружений, что по сути невозможно. Но, даже если первый собственник жив, это не представляется возможным, поскольку он уже не пользуется этой вещью, не извлекает выгоду из обладания ею. По сути, нарушение носит «длящийся» характер, т. е. возникло далеко в прошлом, но на сегодняшний день его продолжают другие лица в рамках правопреемства. На сегодняшний день суды пришли к выводу, что ответчиком в деле по негаторному иску должно быть лицо, извлекающее выгоду в данный момент. Вследствие этого возникает новая проблема доказывания: кто именно извлекает выгоду, ибо она может быть неочевидной [4].

Применение исков негаторного характера как инструмента на сегодняшний день расширяется судами общей юрисдикции и в меньшей степени арбитражными судами. Формула иска в судах общей юрисдикции звучит как иск «о признании кадастровых работ недействительными». Такая ситуация возникает, когда один из собственников смежных земельных участков размежевал границы, согласовал все с соседями или опубликовал сведения о межевании в средствах массовой информации, но внезапно появляются соседи, которые отрицают правильность произведенного межевания, ссылаясь на сохранение старых свай от забора, труб либо иных свидетельств, которые могут говорить о границах, существовавших ранее. Таким образом, начинается спор о признании кадастровых работ недействительными и об установлении границ земельного участка, несмотря на то что были уточнены границы и географические координаты, достигнуто соглашение с соседями, произошла индивидуализация вещи.

В большинстве рассматриваемых дел суды не обращают внимания на сделку о межевании, говоря о том что имеют место только вещные правоотношения, а если стороны достигли согласия, есть сделочный характер и, соответственно, появляется срок исковой давности, но к искам вещно-правового характера сроки не применяются. На прак-

тике встречаются ситуации, когда есть капитальная постройка, на ее возведение гражданин получил разрешение у администрации, но через некоторое время выясняется, что границы нарушены. Вопрос о сохранении постройки на прежнем месте становится спорным.

С учетом вышеизложенного представляется, что в целях рационального пользования недвижимостью для гражданских правоотношений должен быть применен срок исковой давности. Стоит задуматься, что первично: соглашение собственников или нерадивость владельца, который никаким образом не защищал свои интересы по сравнению с пользователем, который длительно, открыто и непрерывно владеет частью какой-либо вещи. Только гражданско-правовые методы способны окончательно разрешить конфликт интересов соседствующих собственников. Возникает выраженная необходимость совершенствования правовых средств воздействия на такие ситуации, создания четких механизмов регулирования и совершенствования норм гражданского законодательства.

Библиографический список

[1] Гражданское право / отв. ред. Ю. К. Толстой. — М., 2013. — Т. 1. — 780 с.

[2] Подшивалов Т. П. Негаторный иск и защита прав на недвижимое имущество // Закон. — 2011. — № 1. — С. 86–95.

[3] Подшивалов Т. П. Охранительные правоотношения и нормы: гражданско-правовой аспект // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». — 2012. — № 43 (302). — С. 73–76.

[4] Скрабин С. В. Вещное право: учеб. пособие. — Алматы: Научн.-изд. центр КООУ, 2009. — С. 262.

УДК 343.72

*Коннова Юлия Леонидовна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Квалификация по субъективной стороне мошенничества: некоторые проблемы негативного правоприменения

В современное время стремительного роста научно-технического прогресса: компьютеризации, создания новых технологий в сфере сотовых телефонов, внедрения платежных систем и карт, систем стра-

хования, кредитования и других — все более актуальной становится проблема квалификации преступлений такого вида, как мошенничество.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, половину всех зарегистрированных в 2018 г. преступлений (51,3%) составляют хищения чужого имущества, из них совершенные путем мошенничества — 197,4 тыс. (3,7%). В структуре преступности в Российской Федерации мошенничество занимает значительное место: 10,7% от общего количества преступлений [2].

Состав мошенничества на протяжении длительного времени привлекает внимание правоохранительных органов и ученых. Основная трудность применения ст. 159 УК РФ заключается в доказывании субъективной стороны мошенничества.

Как показывает судебно-следственная практика, на сегодняшний день существует ряд актуальных проблем, связанных с квалификацией данного преступления. Рассмотрим некоторые из них.

Обязательными признаками субъективной стороны мошенничества многие специалисты называют мотив и цель, выраженные в корыстных характеристиках. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» говорится, что при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, т. е. стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание другим лицам. При квалификации преступлений вида «мошенничество» в некоторых случаях ошибки могут возникать при неточном установлении наличия или отсутствия в составе преступного деяния указанных обязательных признаков субъективной стороны.

Приведем пример из судебной практики. Приговором Перовского районного суда г. Москвы от 4 июня 2014 г. Г. и Ж. признаны виновными по ч. 4 ст. 159 УК РФ в том, что, используя свое служебное положение, действуя группой лиц по предварительному сговору, совершили мошенничество, т. е. хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, завысив стоимость работ по испытанию электроустановок в жилых домах, необходимых для составления технических паспортов о состоянии электрооборудования в жилых домах для подготовки их к зиме. Как установлено судом первой инстанции и отражено в приговоре, преступная деятельность Г. и Ж. выразилась в том, что Ж., являясь генеральным директором организации «***», разработал совместно с сотрудниками указанной организации договоры, согласно которым подрядчиком должны были быть выполнены

работы по испытаниям электроустановок в жилых домах. При этом цена договоров была значительно завышена. По факту организация «***» получила оплату из бюджетных средств на большую, чем установлено действующими нормативами на выполнение таких работ, сумму, тем самым причинив государству ущерб. Но в ходе рассмотрения апелляционной жалобы было выявлено, что сам по себе факт заключения таких договоров с указанием в них расценок с завышенными нормативами при отсутствии объективных доказательств не может свидетельствовать о наличии у Ж. и Г. корыстного умысла на завладение денежными средствами. Однако по своему должностному положению Г. и Ж. должны были узнать действующие нормативы на такие работы. Таким образом, отсутствие корыстной цели в данном деле свидетельствует об отсутствии состава мошенничества. Неправильная квалификация действий осужденных привела к изменению приговора: действия осужденных были переквалифицированы с ч. 4 ст. 159 УК РФ на п. «б» ч. 2 ст. 285.1 УК РФ как расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения.

Таким образом, при квалификации такого вида преступлений необходимо получить точные ответы на вопросы: «Каков мотив преступления?» (что движет человеком) и «Какова цель?» (куда направлено данное действие).

С субъективной стороны мошенничество предполагает наличие у виновного прямого умысла на завладение чужим имуществом. Умысел мошенника должен быть не только прямым, но и четко определенным, заранее продуманным. Открытый вопрос, вызывающий проблемы у правоприменителей, — это установление момента возникновения умысла. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или права на чужое имущество, возник у лица до совершения преступления, получения чужого имущества или права на него. Таким образом, для инкриминирования мошенничества необходимо доказать, что у подсудимого был прямой умысел на хищение и что умысел возник до получения имущества или приобретения права на имущество. К сожалению, в некоторых случаях доказать факт возникновения прямого умысла до хищения весьма сложно [1, с. 83].

В этом отношении рассмотрим пример из судебной практики. Ейским городским судом Краснодарского края 22 июня 2018 г. было рассмотрено дело С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. С. обнаружил в сети «Интернет» объявление, поданное Потерпевшей №1, о продаже принадлежащего ей мобильного телефона. После чего С. по предварительной до-

говоренности с Потерпевшей №1 пришел в ее квартиру и предложил Потерпевшей №1 продать ему мобильный телефон, договорившись с ней о том, что денежные средства за приобретенный мобильный телефон отдаст ей в течение 2 дней. Для подтверждения своих намерений С. оставил в залог Потерпевшей №1 свой паспорт гражданина Российской Федерации. Потерпевшая №1, согласилась на его условия, приняла от С. в залог паспорт гражданина РФ и передала С. принадлежащий ей мобильный телефон. После получения телефона от Потерпевшей №1 у С. возник умысел украсть указанный мобильный телефон. С. тайно продал его неизвестному ему лицу, а полученными деньгами распорядился по своему усмотрению. Таким образом, своими действиями С., не выполнив взятые перед Потерпевшей №1 обязательства по оплате переданного ему телефона, причинил ей значительный материальный ущерб. Поскольку умысел на хищение возник у С. после правомерного получения им телефона от Потерпевшей №1, действия С. по ч. 2 ст. 159 УК РФ были квалифицированы неверно и его деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кражу, т. е. тайное хищение чужого имущества с причинением гражданину значительного ущерба.

В приведенном примере прямой умысел изначально отсутствует, и установить, что лицо заведомо намеревалось совершить преступление, сложно. Из этого следует, что в каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не имело умысла и умысел мог возникнуть после завершения им преступных действий, т. е. получения чужого имущества или права на него.

Рассмотренные выше признаки субъективной стороны мошенничества и приведенные примеры подтверждают, что в некоторых случаях возникают сложности в правильной квалификации такого рода преступлений и как следствие появляются ошибки при квалификации преступлений, связанных с хищением имущества.

Библиографический список

[1] *Богданов М. Н.* Квалификация мошенничества как института ответственности уголовного права // Вестн. Владимирск. юр. ин-та. — 2009. — № 1 — С. 10.

[2] Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2018 г. [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»: сайт. — 2019. — Москва. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/15304733> (дата обращения: 10.01.2019).

*Савосин Никита Алексеевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Развитие законодательства о регулировании коллекторской деятельности

Коллекторские агентства как коммерческие организации, в качестве основного вида деятельности принимающие меры по возврату просроченной задолженности, отнюдь не являются чем-то особенным для отечественной правовой системы. Они появились в середине 2000-х гг. и «росли» с большой скоростью. При этом целостное правовое регулирование их деятельности появилось только с принятием в 2016 г. федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ. Возникает закономерный вопрос: по каким причинам так долго отсутствовало данное законодательство?

Первая сложность заключалась в отношении к самому факту существования коллекторских агентств. Законодатель не мог окончательно определиться: узаконить деятельность коллекторских агентств или, напротив, ее запретить. С одной стороны, коллекторская деятельность почти всегда сопровождалась массовыми нарушениями прав должников. С другой — экономисты рассматривали подобные структуры как возможные средства, так или иначе повышающие показатели исполнения финансовых обязательств. Высказывались мнения о необходимости полного запрета их деятельности и оставления права на уступку кредитов только за кредитными организациями, о регулировании коллекторских агентств по аналогии с ЧОП [1, с. 31]. В итоге государство решило, что коллекторские агентства имеют право на существование, но их деятельность должна быть соответствующим образом урегулирована.

Вторая сложность, связанная уже с разработкой закона, вытекала из первой. Она заключалась в необходимости поиска и установления баланса между правами и законными интересами кредитора и взыскателя (коллекторского агентства) с одной стороны и правами и законными интересами должника — с другой. При этом стоит помнить, что в случае отсутствия правового регулирования между участниками таких отношений, должник находится в изначально невыгодном положении по отношению к кредитору и взыскателю. Следовательно, предлагаемый закон должен был в первую очередь защищать интересы должника. Однако чрезмерное наделение должника правами может свести на нет всю работу взыскателя, а значит, его деятельность станет бессмысленной.

Первая попытка решить этот вопрос была предпринята в июле 2011 г., когда Министерство экономического развития РФ представи-

ло свой проект федерального закона «О деятельности по взысканию просроченной задолженности». В пояснительной записке к проекту закона указывалось на необходимость обеспечения защиты интересов всех участников правоотношений, однако анализ текста законопроекта дает основания сделать вывод, что его составители не стремились жестко ограничить деятельность коллекторских агентств. Напротив, они предоставляли им большое количество инструментов для исполнения должником просроченного обязательства.

В частности, наиболее дискуссионным моментом были нормы проекта закона, обязывавшие органы государственной власти и юридические лица, в том числе Центральный банк РФ и другие банки, предоставлять по запросу коллекторских агентств всю необходимую информацию, необходимую для погашения задолженности. Эти предложения вызвали серьезные споры. Так, Роспотребнадзор посчитал недопустимым выдачу коллекторам информации от банков, поскольку это, по его мнению, нарушает банковскую тайну. При этом Президиум ВАС РФ в информационном письме от 13 сентября 2011 г. № 146 выразил противоположную позицию.

Также проект закона большое внимание уделил объединению коллекторских агентств в форме саморегулируемых организаций (далее: СРО). Предполагалось, что орган государственного контроля будет контролировать не работу непосредственно коллекторских агентств, а СРО этих агентств. По сути, контроль над коллекторами должны были бы осуществлять сами коллекторы через свои же саморегулируемые организации.

Очевидно, что целью разработчиков законопроекта были не столько обеспечение и защита прав граждан, сколько увеличение показателей возврата просроченных задолженностей и исполнения обязательств. Таким образом, кредиторы и взыскатели оказывались в более выгодном положении по отношению к должникам. Проект закона получил много негативных отзывов, и в первую очередь от Роспотребнадзора, подвергшего данный документ серьезной критике. В результате законопроект не был одобрен и до рассмотрения в Федеральном собрании РФ не дошел.

В сентябре 2011 г. депутат А. Г. Аксаков внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона № 601106-5 «О защите прав и законных интересов физических лиц при взыскании задолженности». В нем было предусмотрено установление принципов взимания задолженности, закрепление объемного перечня понятий, прав и обязанностей кредиторов и коллекторов. А. Г. Аксаков тоже выступил за создание СРО коллекторских агентств, но по своей сути его вариант во многом стал противоположностью законопроекту, подготовленному Минэкономразвития.

К сильным сторонам нового проекта можно отнести предложение об установлении допустимого времени звонков, закрепление

юридической ответственности СРО за действия своих членов и ряд других интересных и полезных инициатив, часть которых, к сожалению, впоследствии не была востребована законодателем. При этом в тексте заметны принципиальные недостатки как юридического, так и стилистического характера. Не было понятно, о каком именно уполномоченном органе государственной власти идет речь; и явно прослеживалась недостаточность контроля над коллекторами со стороны органов власти. Многие предложенные нормы носили декларативный характер, были плохо конкретизированы и обладали рядом иных недостатков. Возможно, именно осознание недоработанности документа и послужило причиной отзыва законопроекта самим А. Г. Аксаковым.

В дальнейшем тема создания системы правового регулирования коллекторской деятельности получила дальнейшее развитие. Положительное значение имело принятие в 2013 г. федерального закона № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)». Так, например, ст. 15 устанавливала рамки возможных способов взаимодействия между взыскателем и должником; время, в течение которого могли производиться телефонные звонки; запрещала осуществлять в отношении должника противоправные действия. Эти нормы можно считать первыми ограничениями деятельности коллекторов в России на законодательном уровне. Большое внимание также было уделено в законе правилам составления договора о потребительском кредите в целях защиты интересов должника. Не удивительно, что принятие этого закона вызвало недовольство со стороны представителей коллекторских агентств.

Однако стоит сказать, что на практике и этот закон оказался лишь полумерой. Во-первых, он не устанавливал никакого контроля непосредственно над коллекторскими агентствами со стороны определенного органа государственной власти, а лишь вводил ограничения их деятельности при осуществлении взыскания просроченной задолженности. Во-вторых, закон изначально не подразумевал защиту граждан при возврате просроченной задолженности некредитным финансовым организациям, к которым в соответствии с федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» относятся микрофинансовые организации и ломбарды, также имеющие право выдавать денежные займы. В-третьих, законодатель не позаботился о введении административной или уголовной ответственности представителей коллекторских агентств за нарушение требований законодательства. Помимо этого закон не решал вопрос банковской тайны, а, напротив, создал правовую коллизию [2, с. 24].

Таким образом, закон лишь отчасти защищал права и законные интересы граждан при возврате просроченной задолженности и не мог обеспечить им полную защиту от действий коллекторов. Проблема так и не была решена.

К обсуждению по вопросу принятия закона законодатель вернулся в конце 2014 г. «Катализатором» событий послужило ухудшение

экономической ситуации в стране: падение цен на нефть и введенные в отношении Российской Федерации санкции. Наблюдалось снижение реальных доходов граждан. В этих условиях к середине февраля 2016 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату долгов», который после доработки был принят как федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”».

Закон стал первым регулятором коллекторской деятельности, определив статус коллекторских агентств, их права и обязанности, особенности создания. Была введена система надзора за коллекторскими агентствами. Обязанности по надзору были возложены на Федеральную службу судебных приставов. Наконец, федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 231-ФЗ была введена административная ответственность за нарушение коллекторами действующего законодательства. Хотя закон до сих пор имеет недостатки, цель законодателя — введение правового регулирования была достигнута.

Библиографический список

[1] *Белобабченко М. К.* Проблемы правового регулирования коллекторской деятельности // Журнал российского права. — 2016. — № 11 (239). — С. 30–36.

[2] *Лазаренкова О. Г.* Некоторые проблемы правового обеспечения коллекторской деятельности в банковской сфере // Банковское право. — 2015. — № 3. — С. 21–26.

УДК 342.9

*Гавина Наталья Евгеньевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Компетенция судов по делам об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении

В соответствии с ч. 2 ст. 46, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ решения органов государственной власти, должностных лиц могут быть обжалованы в суд в соответствии с установленной законом подсудностью.

© Гавина Н. Е., 2019

Согласно ч. 3 ст. 30.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее: КоАП РФ) и норм § 2 гл. 25 Арбитражного процессуального кодекса РФ, дела об обжаловании постановлений административных органов о привлечении юридических лиц к административной ответственности относятся к компетенции арбитражных судов.

В то же время единый подход к применению и толкованию судами приведенных норм процессуального права отсутствует. Так, в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 24 марта 2005 г. и Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2014) установлено, что споры, связанные с привлечением юридического лица к административной ответственности не в ходе осуществления им предпринимательской либо иной экономической деятельности (например, при совершении юридическим лицом административного правонарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда, т. е. в случае нарушения отдельных составов гл. 5, 6, 8, 12 КоАП РФ), относятся к компетенции суда общей юрисдикции.

Однако уже в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016) указанная категория споров вне зависимости от объективной стороны административного правонарушения юридического лица отнесена к компетенции арбитражного суда.

В современной науке административного права отсутствует единый подход к разграничению компетенции между арбитражным судом и судом общей юрисдикции по рассмотрению дел об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении, к устранению ее «двойственности», возникшей на основании противоречия правовых норм и актов толкования права.

Например, П. А. Гришин, основываясь на определении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 261-О, полагает, что в случае отсутствия экономической составляющей в споре с участием юридического лица его рассмотрение относится к компетенции суда общей юрисдикции [2, с. 51]. Ю. Г. Гвоздев считает, что, если иное не предусмотрено законом, споры (в том числе об обжаловании постановлений по делу об административном правонарушении) с участием юридического лица относятся к компетенции арбитражного суда [1, с. 72]. Т. И. Отческая придерживается точки зрения, что данная категория дел относится к компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции [3, с. 97].

Таким образом, существует «двойственная» компетенция судов по рассмотрению дел об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении: данную категорию дел уполномочен рассматривать как арбитражный суд, так и суд общей юрисдикции. При этом критерий разграничения компетенции указанных судов законодательно не закреплен.

В судебных актах Верховного Суда РФ сделана попытка разграничения компетенции арбитражного суда и суда общей юрисдикции при рассмотрении дел об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении, в качестве критерия в которых установлена связь совершенного административного правонарушения с предпринимательской либо иной экономической деятельностью субъекта. Однако судебная практика противоречива.

Существующая «двойственная», пробельная компетенция судов по рассмотрению дел об обжаловании юридическим лицом постановления по делу об административном правонарушении существенно ослабляет механизм защиты прав и законных интересов юридических лиц, приводит к судебной неопределенности, увеличению нагрузки на судебную систему и нарушению гарантированного каждому конституционного права на судебную защиту. В связи с этим представляется необходимым разграничить компетенцию арбитражных судов и судов общей юрисдикции на законодательном уровне.

Библиографический список

[1] *Гвоздев Ю. Г.* Подведомственность дел по спорам, возникающим из административных правонарушений // Вестн. Арбитражного суда Московского округа. — 2017. — № 1. — С. 64–72.

[2] *Гришин П. А.* Споры о нарушениях, не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности: судебный, административный и самостоятельный порядок защиты // Вестн. арбитражной практики. — 2018. — № 3. — С. 49–56.

[3] *Отческая Т. И.* Некоторые процессуальные аспекты рассмотрения в арбитражных судах дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6. — С. 91–100.

УДК 343.3

*Денисенко Кристина Андреевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Некоторые проблемы определения момента окончания получения взятки и его влияние на квалификацию преступления

На протяжении долгого времени квалификация взяточничества вызывает трудности и разногласия у ученых и правоприменителей.

© Денисенко К. А., 2019

Одной из таких проблем является определение момента окончания получения взятки.

Пленумом Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 в п. 10 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» обозначена правовая позиция относительно момента окончания преступления: получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей, при этом не имеет значения, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему ценностями по своему усмотрению».

Вместе с тем в теории уголовного права по данному вопросу возникли многочисленные дискуссии.

Ряд авторов полагают, что получение взятки должно считаться оконченным с момента, когда получатель незаконного вознаграждения имеет реальную возможность воспользоваться им в своих целях [5, с. 35].

Так, Ю. Е. Пудовочкин отстаивает точку зрения о признании получения взятки оконченным с того момента, когда у получателя переданных ему ценностей появилась реальная возможность пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению незаконным вознаграждением [3, с. 97]. В основу такого подхода положены аргументы о корыстном содержании получения взятки. Поэтому, пока у лица нет возможности реализовать корыстную цель, преступление не подлежит признанию оконченным [2, с. 54].

Необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда РФ от данного подхода отказался, аргументировав тем, что состав преступления получения взятки относится к формальным, его основным непосредственным объектом являются общественные отношения в области государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а не отношения собственности. Следовательно, вред причиняется непосредственно государственной власти, а не собственности. При этом не будет иметь значение наличие реальной возможности пользоваться или распорядиться переданными средствами.

В теории уголовного права и в правоприменительной практике возникают проблемы в связи с определением момента окончания деяния получения взятки в значительном, крупном или особо крупном размере при получении части ценностей, которые не составляют такого размера, несмотря на то что он предполагается.

Так, постановлением Президиума Архангельского областного суда от 13 июня 2018 г. № 44у-23 /2018 квалифицировано как оконченное преступление получение взятки в крупном размере оперативным уполномоченным отдела по борьбе с экономическими преступлениями за совершение им незаконных действий по прекращению про-

верок в отношении предпринимателя К., хотя до своего задержания сотрудниками ОБЭП оперативник получил только часть оговоренной суммы. Такой подход соответствует правовым позициям, изложенным в абз. 2 п. 10 постановления Пленума № 24.

Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, предлагаются следующие варианты квалификации.

А. В. Грошев, например, указывал, что преступное деяние должно быть квалифицировано как оконченное преступление, которое совершено в значительном, крупном и особо крупном размере, с момента принятия любой части (независимо от размера) вознаграждения взяточполучателем, если у него имелся умысел на получение взятки в соответствующем размере [4, с. 198].

Другие авторы придерживаются мнения, что содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений как покушение на преступление в крупном размере и как оконченное преступное деяние с учетом фактического определения суммы взятки [4, с. 198].

По мнению А. О. Безверхова, В. Шумихина и других авторов, преступление должно быть квалифицировано только как покушение на преступление, которое совершено в значительном, крупном и особо крупном размере. Дополнительная квалификация при этом не требуется [4, с. 199].

Сторонники первого варианта основывают свою позицию на общем правиле о моменте окончания преступления в виде получения взятки. Согласно разъяснению Пленума ВС РФ, «если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном, крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере».

Таким образом, Пленум ВС РФ указывает, что, даже если преступникам не удалось реализовать до конца свою корыстную цель, преступление все равно считается оконченным, если такой размер был предусмотрен их умыслом. Но ведь содеянное не было совершено до конца, а корыстная цель не реализовалась. Более того, возможно такое деяние и не совершилось бы, ибо бывают различные ситуации. Например, взяткодатель, пообещав заплатить крупную сумму частями, в итоге по тем или иным причинам не рассчитывается с взяточполучателем до конца, а ответственность взяточполучатель должен нести по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Единственным пояснением такой точки зрения Пленума ВС РФ была формулировка «так сложилась судебная практика» [2, с. 60].

Такое разъяснение не соответствует общему правилу оценки посягательств при частичной реализации умысла. Вполне рационально

было бы использовать данный подход к усеченным составам преступления, но такой состав, как получение взятки, является формальными.

Также необходимо обратить внимание на то, что размер взятки является признаком объективным, а не субъективным, а значит, для того чтобы преступление имело место, необходимо наличие всех объективных признаков, т. е. суммы в значительном, крупном и особо крупном размере [6, с. 5]. Необходимо обратить внимание на данную проблему, ведь каждое лицо должно нести ответственность только за то деяние, которое оно фактически совершило на данный момент, а не за то, что оно намеревалось совершить. Позиция Пленума ВС РФ ухудшает положение виновных лиц, поскольку вместо покушения на преступление они несут ответственность за оконченное преступление, при этом не реализовав свой умысел до конца.

Второй вариант квалификации базируется на том основании, что состав данного преступления является формальным, размер взятки служит объективным признаком, а для того чтобы преступление считалось оконченным, необходимо чтобы должностное лицо полностью получило назначенную сумму. Поскольку это не было доведено до конца, теоретики предлагают квалифицировать данное деяние как покушение на дачу, получение либо посредничество в значительном, крупном или особо крупном размере. При этом ученые предлагают квалифицировать такое деяние по совокупности преступлений, исходя из фактического размера взятки, который был передан и получен преступными лицами.

Третий вариант предполагает квалификацию преступления только как покушения на получение, дачу либо посредничество во взятке соответствующего размера.

В теории подержана точка зрения о том, что для квалификации незаконного вознаграждения как взятки в крупном размере необходимо получение должностным лицом имущественных выгод в установленном законом конкретном размере [1, с. 81]. Следовательно, получение такой суммы, которая не соответствует сумме, установленной законом для квалификации взятки в значительном, крупном либо особо крупном размере, не должно считаться оконченным преступлением, ибо, во-первых, умысел виновного должен быть направлен на получение взятки в крупном размере, а для того чтобы преступление считалось оконченным, преступник должен полностью реализовать этот умысел, т. е. получить ценности в крупном размере; во-вторых, независимо от того, что в составе ст. 290 УК РФ в качестве обязательного признака преступления не предусмотрено цели или мотива данного деяния, они с очевидностью вытекают из смысла уголовно-правовой нормы, регламентирующий данный состав, — это корысть.

Таким образом, если взятка не была получена в размере, который был охвачен умыслом преступника, преступление нельзя считать оконченным.

Как следствие получение взятки в значительном, крупном и особо крупном размере должно считаться оконченным только тогда, когда фактическая сумма, полученная взятокополучателем, соответствует сумме, указанной в законе. При этом размер должен непосредственно зависеть от таких факторов, как умысел и корысть.

Библиографический список

[1] *Борков В. Н.* Новый способ получения взятки и реабилитация «мелких» взяточников // Современное право. — 2017. — № 1. — С. 81–86.

[2] *Борков В. Н.* Законодатель уточнил основания ответственности за взяточничество // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 2 (20). — С. 54–61.

[3] *Пудовочкин Ю. Е.* Получение взятки как корыстное преступление // Уголовное право. — 2013. — № 5. — С. 97–99.

[4] *Гуляева Э. В.* Проблемы квалификации получения взятки по моменту его окончания // Молодой ученый. — 2018. — № 24. — С. 198–201.

[5] *Шарапов Р. Д.* Момент окончания взяточничества // Криминалистика. — 2018. — № 1 (18). — С. 35–39.

[6] *Щепельков В. Ф.* Позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно момента окончания получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве, коммерческого подкупа // Криминалистика. — 2014. — № 1(14). — С. 3–9.

УДК 342.951

*Теляшев Эмиль Вадимович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Зарубежный опыт противодействия коррупции органами публичной администрации и его имплементация в России

Страны Северной Европы уже не первый год занимают лидирующие места в рейтинге Трансперенси Интернешнл. Для Финляндии и Швеции антикоррупционная деятельность — это политика всего государства и общества, как, например, построение государства по социально-адаптированной модели включающая улучшение

© Теляшев Э. В., 2019

уровня жизни населения, рост ВВП, где есть выработанная система взаимоотношений государственных органов, менталитет населения, действующее уголовное законодательство (которое не меняется) и иные факторы.

Первым инструментом является формирование менталитета населения и неприязни граждан Финляндии и Швеции к коррупции. Главной движущей силой наиболее успешной западной модели является все гражданское общество: воспитание, этика, общепризнанная система ценностей в этих странах таковы, что подавляющее большинство граждан считают незаконное обогащение с использованием служебного положения чем-то абсолютно недопустимым. Например, известная шведская сеть магазинов ИКЕА позиционирует себя как противник коррупции и применяет различные санкции к своим руководящим сотрудникам уже на стадии подозрения их в коррупции [6]. В России формирование нетолерантного отношения к коррупции пока недостаточно эффективно [12] [13].

Второй инструмент — проведение эффективной политики в области заработной платы. В Финляндии наибольший доход имеют те лица, которые работают в государственном аппарате и занимают руководящие должности: главные врачи, мэры, их заместители и т. д. Их доход в основном составляет от 7,5 до 10 тыс. евро в месяц [15].

Третьим инструментом является низкий уровень бюрократизма и межведомственное взаимодействие государственных органов Финляндии.

Четвертый инструмент — это беспрецедентная прозрачность государственных органов перед гражданами, а граждан — как перед государственными органами, так и друг перед другом. В Швеции без затруднений можно узнать о заработной плате любого гражданина, будь то чиновник или сосед [16].

Пятый инструмент — эффективный общественный контроль за деятельностью, как чиновников, так и бизнесменов. Основную роль в осуществлении этого контроля играют СМИ, мгновенно предающие огласке любые случаи коррупции, невзирая на должности и положение в обществе замешанных в них лиц.

Шестой инструмент — уголовная ответственность. В Финляндии, как и в Швеции, в борьбе с коррупцией не делается высокий акцент на уголовную ответственность, что подтверждается отсутствием слишком суровых наказаний. Уголовное преследование имеет лишь вспомогательную роль.

В странах Северной Европы выстраивается внутренняя среда управления, для минимизации уровня коррупции само государство привлекает широкий круг лиц, все общество и весь государственный аппарат контролируют, чтобы ни чиновники, ни начальство на работе, ни коллеги, ни соседи по дому не злоупотребляли своим положени-

ем, не пытались решить свои вопросы и проблемы через знакомых и друзей.

Среди стран Азии наиболее важным для рассмотрения является Сингапур. Эта страна славится своим особым подходом к борьбе с коррупцией. Первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю продвигал борьбу с коррупцией с момента получения государственной независимости в 1965 г.

Во-первых, Ли Куан Ю посчитал, что повышение заработной платы не только снизит вероятность получения взятки со стороны государственных служащих, но и даст возможность специалистам высокого уровня не уходить в частный сектор. Изначально увеличение было почти в 2 раза: с 2500 до 4500 сингапурских долл. [1]

Во-вторых, Ли Куан Ю была проведена реорганизация, после которой в состав сотрудников Бюро по расследованию коррупции принимались лица, не имеющие отношения к государственной службе, правоохранительным органам. Основным критерием были успешные показатели в учебе и общественной деятельности молодого специалиста. Бюро имело право без решения суда задерживать и обыскивать подозреваемых в коррупционной деятельности, проверять их банковские и долевого счета [5].

В-третьих, с 1963 г. была ликвидирована анонимность, то есть ввели обязательное правило для свидетелей, вызываемых Бюро для дачи информации, представить себя. Дача ложных показаний или введение следствия в заблуждение стало нарушением, каравшимся тюремным заключением и штрафом до 10 тыс. сингапурских долл. или около 6,5 тыс. евро. Суды были уполномочены проводить конфискацию доходов, полученных в результате коррупции [2].

В-четвертых, независимые и объективные СМИ. Главной задачей СМИ в вопросе борьбы с коррупцией было публиковать на первых страницах газет информацию о коррупционных преступлениях. Практически любое дело, которое рассматривалось Бюро, должно было быть опубликовано в газете. Также отсутствовал запрет на зарубежные газеты. В частности, в Сингапуре продавались газеты Британии, Китая, Малайзии. В этом отношении Сингапур воспринял позитивный опыт не только Северной Европы, но и других демократических стран: например, журналистскую практику в США 1970-х гг. [9] [10].

В-пятых, уголовная ответственность. Уголовный кодекс Сингапура предусматривает за различные коррупционные преступления (получение государственным служащим вознаграждения, получение вознаграждения с целью незаконного влияния на государственного служащего, получение вознаграждения с целью личного влияния на государственного служащего и т.д.) наказания до трех лет лишения свободы либо в виде штрафа. Этот уголовный закон разделяет ответ-

ственность за коррупционные преступления, совершенные государственным служащим и иным лицом.

На опыте рассмотренных стран стоит отметить несколько инструментов, которые Россия использует в антикоррупционной политике.

Во-первых, в нашей стране все органы осуществляют противодействие коррупции, но в качестве основных можно выделить Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Министерство юстиции Российской Федерации, причем названный Совет не получил напрямую статуса органа по предупреждению коррупции, хотя именно в таком качестве он позиционируется [11].

Второй инструмент — оплата труда. Правительство России активно практикует практику повышения заработной платы федеральным государственным служащим. Так, в 2018 г. самыми высокооплачиваемыми федеральными чиновниками стали сотрудники аппарата Правительства РФ, где среднемесячное довольствие достигло 240,4 тыс. руб. Сотрудники Администрации Президента РФ ежемесячно зарабатывали 236,7 тыс. руб. [7] Большой рост зарплат в этих федеральных государственных органах обусловлен необходимостью удержать квалифицированные кадры и снизить возможные коррупционные риски.

Однако, например, в Федеральной службе судебных приставов денежное довольствие значительно ниже [4] и не превышает (без учета премий) 31 тыс. руб. даже для руководителя территориального органа ФССП России. Низкая оплата труда также присуща для органов внутренних дел, где, согласно вакансиям на сайте suretjob.ru по Санкт-Петербургу, не превышает в большинстве случаев 50 тыс. руб. Стоит отметить, что средняя оплата труда по Санкт-Петербургу на конец 2018 г. составляла 60 тыс. руб. [8] Следует подчеркнуть, что наибольшее количество коррупционных преступлений в 2018 г. было возбуждено в отношении сотрудников органов внутренних дел [3].

Третий инструмент — общественный контроль. В настоящее время в нашей стране действуют различные субъекты общественного контроля [14]: общественные палаты, общественные советы, комиссии по общественному контролю, профсоюзы, их ассоциации и объединения, граждане, их объединения, инициативные группы, некоммерческие негосударственные организации, действующие в общественных интересах.

Четвертый инструмент — уголовное преследование. В нашей стране предусмотрена уголовная ответственность за коррупционные преступления. Данный инструмент постепенно развивается в виде создания новых статей, новых санкций, но широко распространено мнение, что нашему государству присуще избирательное уголовное преследование.

Изучив опыт ряда стран Северной Европы и Азии, можно сделать вывод, что должна быть выработана единая и взаимосвязанная система, состоящая из нескольких элементов:

- независимые средства массовой информации;
- государственная поддержка некоммерческих организаций по борьбе с коррупцией;
- поощрение лиц, которые сообщили и выявили коррупционные преступления, а также их защита;
- создание специализированного и независимого органа, напрямую подчиненного главе государства;
- повышение заработной платы сотрудникам правоохранительных органов и чиновникам;
- изменение системы отчетности государственных служащих перед вышестоящим руководством;
- ликвидация избирательного уголовного преследования, особенно для высокопоставленных лиц;
- эффективный и независимый конкурсный отбор на замещение должностей государственной гражданской службы;
- эффективная обратная связь.

Таким образом, для создания более эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации может быть использован опыт зарубежных стран.

Библиографический список

[1] Как Сингапур победил коррупцию [Электронный ресурс] // Русская семерка [Сайт]. URL: <https://russian7.ru/2015/01/kak-singapur-pobedil-korruptsiyu/> (дата обращения: 13.04.2019).

[2] *Ли Куан Ю*. Сингапурская история: из «третьего мира» — в «первый» [Электронный ресурс] URL: https://olzublog.files.wordpress.com/2016/09/singapoor_story.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

[3] Обнаружен главный рассадник коррупции в России [Электронный ресурс] // Лента.Ру [Сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/12/09/korr/> (дата обращения 01.05.2019).

[4] Оплата труда федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов ФССП России [Электронный ресурс] // Федеральная служба судебных приставов (ФССП России) [Сайт]. URL: http://fssp.rus.ru/oplata_truda_sluzhashhikh_territorialnykh_organov_fssp_rossii/ (дата обращения 01.05.2019).

[5] Опыт Сингапура в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга» [Сайт]. URL: http://www.gugenplan.spb.ru/UserFiles/BUKLET_singapore_22.06.2018.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

[6] Основателя IKEA достала коррупция в России [Электронный ресурс] // Деловой Петербург [Сайт]. URL: https://www.dp.ru/a/2010/12/13/Osnovatelja_IKEA_dostala_k (дата обращения: 25.04.2019).

[7] Росстат раскрыл зарплаты чиновников в 2018 году [Электронный ресурс] // РБК [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/03/2019/5c792e539a79471eb93a4007> (дата обращения 01.05.2019).

[8] Средняя зарплата в Петербурге выросла на 6 400 рублей [Электронный ресурс] // МК.ru [Сайт] : электронная газета. URL: <https://spb.mk.ru/economics/2019/03/25/srednyaya-zarplata-v-peterburge-vyrosla-na-6-400-rublej.html> (дата обращения 01.05.2019).

[9] Трофимов Е. В. Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. // Право и политика. — 2019. — № 2. — С. 30–48.

[10] Трофимов Е. В. Международно-правовые инициативы 1970-х гг. по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций // Международное право. — 2019. — № 1. — С. 45–66.

[11] Трофимов Е. В. Национальный орган по предупреждению коррупции (по международному и административному праву) // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 11 (114). — С. 303–308.

[12] Трофимов Е. В. Об административно-правовых средствах повышения уровня нетерпимости к коррупции // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 7. — С. 102–105.

[13] Трофимов Е. В. Эффективность правового (антикоррупционного) просвещения целевой аудитории в контексте формирования нетерпимости к коррупции // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы III всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 1 дек. 2017 г.) / редкол.: Д. В. Рыбин [и др.]. — СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 144 с. — С. 139–144.

[14] Шедий М. В. Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 2. — С. 123–130.

[15] 1000 ammatin palkat — katso pärjäätkö vertailussa [Электронный ресурс] // taloussanommat [Сайт]. URL: <https://www.is.fi/taloussanommat/art-2000001676515.html> (дата обращения: 25.04.2019).

[16] Weller Chris. Swedes can find out each other's salaries with just one phone call — but there's a catch [Электронный ресурс] // Business Insider [Сайт]. URL: <https://www.businessinsider.com/sweden-salaries-freely-available-2017-4> (дата обращения: 21.04.2019).

Значение юридической герменевтики в правовом просвещении

Право на получение правовой информации от представителей публичной власти корреспондирует обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления предоставлять требуемые сведения о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина.

Юридическая грамотность населения в правовом государстве является одной из актуальнейших тем. В публицистике неоднократно подчеркивается, что каждый гражданин должен иметь минимальный объем правовых знаний, необходимых для решения конкретных жизненных вопросов с позиции закона [9].

Однако не отпадает проблема того, что в условиях сложной правовой системы гражданину Российской Федерации тяжело ориентироваться в законодательстве и принимать верные правовые решения. Научной прессой подчеркивается, что знать закон — это понимать его [5]. В этой связи юридическая герменевтика обретает особое практическое значение.

В ч. 3 ст. 15 Конституции РФ закреплено, что законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются. Кроме того, норма ч. 2 ст. 29 Конституции РФ обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

При этом Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3-П указал, что доступность правовой информации может быть ограничена только на основании ее содержания, но не методов и форм ее распространения.

Представляется, что правовая информация может распространяться любым незапрещенным способом. Ее можно преобразовывать в более простой формат, чтобы обеспечить больший шанс правильного понимания гражданином закона.

Сегодня вопросы правового просвещения отражены более чем в 16 федеральных законах, а также во многих актах региональных и муниципальных органов власти. Однако практически ни в одном из них не говорится об обязательном доведении до понимания гражданина текста юридической нормы.

Затруднения в использовании человеком юридической информации оказывают негативное воздействие на реализацию всего объема его прав [4]. И если в некоторых принципиально важных вопросах действуют механизмы, обеспечивающие осведомленность гражданина о своих правах и юридическом значении совершаемых им действий (например, для подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в уголовном судопроизводстве, для сторон сделок, требующих обязательной нотариальной формы), то в подавляющем большинстве случаев социально значимые законные интересы человека и гражданина отдаются на откуп случаю.

Задача юридической герменевтики состоит в методологическом обеспечении перехода от понимания смысла нормы права к объяснению его сущности [1]. Такой переход представляет собой не что иное, как процесс познания, результатом которого является нахождение единственно правильного варианта интерпретации общеправовых предписаний относительно конкретной правовой ситуации [3].

Применение юридической герменевтики в правовом просвещении повысит эффективность распространения юридической информации. Конвертирование сложных и объемных правовых данных в простой формат сведений, создает наибольшее благоприятствование в ознакомлении с текстом закона.

Без понимания сути юридической нормы процесс распространения правовой информации теряет свой смысл. Правовая информация сегодня предоставляется в исходном виде текста закона. Только при наличии времени и желания служащих гражданину может быть предоставлена более подробная информация о правах, свободах, законных интересах, обязанностях и правовых последствиях выбора действия (бездействия) [2].

Разумеется, необходимо отразить в законе вопросы правового просвещения и распространения юридической информации. Однако ввиду массовости мероприятий следует перейти к новому этапу развития данного направления.

Необходимо создать условия, позволяющие среднестатистическому гражданину правильно понимать закон и знать о правовых последствиях того или иного поведения. Недостаточно только знать о наличии закона — важно еще и иметь представление о способах его применения на практике [6].

Именно такую цель должен преследовать процесс распространения юридической информации. Следует отразить в законе обязанность организаторов правового просвещения соблюдать единые методологические предписания, базирующиеся на юридической герменевтике. При этом разработку методики целесообразно возложить на Минюст России, поскольку одной из его задач выступает правовое просвещение.

На основании настоящего исследования можно сформулировать ряд основополагающих выводов.

В условиях сложной правовой системы неподготовленному гражданину тяжело ориентироваться во всем объеме нормативных правовых актов.

Сегодня юридическая информация стала более доступной, однако вопрос ее понимания остается весьма актуальным. Иногда даже профессиональному юристу трудно воспринять ее с первого раза [8]. В законах отражены вопросы правового просвещения, но только в контексте предоставления юридической информации в ее исходном виде. Обязанность доведения до понимания гражданина текста закона нормативно не закреплена.

Без возможности корректно воспринимать смысл юридической нормы и правильно применять ее на практике предоставление правовой информации теряет свой практический смысл [7]. В этой связи следует усовершенствовать правовое просвещение путем внедрения методологии юридической герменевтики, направленной на обеспечение понимания смысла, заложенного законодателем в правовую норму.

Библиографический список

[1] *Атагимова Э. И., Макаренко Г. И.* Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. — 2015. — № 1. — С. 64–67.

[2] *Барабаш О. В., Мартынова О. А.* Юридическая герменевтика и проблемы толкования законодательных актов // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». — 2012. — № 5. — С. 14–19.

[3] *Гулик А. Г.* Сущность интерпретации в юридической герменевтике // Инновационная наука. — 2017. — № 11. — С. 109–111.

[4] *Зейналов И. Ш. о.* Право на юридическую информацию и правовое просвещение граждан Российской Федерации // Сб. тезисов работ участников XIII всерос. конкурса молодежи образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива» / под ред. А. А. Румянцева, Е. А. Румянцевой. — М.: НС «ИНТЕГРАЦИЯ», 2018. — С. 219–221.

[5] *Кара-Мурза Е. С.* Юрислингвистическая точка зрения на юридическую герменевтику // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. — 2016. — № 3. — С. 136–142.

[6] *Миронова Ю. В.* Правовые основы государственного управления правовым просвещением // Административное право и процесс. — 2015. — № 9. — С. 77–81.

[7] *Рыбаков О. Ю.* Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. — 2017. — № 3. — С. 71–76.

[8] Селютина Е. Н., Холодов В. А. Методологические проблемы юридической герменевтики // Вестн. Поволжск. ин-та управления. — 2016. — № 1. — С. 60–67.

[9] Троян Н. А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан // Мониторинг правоприменения. — 2017. — № 3. — С. 77–84.

УДК 342.723

*Мыслова Татьяна Дмитриевна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Коллизия общего и специального правового статуса личности в современном обществе

В доктрине юриспруденции отмечено, что между законодательно определяемым правовым положением личности и его практической реализацией всегда есть правовой разрыв [1, с. 19]. Формируется мнение, что права, свободы и законные интересы личности в юридических спорах, при правонарушениях и в иных подобных ситуациях требуют усиленных мер по обеспечению их надлежащей защиты [2, с. 106].

Однако в этой части возникает трудность, обусловленная поиском баланса интересов одного человека и общества в целом. Проблемой современного правового регулирования является столкновение личных прав и свобод с публично-правовыми установками. Как правило, это возникает при реализации права.

Согласно ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В литературе отмечено, что права и свободы, а также законные интересы человека и гражданина корреспондируют с недопустимостью их нарушения, т. е. создается обязанность каждого воздерживаться от противоправных действий, направленных на необоснованное посягательство [3, с. 254].

Нормы международного права, российское законодательство, а также национальное право иных государств не предусматривают в своем содержании норму-дефиницию, которая раскрывает понятие и смысловую суть «правового статуса личности».

В доктрине права под правовым статусом личности общепринято понимать установленное законодательством и юридически гаранти-

рованное правовое положение конкретной личности в государстве и обществе [7, с. 165]. Правовой статус человека и гражданина отражает его социально-правовую позицию в обществе посредством предписания соответствующих прав и обязанностей, а также мер ответственности за противоправное поведение [4, с. 32].

По мнению юристов-правоведов, права и обязанности составляют фундамент правового статуса личности [5, с. 48], образуют его юридический статус в обществе. Человек наделяется равными правами и свободами с окружающими его людьми.

Представленная позиция обеспечивает возможность дифференцировать правовой статус личности на общий, специальный и индивидуальный. Общий статус определяется основами нормативно-правового конституционного регулирования общественных отношений. Он является идентичным для каждого человека вне зависимости от индивидуализированных характеристик.

Специальный статус базируется на нормах специального законодательства и адресуется отдельным категориям граждан в зависимости от определенных характеристик (военнослужащий, студент и иные категории). Индивидуальный статус персонализирован по отношению к конкретному человеку в зависимости от индивидуализирующих критериев (пол, возраст, должность, стаж трудовой или иной деятельности). Последний определяет перечень персонифицированных прав и обязанностей.

В ряде случаев закон сам выделяет отдельных граждан в специальную категорию. Это ярко выражается в процессе ограничения прав, предоставления индивидуальных возможностей и т. д. Например, право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) может быть ограничено в соответствии с положением п. «г» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении», предусматривающим право представителей государственной власти осуществлять проверку жилого помещения. Не каждый заинтересован в этом, однако такие мероприятия оправдываются политикой обеспечения общественной безопасности.

Особый статус личности также определяется через нормы правового регулирования, распространяющие свое действие на отдельные категории субъектов правоотношений. Например, гражданин, поступивший в соответствии с законодательством Российской Федерации на государственную гражданскую службу федерального (регионального) уровня, автоматически приобретает специальный статус, обуславливающий объем его прав, обязанностей и ограничений.

Так, согласно ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе», государственному гражданскому служащему запрещается приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход. Иным примером может служить специальный статус обучающихся.

Гражданин, проходящий обучение в образовательной организации, имеющий статус учащегося, например студента, вправе обучаться по индивидуальному учебному плану, в том числе проходить ускоренное обучение в пределах осваиваемой образовательной программы (ст. 34 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Особый статус личности строго персонализирован. Он основывается на том, что нормы права, обуславливающие права, обязанности или ограничения, адресуются конкретному человеку в зависимости от его качественных характеристик.

Например, согласно ст. 82 Конституции РФ, при вступлении в должность Президент РФ приносит народу присягу. Ключевыми словами присяги являются «полномочия Президента Российской Федерации», т. е. данную присягу имеет право и обязан приносить только Президент России, что автоматически персонифицирует его индивидуальный правовой статус [6, с. 19].

Подводя итоги настоящего исследования, формулируем следующий вывод: Конституция устанавливает единый и общий правовой статус каждого человека, однако общий юридический статус личности будет отличен от статуса тех граждан, в отношении которых имеются специальные нормы закона.

Такое положение выводит отдельных граждан в специальную категорию населения по причине ограничения в правах, исполнения особых обязанностей, специального юридического статуса или привилегий (льгот) и т. д.

Общий правовой статус личности идентичен по объему прав для каждого человека и гражданина и тем самым выявляет неразрывную связь между личностью и правовым регулированием общественных отношений.

Перечень прав и свобод может быть ограничен на основании федерального законодательства с последующим преобразованием данного статуса в специальный. Однако те лица, в отношении которых применяются ограничительные меры, обладают общим статусом относительно друг друга, поскольку их полномочия идентичны. Общий правовой статус личности применяется в той мере, в которой не затрагиваются отношения, требующие особого регулирования.

Библиографический список

[1] *Киричек Е. В.* Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение / Е. В. Киричек // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2011. — № 2 (16). — С. 13–22.

[2] *Мархгейм М. В.* Конституционное закрепление присяги в странах Восточной Европы / М. В. Мархгейм, Ф. Ф. Чаплицкий // Научн.

вед. Белгородск. гос. ун-та. Сер.: «Философия. Социология. Право». — 2017. — № 3 (252). — С. 105–108.

[3] *Нарыков Н. В.* Права и обязанности человека в системе социальных норм / Н. В. Нарыков // *Общество и право*. — 2012. — № 2 (39). — С. 253–256.

[4] *Парасюк Е. А.* Гражданское общество: основные принципы и условия функционирования / Е. А. Парасюк // *Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1.: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. — 2008. — № 8. — С. 32.

[5] *Цвык В. А.* Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии / В. А. Цвык // *Вестн. Тюменск. гос. ун-та: Социально-экономические и правовые исследования*. — 2009. — № 4. — С. 44–52.

[6] *Черепанова О. С.* К вопросу о соотношении интересов личности и государства / О. С. Черепанова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2010. — № 2 (12). — С. 17–24.

[7] *Шухов Ф. Г.* Правовое государство: эволюция взглядов и современность / И. А. Наумов, Ф. Г. Шухов // *Изв. РГПУ им. А. И. Герцена*. — 2007. — № 31. — С. 156–162.

УДК 342.723

*Зейналов Ильгам Шахин оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

**Социальная поддержка детей-сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей: реализация
конституционной гарантии права на жилище**

Конституция РФ гарантирует социальную защиту, главной целью которой выступает сдерживание общественного расслоения в части социального обеспечения.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (далее: дети), входят в особую категорию социально незащищенного населения [5]. Реализация и защита их прав, свобод и законных интересов во многом зависят от мер социальной поддержки. Данная категория граждан сталкивается с множеством трудностей до и после достижения совершеннолетия [1].

© Зейналов И. Ш. о., 2019

Актуальность темы исследования заключается в том, что одним из основных элементов защиты является предоставление жилых помещений. В ст. 40 Конституции РФ говорится о всеобщем праве на жилище.

В научной литературе отмечено, что демократические принципы предусматривают максимальную заботу государства о его жителях [4]. При этом в первую очередь такая помощь должна быть направлена на тех, кто в ней нуждается. Заявлен тезис, что обеспечение ребенка жилищем — одна из передовых задач современного общества [3].

Ключевая проблема заключается в том, что без гарантированного жилища дети не могут выступать полноценными и равноправными членами общества. Потому господдержка в получении жилого помещения играет компенсационную роль.

Право на жилище реализуется через обеспечение жилыми помещениями, в числе которых дома, части домов, квартиры, части квартир или комнаты. Однако Жилищный кодекс РФ (далее: ЖК РФ) не включает детей в категорию граждан, имеющих право на заключение договора социального найма. Более того, они не входят в состав населения, нуждающегося в улучшении жилищных условий.

Регулирование вопроса жилищных прав детей осуществляется специализированным законодательством. В ст. 8 федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» устанавливается обязанность публичной власти предоставлять пригодное для проживания жилое помещение детям.

Жилое помещение должно соответствовать требованиям федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и техническим критериям постановления правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47. Однако на практике детей заселяют в жилые помещения, которые не соответствуют жилищным нормам.

Они имеют право подать заявление о проведении ремонтных работ в предлагаемом помещении. Сроки ожидания существенно увеличиваются, поскольку средства на данные мероприятия выделяются исходя из бюджетного следующего года. При этом отсутствуют реальные гарантии финансирования данных мероприятий.

Жилье предоставляется из состава жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений (далее: договор найма). Срок составляет 5 календарных лет с возможностью пролонгации при наличии оснований. При этом в отличие от договора социального найма договоры найма ограничивают право на приватизацию.

Стороны договора в лице нанимателей не приобретают права собственности на жилое помещение и не могут им распоряжаться, поскольку право на жилище предусматривает возможность проживать в

жилом помещении и для этого не обязательно иметь статус собственника недвижимого имущества.

При этом дети отграничиваются от общего числа очередников и включаются в отдельный список нуждающихся в жилье. В юридической прессе отмечается, что специальный жилищный реестр не создает условий для внеочередного получения жилища [6]. Данная позиция заслуживает исследовательской поддержки, поскольку очередь образуется произвольно, исходя из даты принятия на учет.

Однако даже правила о предоставлении жилого помещения вне очереди применяются только при отсутствии жилища. Поэтому в более сложной ситуации находятся дети, которые стоят на очереди, но имеют жилое помещение, не отвечающее жилищным нормам.

Это находит подтверждение в материалах судебной практики. Решением Валуйского районного суда Белгородской области было отказано в удовлетворении заявления Валуйского межрайонного прокурора о предоставлении гражданину У., являющемуся сиротой, жилого помещения вне очереди, поскольку он имеет жилище. Причем в материалах дела указывается, что учетная норма метража не соответствует требованиям жилищного законодательства и фактически гражданин У. не имеет нормальных условий для проживания.

Особый интерес вызывает законодательный подход к предоставлению жилых помещений детям. В постановлении Конституционного Суда РФ от 13 марта 2008 г. № 5-П указывается, что только части комнат не являются самостоятельным объектом жилищных прав. При этом закон не запрещает вселять граждан в части домов или части квартир, т. е. нескольких детей, не являющихся родственниками, можно заселять в части одной квартиры. Дети обеспечиваются жилыми помещениями, но образуется коммунальная квартира. Подобный подход не представляется рациональным. Например, в Санкт-Петербурге такие граждане впоследствии могут претендовать на участие в программе по расселению коммунальных квартир на основании закона Санкт-Петербурга от 2 ноября 2007 г. № 513-101. Жилищные планы на 2018-й и 2019 гг. демонстрируют значительное финансирование данных мероприятий.

Представляется нецелесообразным увеличение роста коммунальных квартир за счет реализации права на жилище. Более рационально аккумулировать имеющиеся средства на приобретение отдельных квартир для детей в текущее время. Это позволит в большей степени сократить будущие расходы, поскольку цены на недвижимость с каждым годом растут.

Подводя итоги, отметим, что дети входят в особую категорию лиц, обладающих правом на содействие государства в реализации права на жилище. Они включаются в специальный список граждан, нуждающихся в господдержке для получения жилья.

Дети заключают договор найма специализированного жилого помещения сроком на 5 лет, по окончании которого обязаны освободить жилище. Дети не могут на постоянной основе проживать в предоставленном им жилом помещении и правом на приватизацию не наделяются. При этом наниматели по договору социального найма обладают правом бессрочного пользования жилым помещением и имеют право его приватизировать. Следовательно, наблюдается неравенство в условиях реализации права на жилище. [2].

С учетом сказанного необходимо пересмотреть некоторые вопросы социальных гарантий в части предоставления детям жилых помещений на безвозмездной основе. Следует создать условия, обеспечивающие устойчивость и реализуемость права на жилище.

Государство обязано создавать и обеспечивать возможность вести достойный образ жизни. Однако без права на жилище это трудно реализовать. Жилищная политика государства должна быть ориентирована на сглаживание неравенства детей-сирот в реализации права на жилище.

Библиографический список

[1] *Андрейко Р. А.* Понятие «Право на жилое помещение» в российском конституционном, гражданском, жилищном, уголовном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 2. — С. 163–168.

[2] *Белолипецкая Г. С.* Реализация государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: тенденции и перспективы // Социум и власть. — 2017. — № 2. — С. 53–58.

[3] *Вещунова Е. В.* Сущность и содержание конституционного права граждан на жилище // Наука. Общество. Государство. — 2017. — № 3. — С. 108–112.

[4] *Жиркова А. А., Чикобава Е. М.* Реализация и защита жилищных прав детей-сирот // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1. — С. 62–67.

[5] *Фролов А. А.* Конституционное право на жилище в СССР и в странах СНГ: историко-правовой анализ // Вестн. СПб ун-та МВД России. — 2017. — № 3. — С. 30–34.

[6] *Фролов А. А.* Проблемы реализации конституционного права граждан на жилище в рамках «Федеральной целевой программы «Жилище» // Вестн. СПб ун-та МВД России. — 2016. — № 4. — С. 72–77.

Смертная казнь и ее восприятие современным российским обществом

Конституцией РФ гарантируется право на жизнь. При этом она запрещает ограничивать человека в данном праве. Тем самым за юридическим статусом человека закрепляется возможность жить. Это естественное право и оно не может отчуждаться.

Однако в настоящее время проблема смертной казни не перестает быть актуальной, поскольку в уголовном законе она по сей день усматривается в качестве одного из видов наказания [3]. В литературе отмечено, что подобные отношения были характерны для обществ с «устарелым» пониманием правопорядка [1].

Заявлен тезис, что применение смертной казни сегодня окажет деструктивное воздействие на глобальный процесс защиты прав человека [2]. Однако законодатель не считает неприемлемым присутствие в Уголовном кодексе РФ (далее: УК РФ) данной нормы.

Примечательно, что нормы международного права позволяют применять смертную казнь. В ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах указано, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Однако при этом отмечается, что в соответствии с законом смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления. Нормы ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека содержат аналогичные указания.

В настоящее время смертная казнь как мера наказания на практике не применяется, а судебные приговоры не исполняются. Однако ее присутствие в УК РФ не противоречит международному праву. Следовательно, «мораторий» на ее применение направлен не на упразднение данного вида наказания, а на временный отказ от нее в качестве государственной санкции за преступления.

Однако в такой ситуации остается неясной судьба неотъемлемости человеческой жизни. Выходит, что законодатель защищает данное право через юридическую практику, а не посредством внесения изменений в УК РФ.

Такой подход взывает наибольший исследовательский интерес. В литературе отмечается, что уголовное наказание отражает потребность общества в справедливости. Смертная казнь является самой жесткой мерой уголовно-исполнительного характера. Человека лишают жизни посредством государственной санкции.

Сегодня государство пользуется монополией на применение силы, включая смертную казнь. Однако истории известен институт кровной мести, который активно применялся обществом в целях возмездия. Такая мера отличается от казни лишь тем, что она не санкционируется государством. Мечь усматривалась в плоскости правового обычая, разработанного предшественниками и передаваемого от поколения к поколению[4].

В этой связи заслуживают внимания степень общественного одобрения и характер восприятия смертной казни. В науке права отмечается, что сведения, получаемые в результате социологических исследований, раскрывают реальную картину текущей ситуации, демонстрируют, в какой мере и в каких сферах различные социальные группы проявляют негативное или позитивное отношение. Представим фрагмент результатов социолого-правового исследования [5].

Таблица 1

Вопрос 1. Следует ли отменить смертную казнь в России?	
Да	89%
Нет	4%
Затрудняюсь ответить	7%

Таблица 2

Вопрос 2. Считаете ли вы, что следует сохранить текущее положение и просто не применять смертную казнь в России?	
Да	83%
Нет	6%
Затрудняюсь ответить	11%

Таблица 3

Вопрос 3. Вы серьезно пострадали от действий преступника, ваше состояние здоровья не позволяет вам вести прежний образ жизни, а невозможность работать приводит к ухудшению положения вашей семьи. Считаете ли вы соразмерным применение смертной казни в данном случае?	
Нет	50%
Да	41%
Затрудняюсь ответить	9%

Таблица 4

Вопрос 4. Ваш близкий родственник стал инвалидом в результате преступления, считаете ли вы, что смертная казнь в данном случае является верным решением?	
Нет	48%
Да	45%
Затрудняюсь ответить	7%

Представленные результаты позволяют сделать вывод о том, что разные общественные группы почти единогласно не одобряют смертную казнь. Однако ситуативно они ее поддерживают, если преступление нанесло тяжкий вред здоровью и жизни потерпевших или членов их семей.

В этой связи вопросы кровной мести не утрачивают своего практического значения. Если преступное деяние не затрагивает личную жизнь и семью потерпевшего, то он нейтрально или неодобрительно относится к смертной казни. В ином случае высказывается противоположная точка зрения.

С учетом множественных пертурбаций общество и государство не готовы уйти от данного вида наказания. Оно присутствует в законе, но не применяется. В СМИ нередко встречаются материалы, свидетельствующие о том, что общество считает недостаточными меры наказания за преступления, имеющие тяжелые последствия.

С 6 августа 1999 г. остается непринятым законопроект, предложенный первым Президентом РФ Борисом Ельциным, в котором предлагается убрать данное понятие из УК РФ. Примечательно, что в 2018 г. в отдельных регионах собирались подписи под петицией о возврате смертной казни. В этом же году на уровне Совета Федерации обсуждался вопрос о допустимости такого наказания для «педофилов», «серийных убийц» и «крупных коррупционеров» [6].

Следовательно, современное общество не готово к отказу от смертной казни. В литературе это объясняется человеческим фактором, который определяется потребностью в справедливости, однако подчеркивается, что при наличии смертной казни неотъемлемость права на жизнь ставится под сомнение [7].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что право на жизнь неотъемлемо. При этом смертная казнь предусмотрена в УК РФ и является единственным законным инструментом, позволяющим лишить человека жизни. Конституция РФ позволяет применять данный вид наказания, но только на основании закона. Однако на практике смертная казнь не применяется. Общественное сознание склонно воспринимать

смертную казнь как негативное социальное явление, но оправдывать ее применение для осуществления целей возмездия. Таким образом, древнейшие предпосылки кровной мести и смертной казни не искоренены из подсознательного представления общества о справедливости и правосудии.

Библиографический список

[1] *Исаев И. А.* Аспекты учредительного насилия: казнь и месть суверена // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 6. — С. 9–15.

[2] *Карагодин А. В., Дорофеева Ж. П.* Смертная казнь: гуманность или справедливость? // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2018. — № 3. — С. 6–10.

[3] *Кизилов А. Ю.* Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // LexRussica. — 2016. — № 12. — С. 79–93.

[4] *Коробеев А. И.* Целесообразность применения такого вида наказания, как смертная казнь // LexRussica. — 2016. — № 7. — С. 190–199.

[5] *Лепешкина О. И.* Смертная казнь в России в контексте мировой тенденции к отмене // Общество и право. — 2016. — № 2. — С. 138–145.

[6] *Малько А. В., Терехин В. А., Афанасьев С. Ф.* Смертная казнь в современной России: не пора ли наконец определиться? // Всероссийский криминологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 79–89.

[7] *Хорев А. В.* Смертная казнь в современном праве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2015. — № 2. — С. 75–81.

УДК 341

*Кучерявая Елизавета Олеговна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Международно-частноправовой аспект института публично-частного партнерства в зарубежных странах

Институт публично-частного партнерства (англ. Public-Private Partnership) широко применяется по всему миру и является эффективным методом развития инвестиционного интереса в различных

© Кучерявая Е. О., 2019

секторах экономики. Публично-частные проекты получили развитие во многих сферах: энергетики, транспорта, образования, здравоохранения и др.

Публично-частное партнерство необходимо для реализации проектов с использованием государственных и частных инвестиций, основой которых служит равноправное сотрудничество.

Публично-частное партнерство охарактеризовано как юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков [1] (а также рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля.

Как инструмент привлечения частных инвестиций для осуществления государственных социальных проектов публично-частное партнерство появилось в Великобритании и Франции.

Великобритания уже более 20 лет применяет механизм публично-частного партнерства для решения важных национальных инфраструктурных вопросов. В 1992 г. правительство Соединенного Королевства представило модель Частной финансовой инициативы (Private Finance Initiative — PFI) [2], в рамках которой формируется консорциум между государством и бизнесом. Создается специальная проектная компания (Special Purpose Vehicle — SPV) с участием инвесторов из частного сектора, в том числе строительных предприятий, поставщиков услуг и кредитных организаций. В зависимости от типа проекта соглашения PFI заключаются сроком на 25–30 лет. На период действия соглашения финансирование консорциума направлено на строительство объекта и проведение его технического обслуживания. На стадии функционирования объекта инфраструктуры в объемах, прописанных в соглашении, осуществляется возмещение средств, инвестированных из государственного бюджета. Во время подготовки проекта при построении финансовой модели определяются периодичность и размер выплат. В течение срока действия соглашения консорциум предоставляет определенные услуги, которые ранее оказывал государственный сектор. На этапе проработки этапов проекта также составляется дорожная карта, которая отражает цели и способы его реализации в рамках консорциума [6]. Если при осуществлении проекта те или иные задачи, прописанные в дорожной карте, не решены, государство имеет право расторгнуть договор и взять на себя ответственность за проект. В 2012 г. правительство Великобритании при-

няло модернизированный проект Частной финансовой инициативы-2 (PFI-2) [5], главной целью которой является соблюдение прозрачной процедуры реализации объекта соглашения между публичным и частным партнером. Проекты публично-частного партнерства регулируются общими нормами права.

Согласно положениям Ордонанса от 17 июня 2004 г. № 2004-559, во Франции государство по партнерскому соглашению поручает частному партнеру реализацию инфраструктурного проекта, распределяя риски и выплаты вознаграждения. Существуют также договоры делегирования публичных услуг (договоры концессии), в которых государство передает частному партнеру ряд полномочий по оказанию публичных услуг с возможностью взимания платы с конечных потребителей [3].

В Германии основная цель публично-частного партнерства состоит в повышении благосостояния общества, создании рабочих мест, развитии инфраструктуры и как следствие в борьбе с бедностью.

По итогам реализации проекта объект соглашения остается во владении публичного партнера, а частный партнер осуществляет управление объектом и оказывает услуги по его техническому обслуживанию на срок до 30 лет. Экономические риски партнеров распределяются в зависимости от утвержденных договоренностей.

В Индии, Сингапуре и Канаде регулирование вопросов публично-частного партнерства осуществляется в соответствии с законодательством о государственных закупках, необязательными руководствами и типовыми контрактами в отношении отдельных разновидностей публично-частных соглашений, общими положениями договорного права, а также с отдельными законами в области публично-частного партнерства в некоторых секторах транспортной инфраструктуры, образования и здравоохранения.

Отсутствие специальных норм контроля реализации публично-частных проектов свидетельствует об эффективности положений гражданского, административного и коммерческого права.

Существует практика принятия законов, регулирующих отдельные инфраструктурные проекты публично-частного партнерства. Такой механизм регулирования характерен для права Израиля.

В государствах, входящих в состав Европейского союза, нет какого-либо особого правового регулирования публично-частного партнерства, за исключением процедур и принципов выбора частного партнера. Применение особой административной процедуры публичных торгов за право заключения концессионного или иного соглашения между публичным и частным партнерами со стороны частного партнера является общим правилом. Общие положения договорного права регулируют порядок исполнения и расторжения соглашения. При этом законодатель подчеркивает, что право Европейского сообщества не разделяет виды организации собственности.

В России результатом детального анализа мирового законодательного опыта в сфере публично-частного партнерства было принятие в 2015 г. федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее: федеральный закон № 224-ФЗ). Проекты публично-частного партнерства структурированы таким образом, что право собственности на построенный или реконструированный объект возникает у частного партнера. Вместе с другими инструментами и гарантиями, предусмотренными законом, это должно дать импульс для развития инфраструктуры за счет частных инвестиций.

В соответствии с положениями закона объектом партнерского соглашения не может быть имущество, в отношении которого установлены принадлежность исключительно к государственной собственности или запрет на отчуждение в частную собственность, что сужает круг объектов партнерства и сокращает возможности использования ряда механизмов взаимодействия публичного и частного партнеров. Обязательный элемент соглашения — возникновение у частного партнера права собственности на объект. Из области применения федерального закона изъяты механизмы публично-частного партнерства, основанные на договорах аренды [4].

Согласно положениям федерального закона, строительство или реконструкция объекта стали обязательными элементами соглашения о публично-частном партнерстве и концессионного соглашения, в результате чего за рамками закона остаются другие способы взаимодействия государства и частного сектора, в том числе аутсорсинг непрофильных функций государственных учреждений социальной сферы, текущий и капитальный ремонт объектов соглашений.

Проекты публично-частного партнерства обеспечивают привлечение иностранных инвестиций в экономику государства. Положения федерального закона № 224 ограничились возможностью участия иностранных инвесторов в проектах публично-частного партнерства. В соответствии с п. 5 ст. 3 федерального закона частным партнером может быть только российское юридическое лицо, с которым заключено соглашение.

Такое ограничение препятствует выводу иностранных инвестиций из страны в случае ухудшения экономической ситуации. В качестве альтернативы для притока инвестиций допускается заключение соглашения с иностранным юридическим лицом при разработке долгосрочного социального проекта. При этом иностранные инвестиции могут быть привлечены на длительный период, а значит, их изъятие из экономического оборота будет затруднено.

Целесообразность инвестиций повышается в результате привлечения частного капитала, в то время как государственная поддержка обеспечивает гарантии безопасности проектов, рассчитанных на развитие российской экономики.

Основное отличие российского законодательства в отношении публично-частного партнерства от зарубежных практик его регулирования заключается в размытости формулировок, применяемых в «рамочном» законе, в отсутствии четкости соблюдения правил регулирования механизма публично-частного партнерства как в нормах, применимых к правам и обязанностям публичного партнера, так и в нормах, применимых к правам и обязанностям частного партнера.

Для решения спорных моментов необходимо привлечение в процесс экономических субъектов всех уровней.

В условиях российских реалий наиболее эффективным путем реализации социальных проектов посредством публично-частного партнерства может послужить принятие законов, регулирующих отдельные уникальные проекты публично-частного партнерства с как можно более прозрачной предварительной процедурой выбора потенциального инвестора и с последующей детальной проработкой норм договоров и соглашений, позволяющих организовать и систематизировать практическую реализацию проектов публично-частного партнерства в России на местном, региональном и федеральном уровнях.

Библиографический список

[1] *Егоров Е. В., Минина И. С.* Правовое регулирование государственно-частного партнерства в России и за рубежом // Государственное управление: электрон. вестн. — 2018. — Вып. 68. — С. 294–311.

[2] *Килинкаргов В. В.* Новый закон о публично-частных партнерствах в России: история принятия и перспективы применения // Закон. — 2016. — № 9. — С. 107–116.

[3] *Офин В. П., Провоторов И. А.* Особенности реализации проектов государственно-частного партнерства с иностранным участием // Глобализация и мировые хозяйственные процессы. — 2016. — С. 19–23.

[4] *Шумейко Е. Г., Мишальченко Ю. В.* Анализ института государственно-частного партнерства в международной и российской правовой практике // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 1 (116). — С. 15–17.

[5] Private Finance Initiative and Private Finance 2 projects: 2016 summary data // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/579271/PFI_and_PF2_projects_2016_summary_data.pdf (дата обращения 02.03.2019).

[6] Public-Private Partnerships. Vers. 1.0. Reference Guide 2012 [Электронный ресурс] / International Bank for Reconstruction and Development. International Development Association of The World Bank. — 230 p. — URL: <file:///C:/Users/aleksenko01/Desktop/79804.pdf> (дата обращения 02.03.2019).

*Мосягин Дмитрий Юрьевич,
студент Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Проблемы вовлечения несовершеннолетних в террористические организации

В настоящее время терроризм является одной из наиболее острых проблем как международного сообщества, так и Российской Федерации. В федеральном законе о противодействии терроризму дается следующее понятие: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения различными органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий».

Для достижения своих целей террористические организации используют все доступные ресурсы, в том числе и человеческие. Однако самым антигуманным фактом является все более активное вовлечение в занятия террористической деятельностью несовершеннолетних, что становится опасной тенденцией.

Данный процесс приобрел широкие масштабы по причине военных действий в Сирии и Ираке. Большинство террористических групп имеют военно-тренировочные базы — лагеря, где воспитываются и проходят подготовку юные террористы. Количество таких баз исчисляется десятками.

Самыми популярными являются лагеря террористической группы «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) — исламистской террористической организации, действующей на территории Ирака и Сирии. (Левант (в пер. со старофр. «восход») — историческая область в восточной части Средиземноморья, охватывает территорию Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Палестины, Египта, Турции, Кипра. Арабы называют эту территорию аш-Шам). В этих лагерях открыто готовят юных террористов. Некоторые дети едва достигли пятилетнего возраста, а на них уже активно применяются методы психологического воздействия и внушения.

После прохождения подготовки несовершеннолетние могут занять место в террористической организации — от простого помощника до, к большому сожалению, чаще всего террориста-смертника.

Способы вербовки несовершеннолетних в террористические организации весьма разнообразны. Встречаются и случаи самовербовки, что характерно чаще всего для детей-сирот. Для такой категории детей авторитетами и наставниками становятся вербовщики, а семьей

— члены террористической ячейки. Именно дети-сироты более всего уязвимы и подвержены влиянию со стороны террористов, поскольку ими проще управлять и воздействовать на них идеологическими лозунгами. Следует отметить и категорию несовершеннолетних, которые становятся участниками террористических ячеек по воле родителей. Есть два варианта такого вовлечения детей в террористическую деятельность. Первый — когда родители ребенка или подростка сами являются членами террористической организации, второй — когда родители продают своих детей в террористические организации из-за финансовых проблем.

Поскольку мы живем в век информационных технологий и развитой системы социальных сетей, активная вербовочная система развита и в этой среде.

Современные подростки, испытывающие какой-либо дискомфорт в близком социальном окружении (неуверенность в себе, неприязнь со стороны сверстников, большие трудности в общении с родными и т. д.), чаще всего пытаются найти выход из ситуации, погружаясь в пучину Интернета. Именно там они становятся жертвами экстремистов, активно использующих сеть «Интернет» как вербовочный пункт. С несовершеннолетними устанавливается контакт, проводится необходимая для вовлечения в экстремистскую деятельность работа.

Следует отметить ряд основных факторов и социальных явлений, способствующих вовлечению несовершеннолетнего в террористическую деятельность:

— рост неудовлетворенности в обществе, прежде всего из-за большого разрыва в уровне доходов между обеспеченными гражданами и малоимущими;

— влияние организованной преступности на обострение и углубление противоречий в обществе, постепенное втягивание определенной части населения в криминальные отношения;

— низкий уровень духовно-нравственной жизни общества, разрушение исторических и культурных традиций;

— расширение возможностей по пропаганде идей терроризма с использованием современных средств коммуникации, распространение технологических средств организации и проведения террористических актов через СМИ и Интернет.

Следует особо остановиться на воздействии Интернета на неокрепшую и потому особенно уязвимую психику несовершеннолетних. Вербовщики террористических организаций через сеть охватывают огромный массив несовершеннолетних во многих странах, в том числе и в Российской Федерации.

Стоит охарактеризовать процедуру вербовки через социальные сети.

Предварительно вербовщики могут анализировать личные страницы потенциальных жертв, выбирая тех людей, которые демон-

стрируют активность и в то же время отсутствие четких личностных позиций. Вербовщики на первом этапе поиска потенциальных кандидатов проводят тщательный анализ актуальных желаний человека, его психологических проблем и ценностных ориентаций. На втором этапе вербовщик вступает в виртуальное или реальное общение с выбранной жертвой. Цель такого общения — создать ощущение безопасности, психологический комфорт, иллюзию «понимания» и удовлетворения потребности в любви. Таким образом, рано или поздно возникает психологическая зависимость от манипулятора, готовность разделить с ним его убеждения и выполнять его указания. Такая зависимость снижает способность оценивать партнера объективно, осознавать последствия собственных поступков. Главное для вербовщика в террористической организации — сформировать у человека психологическую зависимость, когда индивидуальные принципы и ценности заменяются чужими установками и программами действий. Молодые люди в лице вербовщика находят внимательного, понимающего человека и, принимая его помощь, начинают чувствовать себя обязанными. Такой прием использования вежливости, благодарности человека называется «балансом услуг». Таким образом, вербовщики террористических организаций являются блестящими манипуляторами и психологами, обладающими к тому же техническим обеспечением высокого уровня и пиар-ресурсами. Все вышеназванное служит идеальными инструментами для воздействия на неокрепшее сознание и психику несовершеннолетних, легко попадающих в ловушку террористов [1].

Следует отметить еще один вид террористической деятельности: «малобюджетный террор». Данную деятельность ведут террористы, которые возвращаются из мест их активной деятельности на родину и организуют там «спящие ячейки» (это сравнительно новая тактика террористов) из числа молодых людей, в основном 16-летнего возраста, преимущественно мусульманского вероисповедования.

Такая деятельность развита во многих странах мира, в том числе и в России.

В заключение стоит отметить, что подверженность несовершеннолетних влиянию террористических организаций весьма ощутима, поэтому особое внимание стоит уделить информационной безопасности. Для этого необходимо усовершенствовать систему контроля информации, находящейся в сети «Интернет». Необходима разработка программ и систем выявления скрытого присутствия вербовщиков в социальных сетях, а также вербовочных ячеек, действующих в форме подполья. Необходимо создать и реализовать общественные программы, способствующие установлению фактов отрицательного воздействия на несовершеннолетних. Тогда родители смогут вовремя остановить вовлечение подростков в террористические организации

либо через Интернет, либо с помощью реального контакта. Такие программы должны научить несовершеннолетних грамотно действовать при попытке вовлечения их в экстремистскую деятельность. Следует напомнить родителям, что они ответственны за жизнь своих детей и обязаны следить за их увлечениями и интересами, чтобы вовремя предотвратить опасность.

Библиографический список

[1] *Калинина С. Б.* Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации / С. Б. Калинина // Наука. Общество. Оборона. — 2018. — № 2 (15). — URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15> (дата обращения: 09.03.2019 г.).

УДК 347.6

*Никончук Елена Владимировна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Наследственный фонд: в России и за рубежом

1 сентября 2018 года вступил в силу Федеральный закон № 259 от 29 июля 2017 года, в соответствии с которым в России появляется такой способ управления имуществом после смерти владельца - как наследственный фонд. Цель — благая: защитить бизнес от рисков при наследовании, позволить бизнесу продолжить свою работу, несмотря на смену владельца. Механизм осуществления — достаточно прост: активы передаются в наследственный фонд, который и будет управлять бизнесом, а указанные наследодателем выгодоприобретатели получают выплаты из этого фонда. Насколько будет востребован этот механизм покажет только время, и многое зависит от того, насколько удобно будет пользоваться наследственным фондом на практике. Сложные процедуры, неопределенные или неполные правила способны подорвать уверенность потенциальных наследодателей в надежности такого института.

Один из самых известных посмертных фондов, который был создан на основе завещания, является фонд Альфреда Нобеля. Из него выплачиваются нобелевские премии. Учёный отвлёл большую часть

своего состояния на ежегодную выплату пяти премий: в области физики, химии, физиологии и медицины, литературы и мира. Теперь такие фонды появились и в России.

Итак, что же такое наследственный фонд? Наследственный фонд — это некоммерческое юридическое лицо, создаваемое во исполнение завещания гражданина на основе его имущества. Создается наследственный фонд нотариусом. То есть появляется уже после смерти завещателя и считается созданным с момента его регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц.

Еще при жизни наследодатель должен принять решение об учреждении фонда, подготовить текст устава и определить все условия управления фондом. Эти документы прилагаются к открытому завещанию, удостоверяемому нотариусом. В завещании при этом должна быть выражена воля на посмертное учреждение фонда, а также срок на который он создается. Это может быть определенный срок или бессрочно. После смерти наследодателя и открытия наследственного дела нотариус инициирует создание наследственного фонда. После формирования исполнительного органа (может быть как единоличный, так и коллегиальный, может быть выбран наследодателем заранее или выбран по процедуре из определенного круга лиц, предусмотренных завещателем) нотариус направляет в уполномоченный орган заявление о создании фонда. Выгодоприобретатели по закону не могут входить в состав исполнительных органов наследственного фонда. Однако у них есть другая возможность повлиять на управление фондом: в нем могут быть созданы попечительский совет и высший коллегиальный орган, в состав которых могут войти выгодоприобретатели. Порядок изменения состава органов управления должен быть определен в уставе наследственного фонда и может быть изменен только в судебном порядке. Ликвидация фонда осуществляется в соответствии с законом, а также в связи с наступлением указанных в условиях обстоятельств или невозможностью сформировать органы управления фондом.

Стоит отметить, что фонды как метод инвестирования уже хорошо известны на российском рынке: более 20 лет назад появился институт паевых инвестиционных фондов (ПИФов). В случае с паевым инвестиционным фондом учредитель доверительного управления при жизни обговаривает с управляющей компанией все существенные условия и может увидеть, как этот порядок работает в жизни, а не только на бумаге. Учредителем ПИФа может быть как физическое, так и юридическое лицо, резидент России и нерезидент. После включения имущества в состав ПИФа управляющая компания без каких-либо дополнительных доверенностей может фактически и юридически управлять имуществом. И если наследственный фонд — это некоммерческая организация, не преследующая в своей деятельности

коммерческих целей, то ПИФ в своем названии уже содержит основной ориентир для управляющей компании и владельцев паев — это инвестиции. Основным направлением деятельности управляющей компании ПИФа является управление фондом исключительно в интересах учредителей доверительного управления. Более того, учредитель доверительного управления может предусмотреть порядок расчета вознаграждения управляющей компании (бонусов). Таким образом она будет заинтересована в приросте имущества.

В наследственных фондах законодатель предусмотрел классическую для юридических лиц структуру управления: высший коллегиальный орган, попечительский совет, коллегиальный исполнительный орган, единоличный исполнительный орган. Их компетенция ограничена уставом наследственного фонда. Насколько ответственно будут управлять фондом, особенно при отсутствии необходимости приумножать активы с целью их экономического роста — вопрос остается открытым.

Наследственный фонд — юридическое лицо, полноценный налогоплательщик. Каких-либо налоговых льгот и преференций Налоговый кодекс наследственным фондам не предоставляет. И это к примеру противоречит мировой практике применения подобных фондов. Если же вновь вернуться к ПИФам, то доходы, полученные в составе ПИФа, не облагаются налогом на прибыль.

Российскими законодателями взят курс на создание правовых институтов, которые используются в английском праве: появление опционов, счетов эскроу, корпоративных договоров, а теперь и наследственных фондов — тому доказательство. Сейчас учреждать наследственные фонды можно во многих странах мира. Институт для таких целей на западе называется трастом. Там обычно подобные фонды создают бизнесмены и очень богатые люди еще при жизни. Они делают это не только для того, чтобы поддержать после своей смерти родственников, но и с целью приносить пользу обществу. Средства из фонда могут тратиться на благотворительность. Зачастую конструкция фонда используется как средство законной налоговой оптимизации, которое позволяет облегчить налоговое бремя для наследников. В Германии существуют достаточно высокие налоги на наследство, размер которых может достигать до 50%, в зависимости от степени родства. При помощи фонда минимизируются расходы, связанные с передачей имущества от наследодателя к наследнику. Переданное имущество освобождается от претензий обязательных наследников и кредиторов. По своей сути это вывод имущественных активов из под удара. В России же закон прямо установил, что наследственный фонд отвечает перед кредиторами наследодателя по общим правилам.

Появление наследственных фондов в России — это очередная инициатива по «точечной модернизации» российского наследствен-

ного права, во многом состоящего из советского наследия. В какой-то степени новый фонд может решить проблему наследников, когда не получается управлять бизнесом во временной отрезок между смертью владельца состояния и получением наследства. Безусловно, целевая аудитория наследственного фонда — это бизнесмены и люди со значительными активами. Но если наследственный фонд преследует сразу несколько целей: 1) профессиональное управление имуществом для его сохранения и (или) даже приумножения 2) определенное содержание для наследников и 3) предотвращение раздела наследственного имущества. То стоит отметить, что этих целей можно достигнуть уже сейчас в рамках завещания и договора доверительного управления. По моему мнению, в ближайшие несколько лет наследственный фонд не будет пользоваться популярностью у российских наследодателей. Круг состоятельных лиц, которым наследственный фонд может помочь, в нашей стране не достаточно широк, большинство активов таких граждан выведено за рубеж, а их российское имущество обычно надежно спрятано сетью офшоров или оформлено на номинальных лиц. Уже сейчас можно выделить основные проблемы наследственных фондов: а именно 1) то, что наследодатель не сможет протестировать работу фонда до своей смерти, 2) граждане не могут создать совместный наследственный фонд, закон не дает возможности супругам создать совместный наследственный фонд, вместе с тем было бы логично дать такую им такую возможность, они могли бы учредить такой фонд в интересах общих или добрых детей, 3) отсутствие механизмов контроля нотариуса, ответственного за создание фонда, 4) налогообложение и антимонопольные и иные ограничения, применяемые к наследственным фондам. Многие специалисты считают, что для популяризации такого института необходим специальный режим налогообложения наследственного фонда и льготы для получения выгодоприобретателями имущества от фонда.

Библиографический список

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу 5. Наследственное право. — М.: Статут, 2018. — 264 с.

[2] *Данильченко В.* Наследственный фонд. Как это будет работать в России [Электронный ресурс] // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/nasledstvennyu-fond/?sphrase_id=31801 (дата обращения 10.03.2019).

[3] *Крашенинников П. В.* Наследственное право. Учебник. — М.: Статут, 2016. — 272 с.

[4] Крашенинников П. В. Наследство до востребования [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2017. — 1 августа. — URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krasheninnikov-nasledstvennyj-fond-novuj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html> (дата обращения 10.03.2019).

[5] Щенникова Л. В. Наследственный фонд как новелла Российского гражданского права [Электронный ресурс] // URL: <http://notariat.redhampr.ru/notariat/publikacii/stati/2899/> (дата обращения 10.03.2019).

УДК 342.9

*Покровский Филипп Андреевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Рекламная деятельность как объект административно-правового регулирования

На этапе интенсивного развития экономических отношений, в том числе и в цифровом формате, не возникает сомнений в необходимости надлежащего административно-правового регулирования и контроля в сфере рекламы. Реклама занимает важное место в структуре административно-правовых отношений в силу того, что ее содержание может противоречить действующему законодательству и быть направлено на привлечение внимания к нелегальным видам деятельности.

Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее: Закон о рекламе) в целом регламентирует отношения в области рекламы, взаимосвязи участников этих отношений.

Значимое место в тексте данного закона отводится административно-правовым аспектам упорядочивания названной предметной области. Так, рекламное законодательство позволяет привлекать субъектов рекламной деятельности к административной ответственности в случае нарушения правовых норм, содержащихся в законе.

Для более глубокого исследования элементов административно-правового воздействия на субъектов рекламной деятельности необходимо проанализировать существующие в юридико-правовой литературе подходы к толкованию категории «реклама». В российской юридической науке нет единого мнения относительно определения упомянутого термина. Стоит отметить, что до сегодняшнего дня не предложена единая целостная концепция административно-правового регулирования общественных отношений, связанных с производством и размещением рекламы.

© Покровский Ф. А., 2019

Однако в диссертационном исследовании Е. В. Медянковой представлена наиболее удачная формулировка дефиниции: «Реклама — это информационные сведения, которые распространяют через средства коммуникации, о физическом или юридическом лице, товарах, идеях, услугах с целью формирования к ним коммерческой заинтересованности у неопределенного круга лиц» [1, с. 10].

В целом рекламное право предусматривает, что основными требованиями к рекламе являются ее добросовестность и достоверность, а следовательно, ненадлежащая реклама не допускается. В этой связи ключевыми целями административно-правового регулирования рекламы будут выступать исполнение законных прав потребителей на получение истинной и добросовестной рекламы и гарантирование равновесия частных и публичных интересов [2, с. 29].

Как говорилось выше, некоторые статьи Закона о рекламе содержат положения административного характера, по своей сути направленные на упорядочивание данных отношений по традиционной схеме административного воздействия: «власть — подчинение». В рамках исследуемой темы такие отношения возникают между субъектом управления, наделенным государственно-властной компетенцией, и тем, на кого направлено управление, т. е. физическим или юридическим лицом. Регулирование, включающее в себя и совокупность контрольно-надзорных действий в области рекламы, осуществляется антимонопольным органом. Непосредственно порядок государственного надзора регламентирован в гл. 5 этого закона, согласно тексту которой, в случае если субъект общественных отношений нарушает нормы права, антимонопольный орган имеет право привлекать правонарушителя к административной юридической ответственности.

В качестве примера следует привести действия комиссии Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области. В адрес Новосибирского УФАС России поступило заявление физического лица о поступлении 25 ноября 2018 г. смс-сообщений рекламного содержания на номер заявителя с приглашением от конкретного физического лица на прием в косметологическую клинику, расположенную по определенному адресу в г. Новосибирске, с признаками нарушения Закона о рекламе. Факт направления такого сообщения рекламного характера антимонопольная служба признала нарушением и квалифицировала в соответствии с ч. 1 ст. 18 Закона о рекламе. Поскольку распространение рекламы путем направления на номера телефонов абонентов возможно только при условии их предварительного согласия, а такое согласие получено не было, всю ответственность за нарушение требований ч. 1 ст. 18 Закона о рекламе несет рекламораспространитель. В соответствии с ч. 1 ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (КоАП РФ) Новосибирское УФАС России назначило рекламораспространи-

телю за указанное правонарушение административный штраф в размере 2500 руб.

Таким образом, рекламное законодательство включает комплекс административно-правовых мер регулирования маркетинговой рекламной деятельности, что обусловлено несколькими причинами:

1) ФАС России — орган исполнительной власти, который выполняет контролирующие и надзорные функции, являясь одной из сторон отношений в рекламном законодательстве;

2) если обратиться к рекламе медицинских услуг, то следует учесть, что реклама в медицинской сфере сопровождается государственным надзором и нарушение положений рекламного законодательства в этой сфере ведет к незамедлительному привлечению нарушителей именно к административной ответственности;

3) ФАС России вправе привлекать виновных к административной юридической ответственности; антимонопольное ведомство имеет право возбуждать разбирательства по административным делам.

Приведенные выше причины подтверждают, что рекламную маркетинговую деятельность следует трактовать как объект административно-правового регулирования.

Библиографический список

[1] *Медянцева Е. В.* Правовое регулирование рекламной информации: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2002. — 146 с.

[2] *Туровская В. Б.* Эффективное государственное обеспечение права потребителя на надлежащую рекламу товаров как способ предупреждения причинения вреда здоровью населения (на примере биологически активных добавок) / А. К. Корчагина, В. Б. Туровская // Вестн. Казанск. юр. ин-та МВД России. — 2016. — № 2 (24). — С. 28–31.

УДК 342.9

*Сизов Аркадий Константинович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Наградное право как институт административного права

На протяжении всей истории человечества общество и государство находились в постоянном взаимодействии. Чтобы более эффективно мотивировать человека на достижение результатов, выгодных государству и обществу, была создана система поощрений.

© Сизов А. К., 2019

В истории нашей страны существуют два равнозначных периода, определивших нынешнюю наградную систему: период Российской империи и период СССР [14]. Первый период можно охарактеризовать крайне строгим правовым регулированием, наличием достаточного количества наград, выверенным и точным правовым законодательством, а также тем, что наградная система этого времени была основана на принципе сословности. С приходом советской власти произошел отказ от старой системы и создание новой, строившейся на принципах всеобщего равенства. Современная наградная система Российской Федерации является наследником двух названных систем, но характеризуется слабостью правового регулирования. Главной причиной слабого развития наградной системы стала правовая неопределенность при определении места наградного права в правовой системе Российской Федерации.

На настоящий момент существует несколько подходов к этому вопросу. Н. А. Гущина определяет наградное право как межотраслевой институт, подчеркивая то, что поощрения присутствуют в разных отраслях права (скажем, условно-досрочное освобождение как мера поощрения в уголовном праве) [2, с. 18–19]. Особенностью этой концепции является то, что наградное право рассматривается как совокупность всех поощрений, существующих в отечественной правовой системе. Такое мнение допустимо, если забыть об устоявшейся традиции выделять термин награда как поощрение особого рода, обладающее специфическими признаками, под которые попадает только часть «поощрений» [11]. В связи со сложившимся правовым обычаем определенным образом обозначать понятие «награда», наградное право не может быть определено так, как это предлагает Н. А. Гущина.

В.А. Винокуров также предлагает считать наградное право межотраслевым институтом, но с приоритетом норм конституционного права [1, с. 19-30]. Свою позицию он обосновывает наличием указаний на понятия, исполняемые наградным правом, в Конституции Российской Федерации и некоторых федеральных законах. Однако эти указания являются лишь упоминаниями и в контексте источников конституционного права не несут никакого нормативного регулирования [15]. Закрепление же отдельных понятий в вышеуказанных источниках в некоторых случаях носит декларативный характер, что соответствует роли конституционного законодательства как источника, закрепляющего основные нормы российского права [6]. Проводя аналогию, стоит вспомнить, что Конституция Российской Федерации содержит в себе множество норм на которых базируется уголовно-процессуальное законодательство, в частности принцип презумпции невиновности граждан; тем не менее уголовно-процессуальное право не является частью конституционного права, даже несмотря на признание Конституции в качестве формального источника этой отрасли права [10].

Относительно аргумента о связи поощрений с государственной властью, следует отметить, что сам факт связи наград с этим понятием, свидетельствует скорее о том, что награды можно назвать одним из методов государственного управления, а следовательно, институтом административного права [4] [13].

С.В. Мирошник называет наградное право комплексным институтом. Тем не менее большая часть ее аргументов говорит об административно-правовом характере данного института. Автор приводит в свою пользу также следующий аргумент: нормы этого института регулируют, кроме государственных, еще и негосударственные отношения в сфере наградной деятельности. Но эта деятельность тем не менее базируется на внутриорганизационных актах управления, являющихся источниками административного права [3].

В пользу подхода о принадлежности института наградного права к сфере административного права высказывается Е.В. Трофимов, аргументируя свою позицию тем, что регулирование данного института осуществляется в основном подзаконными актами [9] [12]. Он раскрывает этот институт как совокупность норм административно-правового характера, чьей задачей является регулирование общественных отношений, фундаментом которых является установление и применение наград уполномоченным субъектом [5] [8].

В пользу мнения о том, что наградное право является институтом административного права, говорит и историческая составляющая. Об отнесении наградного права к иной отрасли в пору было бы говорить в эпоху существования Российской империи, когда награда «истребовалась», наряду с представлением уполномоченным субъектом лица к награде, а индивид обладал правом требования поощрения за свои заслуги самостоятельно. В советский период это субъективное право исчезло. Современная наградная деятельность Российской Федерации в этом вопросе придерживается пути, созданного СССР, а при таком подходе сложно утверждать, что наградное право не движется в фарватере административного права.

Достаточно часто в пользу межотраслевого или комплексного характера института наградного права приводят в пример награды таких негосударственных органов власти как органы местного самоуправления, существование которых, на взгляд исследователей, доказывает межотраслевой характер взаимоотношений в сфере наградного права. В то же время в Российской Федерации проводится активная политика по централизации власти, урезанию полномочий органов местного самоуправления и директивному руководству этими органами. Можно заметить, что наградная деятельность органов местного самоуправления является таким «делегированным полномочием», регулируемым административным правом, что дает еще один аргумент в пользу принадлежности наградного права к отрасли административного права.

Библиографический список

[1] *Винокуров В. А.* Конституционно-правовые основы регулирования наград государства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 515 с.

[2] *Гущина Н. А.* Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2004. — 341 с.

[3] *Мирошник С. В.* Наградное право как комплексный правовой институт // Общество: политика, экономика, право. — 2015. — № 4. — С. 27–28.

[4] *Трофимов Е. В.* Государственные награды в Российской Федерации (правовые аспекты): моногр. — Хабаровск: Изд-во «Магеллан», 2007. — 170 с.

[5] *Трофимов Е. В.* Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 42 с.

[6] *Трофимов Е. В.* Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование: моногр. — СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2013. — 352 с.

[7] *Трофимов Е. В.* Наградное дело в Российской Федерации: моногр. — М.: Изд-во «Юрист», 2011. — 944 с.

[8] *Трофимов Е. В.* Наградное дело и наградное право в системе правового регулирования [Электронный ресурс] // Вопросы права и политики. — 2012. — № 5. — С. 24–89. — URL: http://e-notabene.ru/lr/article_393.html.

[9] *Трофимов Е. В.* Наградное право в системе российского права и его источники // Новый юридический журнал. — 2011. — № 3. — С. 58–68.

[10] *Трофимов Е. В.* Наградное право: учеб. пособие. — СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 328 с.

[11] *Трофимов Е. В.* Награды как особого рода поощрения // Политика и общество. — 2011. — № 9. — С. 37–52.

[12] *Трофимов Е. В.* Награды субъектов Российской Федерации (система и правовое регулирование): моногр. — Хабаровск: Дальний Восток, 2008. — 690 с.

[13] *Трофимов Е. В.* Понятие и правовое значение государственных наград // Современное право. — 2006. — № 7. — С. 52–58.

[14] *Трофимов Е. В.* Принципы наградного дела // Право и политика. — 2011. — № 4. — С. 567–578.

[15] *Трофимов Е. В.* Структура и содержание наградного правоотношения // Право и политика. — 2010. — № 12. — С. 2142–2151.

ПРАВО. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Том 8

Редактор: *И. И. Шефановская*

Верстка: *Е. А. Руднева*

Подписано в печать 20.05.2019. Формат 60×84/16. Печ. л. 13,75. Тираж 90 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).